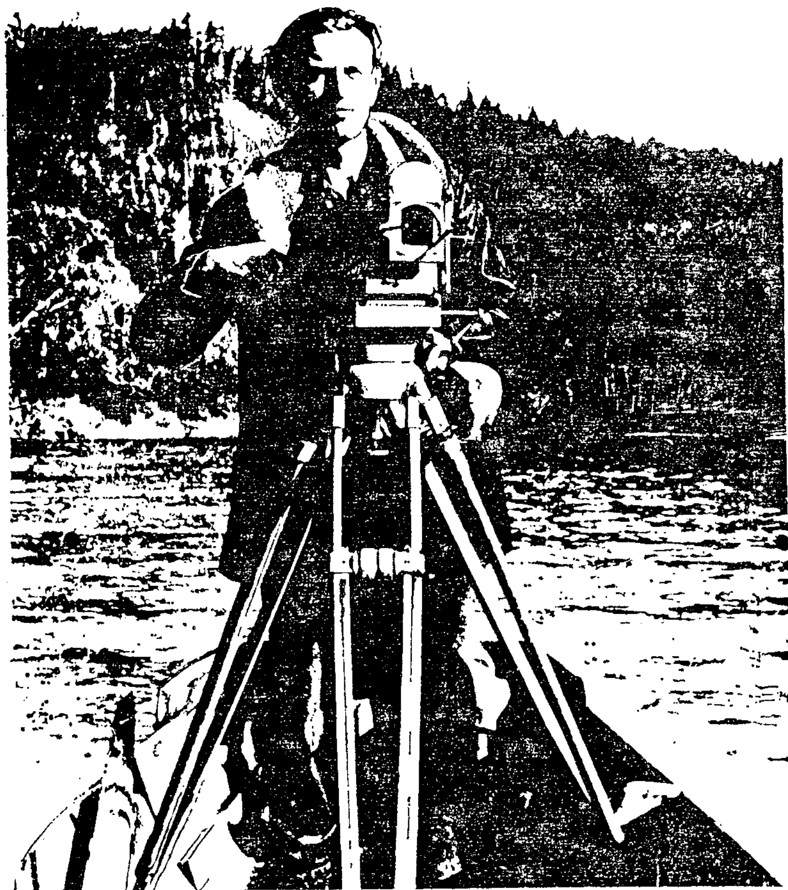
НИКОЛАЙ ЛЫТКИН

КАК В КИНО

записки кинохроникера

МОСКВА

Москва, 1929 год. Идет прием в Государственный техникум кинематографии. В фойе, в коридорах и на лестнице так тесно, как теперь бывает в метро в часы пик. Кругом модно одетые подражатели знаменитым кинозвездам. Казалось, что с экрана сошли Гарри Пили, Дугласы Фербенксы, Рудольфы Валентино, Мэри Пикфорд — блондинки в клетчатых платьицах. Чванливые, откормленные форсуны, разговаривая между собой, так и сыплют именами Сесиля де Миля, Эрнста Любича, Гриффитса. Высокомерно поглядывают на других абитуриентов, среди которых один даже в лаптях.

Но вот сквозь эту плотную и вдруг замолкшую толпу кто-то пронес и повесил списки принятых. Началась давка, крики, писк. Пробираюсь к ним и я, работая локтями. Сильно бьется сердце, волнуюсь, смотрю на список и фамилии своей не вижу. Ну что ж. Отхожу в сторону, закуриваю. И раньше было ясно, что не пробиться мне сквозь эту публику. Что же теперь делать? Работы в Москве нет. Неужели возвращаться ни с чем?

...Вспоминаю, как приехал недавно в Москву, теплой июньской ночью пытался заснуть на садовой скамейке у памятника Пушкину на Тверском бульваре. Рядом у Страстного монастыря стоянка извозчиков. Засыпаю наконец под крики, громыханье трамваев, резкие трели звонков, а мысли там, дома, за Вологдой.

В Москву меня провожали мать и друг юности Толя Жарков. Отец не мог пойти на вокзал, я нашел его на чердаке одного дома, где он перекладывал печную трубу. Отложив кирку и закурив, он советует мне на дорогу:

— Там, в Москве-то, и жулики в шляпах ходят, так что смотри, остерегайся. Все мы уж очень просты. Ты осматривайся и помни пословицу: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал».

А я смотрел на его натруженные руки, на помощника, парнишку из нашего села, занявшего мое место, и думал: вот и наступил день, меняющий мою судьбу.

Когда я подрос, отец стал брать меня с собой помогать ему, мять глину, таскать кирпичи. Нехитрый инструмент завернут в фартук — кирка, отвес и правило. Нас узнавали по одежде, впитавшей красную кирпичную пыль.

Однажды мы прошли за день около семидесяти верст. После переправы через Сухону я снял сапоги и шел босиком еще верст сорок. Наутро я не мог ходить. Подошвы ног так были отмяты, что пришлось целую неделю ползать на коленках.

Когда находилась работа, отец действовал по правилу: «Рядись — не торопись, а делай на совесть». Редко встречал я таких добросовестных работников. Каждый кирпич он опускал в ведро и укладывал ловко и сноровисто, делая удивительно красивые «пекарки». У него был врожденный вкус художника интерьера. Кстати и рисовал он хорошо. Как-то за одну минуту нарисовал целый табун лошадей в самых разных положениях, лошади стояли, бежали, прыгали.

Отец часто говорил: «Все должно быть складно». На деле это выражалось в том, что натертая кирпичом, красная готовая печь как-то удачно вписывалась внутрь избы, вызывая довольные улыбки хозяев.

— Печеклад, а печеклад!

— Что, хозяюшка Ефалья?

— А тяга будет хорошая?

— А тяга будет такая, что ежели будешь долго шарашиться у шестка, то и подол тебе на голову!

— Уж ты скажешь.

Летние дни на Севере длинные. Работал отец с увлечением, ну а в сумерки обычно говорил: «Перед смертью не надышишься, а после света не наработаешься, пора кончать».

Приятно работать в новой избе: чисто, пахнет стружками, хозяева молодые, приветливые. Но вот переходим в другую деревню, где надо ломать старую глинобитную печь, возиться в саже и грязи. Эта из-

ба еще отапливалась по-черному, и «дым отечества» в любое время года выходил из дверей, открытых настежь.

«И дым отечества нам сладок и приятен» — учили мы в школе. А кому это — «нам»? Сладок и приятен был тот дым лишь господам, когда, возвращаясь из-за границы, они мчались на тройках мимо крайних курных изб. По утрам все деревни были в дыму.

Хозяин заводит граммофон. Поет Анастасия Вяльцева:

Я ли не работница
На селе была...
От работы спинушка
Ноет и болит,
А лучинушка, моя лучинушка
Не ясно горит.

На глянцевой от сажи стене висят дорогие часы с двухнедельным заводом, приобретение голодных лет, когда горожане меняли вещи на хлеб. В углу самодельный ткацкий станок, хозяева носят домотканые одежды.

Ужинаем. Кроме нас за столом сидят плотники, они будут прорубать потолок, исправлять крышу. Артель возглавляет веселый рыжебородый старик с вывихнутой из плеча рукой. Он говорит в рифму, к удовольствию моего отца. Речи его умны, шутливы и, конечно, нецензурны.

В большом глиняном горшке щи с мясом. Черпают деревянными ложками по очереди, не спеша. Едят молча, аккуратно, никто не фыркает и не чавкает. Я уже знал порядок — когда можно таскать мясо. Молодой парень, не дождавшись, когда ударят ложкой по горшку, зачерпнул кусочек мяса. Старик вышиб его ложку, да так ловко, что она улетела за окно. Пока он бегал, мясо уже вычерпали. Стемнело. Хозяин зажег лучинку. Впервые вижу такой способ освещения. Обгоревшие угольки падают в воду, шипят. Вдруг загремела заслонка, и в нашу сторону, шурша соломой, вылезает из печи совершенно голая баба. Хозяин ворчит: «Нашла время париться». Мужики хохочут. «Ничего, на фронте мы и пострашней штуки видали».

Когда кто-нибудь, живя в квартире со всеми удобствами, вздыхает сегодня о старой, милой деревне, я

хочу напомнить ему те черные избы, грязь, дикость, спеленутых детей, надрывающихся от крика в дыму.

Нам с отцом приходилось работать и в самой Вологде. Были времена нэпа. Мальчишкой я видел, как несправедлива и обидна зависимость от «хозяина». Важная дама в дорогом халате капризным тоном дает указания. Отец долго не отвечает, наконец моет руки, снимает фартук и складывает инструменты: «Много знаешь, так делай сама». Испугавшись, что печники уйдут, оставив недоделанную работу, кучу глины и кирпичей, хозяйка делается ласковой, и все кончается миром.

...Всю дорогу от Вологды до Москвы радостное чувство не покидало меня. Вагонные колеса выстукивали: «Куда же ты, куда же ты». И сердце мое переполняли самые радужные надежды. Веяло романтикой от паровозного дымка, залетавшего в открытое окно. Каруселью кружились деревушки вокруг церквей. Весна. Все радовало,— и свежепокрашенные полки, и сказочные названия станций: Итларь, Берендеево. В вагоне я был почему-то один. Скоро Москва! Меня встретит мой приятель-односельчанин, он уже студент. На первых порах остановлюсь у него.

Проводник подметает пол, поливая его из чайника.

— О чем же ты, теленочек, задумался?

— Почему теленочек?

— Да ведь так вас, вологодских, называют. Читал я в одном календаре. На все губернии есть прозвища: Рязань, например,— косопузая, владимирские — богомазы, вятские — ребята хваткие, семеро одного не боятся, казанские — сироты, а вы, вологодские,— телята!

Хороши телята. Во многих деревнях ни один престольный праздник не обходился без покойника. Драки, пьянство, поножовщина были делом обычным.

...Вот и Москва. Перрон Ярославского вокзала. Земляка своего не вижу. Устраиваюсь в зале ожидания у самого выхода на площадь. В стеклянной стене большие часы. У другой стены телефон. Толстая телефонная книга висит на железной цепи. Книга покрыта штампами: «Украдена из автомата». На двери зала ожидания тревожная надпись: «ВЫХОДА НЕТ». Неправда, думаю я, выход найдем.

Через полтора часа появился смущенный земляк, виновато улыбаясь, он сказал, что ехать к нему нельзя. Хозяева сказали: если его приведешь — убирайся сам.

— Им написали, что ты коммунист.

— Ну и черт с ними,— говорю я Миле (у него было редкое имя — Ермипнгельд).— Ты тут ни при чем, ну а я не пропаду.— Мои отец и мать сами никогда ни у кого не одалживались и у меня воспитали характер независимый. Оставив чемодан с книгами и сапогами в камере хранения, мы пошли бродить по Москве. Тверская улица. Ломовые лошади тянули клади по булыжной мостовой. Цокали подковы. Вот показалась блестящая черная карета с золотыми буквами «ЯКОВ РАЦЕР — продажа угля и дров».

В одном из переулков Мясницкой улицы мы увидели вывеску «Дом крестьянина», но мест там не оказалось. Выходим на Красную площадь. На кремлевских башнях еще сидели царские орлы. Мавзолей В. И. Ленина был тогда деревянным.

Поздним вечером, расставшись с приятелем, усталый от впечатлений, я сел на скамье у памятника Пушкину. Стихала вечерняя Москва. Так закончился мой первый день в Москве.

Разбудили меня звонки и лязганье первых трамваев. Бронзовый Пушкин блестел от росы. На пьедестале выпуклые буквы искаженных Жуковским стихов. Появился трамвай с буквой «А».

— Аннушка бульварная,— бормочет сосед на другой скамье.

Подошел милиционер в белой каске, внимательно посмотрел на нас и ушел, ничего не сказав. Еду в Марьину рощу на биржу труда строителей. В переполненном трамвае скандал. Ругают плотника с большой пилой, завернутой в тряпки.

— Ты куда, леший, с пилой-то! Высадить его!

— Пила? Разве это пила? Это кормилица. А пила — вот она,— выкручивается мужик, показывая на свою жену. Все смеются, и находчивый плотник благополучно добирается до биржи. Там на пустыре, под открытым небом, вдоль нового забора сидят хмурые мастера — сотни безработных с кистями, пилами и топорами. Появляется служащий:

— Каменщики — пять человек, землекопы — трое, маляры — один.

Путевки рвут из рук.

Мне везет. Узнав, что я приехал учиться, мне тут же дают путевку в Москвотоп чистить котлы парового отопления, талоны на обед и пропуск в общежитие.

В больших комнатах плотными рядами стоят железные кровати. Занимаю свободную. Залощенный кусок брезента служит матрацем и подушкой. Одеял нет. В одном углу кого-то молча бьют. Под потолком яркая лампа.

В первую же ночь явились работники уголовного розыска. Один с наганом в руке встал у двери, двое других будят спящих. Слышу: «спи», «вставай», «спи». Вот и моя очередь: «спи». Увели несколько человек.

По вечерам готовлюсь к экзаменам в Ленинской библиотеке. Как хотелось снимать! Неужели не сбудутся мечты быть кинооператором?

В «Ермаковке» знали, что я собираюсь учиться. Один доброжелатель шептал: «Не примут, ведь ты даже не член профсоюза, не примут... Хошь, мы тебе сделаем билет? Ну как хочешь». Вероятно, только у меня и был настоящий пропуск в это «общежитие».

Все это проносилось в моей голове, пока я стоял и курил в раздумье. Не принят! Что делать дальше? Ждать еще год?

Экзамены были тяжелые. Профессор И. А. Бохонов после короткой беседы показывал множество замысловатых схем, разнообразных композиций, похожих на картины беспредметной живописи. На них были изображены шары и линии. Все схемы занумерованы. Меня просят указать, какие из них мне больше всего нравятся. Записывают номера. Чувствую, что моими ответами довольны. Вероятно, таким вот способом определяли «искру божию» у поступающих, но принять-то ведь надо было только восемь процентов из всех допущенных к экзаменам...

...Между тем толпа у списков стала редеть. Шикарные молодцы и девицы медленно расходятся. У некоторых покраснели глаза. Дай, думаю, еще раз,

на всякий случай, взгляну на список! Подхожу, смотрю, и вдруг темнеет в глазах: «№ 12. Лыткин Н. А.» Запомнилась в этом списке еще одна фамилия: «Л. Троцкий».

Я принят! Это был «год великого перелома» в моей жизни. Не знал я тогда, что недавним решением партии и правительства поставлена задача создавать советскую интеллигенцию из рабочих и крестьян.

Вешают новое объявление: «Иногородние студенты могут получить в канцелярии пропуска в общежитие, обеденные и трамвайные талоны у товарища Санамяна».

Вот это очень кстати! Две недели я, как и другие приезжие, спал в соседнем спортзале на толстых матах (а рядом со мной оказался Иван Кырла, будущий Мустафа из «Путевки в жизнь»).

Государственный техникум кинематографии через год будет преобразован во ВГИК, и я окажусь на втором курсе. Историю ВГИКа еще следует написать, а я могу предложить лишь несколько маленьких набросков.

ВГИК размещался под одной крышей с кинофабрикой «Межрабпомфильм», в огромном доме, где некогда находился знаменитый ресторан «Яр». Там еще сохранились остатки былой роскоши: огромные зеркала, мраморные лестницы, золотая лепка, египетские богини, поддерживающие светильники. В больших залах, где когда-то гремел соколовский хор цыган, разместились съемочные павильоны, а в отдельных кабинетах без окон, где еще сохранились шелковые обои и дорогой паркет, стояли грубо сколоченные столы и скамьи, на которых мы постигали тайны кино.

В первые дни меня удивило множество кошек, шнырявших под ногами. Оказалось, что кошки остались после съемок фильма «Процесс о трех миллионах». Их забыли вернуть хозяевам.

Наступил первый день занятий. Выступает директор Чернов:

— Главное, помните о классовой борьбе. Враг не дремлет. Возможно, он пробрался в ваши ряды, сидит где-нибудь здесь. Надо распознать его.

Многие от неловкости опускали глаза. Этот человек недолго был директором.

Начинаю присматриваться к сидящим в аудитории. Вот два друга, Микоша и Микшиц, оба Владики. Андрей Болтянский, сын старого кинематографиста, удивительный энциклопедист. Леонид Троцкий: года через два найдутся его родственники, и бывший детдомовец преобразится в Василия Дульцева. Нина Курбатова, веселая, энергичная, она была бы хорошим оператором, но кто-то сообщил, что дед ее был на Волге известным пароходчиком. Нину исключили из института. Поступив на курсы шоферов, она стала одной из первых в Москве девушек — водительниц такси. С тех пор я ее не видел. Но однажды, прочитав в газете мой рассказ, она написала мне письмо. Вот из него выдержка:

> «...После того, как меня исключили, я очень бедствовала. Давала уроки математики, разрисовывала абажуры, мыла полы, работала на базе Вторсырья, где без перчаток и респиратора разбирала принесенные из помоек старые кости, бумагу, тряпки...
>
> Потом я решила стать шофером, но платить было нечем, и я поступила секретарем на курсы Автодора, за что меня и выучили... Шофер я была еще тот, ничего в моторе не понимала, и спасибо ребятам, которые за меня многое делали, никогда не приставали и даже при мне никто не сказал плохого слова.
>
> Так прошло два года, я поступила на рабфак при ЗИЛе. Училась я прекрасно, многим помогала, была членом комсомольского комитета института. Но опять пришла на меня «телега», и было грандиозное судилище в большой аудитории, где висел лозунг: «Изгоним курбатовщину из наших рядов». На это судилище явился Л. Кристи (студент ВГИКа, будущий известный кинодокументалист) и в обличительной речи бичевал «классового врага», которого уже однажды разоблачили и изгнали из вуза.
>
> А «враг» сидел в первом ряду и, чтобы не плакать громко, изгрыз зубами носовой платок. Меня исключили из института и комсомола».

...Золоев, бывший актер, я знал его по фильмам, в которых он всегда играл злодеев. Бабасьев, носивший юнгштурмовку, Борис Синеоков, с удивительно синими глазами. Амина Ахметова, тихая, скромная, в будущем хороший оператор. Борис Горбачев, обладавший феноменальным даром слова.

Всем нам нравились увлекательные лекции профессора Шипулянского. (Его имя встречается в сочинениях В. И. Ленина.) Он читал курс истории кино. В аудитории появлялся маленький, лысый, с длинной, как у гнома, седой бородой старичок в белой, расшитой петушками косоворотке, подпоясанной шелковым кушачком. Еще на ходу он начинает говорить:

— И вот в Нью-Йорке, в городе, где кончаются путешествия и начинаются приключения, по улице шли два шалопая...

Одним из них оказывался Томас Эдисон. Полтора часа летят незаметно. Уроков он не задавал и оценок не ставил.

В первое время существовал у нас бригадно-лабораторный метод занятий. Зачеты от имени бригады сдавал кто-нибудь один.

Профессору акустики Лифшицу указали в деканате: «Вы должны знать каждого студента лично и всем ставить индивидуальные оценки». На очередной лекции он просит список студентов.

— Ахметова! Вы ничего не имеете против, если я поставлю вам «хорошо»?

— Нет.

— Садитесь. Бабасьев! Вы не возражаете, если я поставлю вам «хорошо»?

— Нет.

— Садитесь. Георгиев?

— Георгиев исключен,— раздаются голоса.

— Ну, тогда мы поставим ему «плохо»...

Лифшиц давал нам подрабатывать. Несколько воскресений мы собирались в бывшей церкви Александра Невского на Миусской площади, где профессор проводил эксперименты по акустике. Актер читал разные слова, а мы по углам записывали услышанное.

Это было нужно для будущего Дворца съездов.

Причины исключений мы не всегда знали. Ходили

разные слухи. Володя Георгиев уехал на «Магнитострой» и стал известным фотокорреспондентом. Его снимки печатались в центральных газетах. Бывали случаи, когда исключали по решению открытого студенческого суда.

Мы нередко ходили на субботники: выгружали картошку, дрова, работали на строительстве Москинокомбината, будущего «Мосфильма». Один из сокурсников отказался идти на субботник, заявив, что «социалистические субботники суть добровольные субботники». Был суд. Обвиняемый защищался сам. Он так впечатляюще рассказал о своем горьком детстве, о жизни в детдоме, что слушатели были растроганы до слез. Все проголосовали против исключения.

Строгий математик Воинов был похож на актера Эраста Гарина. Кто-то из любителей каверзных вопросов спросил: «С какого расстояния начинается бесконечность?» — «У курицы,— ответил Воинов,— бесконечность начинается примерно с одного метра».

Преподаватель оптики часто смущался и в этих случаях трогал свое пенсне. Кто-то начертил кривую зависимости потрагиваний от количества трудных вопросов.

Фотохимия. Преподаватель приводил примеры, как можно увлечься фотографированием, рассказывал про Николая Второго, как тот многие ночи проводил при красном свете, покачивая ванночки с проявителем, а о политике узнавал из газет.

Лекции о фотоискусстве читал известный мастер Гринберг. Его фотографии были похожи на классические древнегреческие скульптуры.

Однажды, придя на занятия, я увидел около вешалки озябшего, плохо одетого негра. Впервые вижу живого негра и, кажется, даже знакомого. Кругом суетятся студенты. Спрашивают меня: «Ты знаешь, кто это? Это Кадор Бен Саиб, он снимался в «Красных дьяволятах». Давай деньги!» Отдаю последний рубль, радуясь тому, что могу помочь герою моего детства, актеру первого виденного фильма. Что с ним было дальше, я не знаю.

Начало тридцатых годов было для нас временем невиданного энтузиазма. Слушая лекции по экономи-

ке кино, мы искренне верили профессору Паушкину, что «кино заменит вино».

На первом курсе я вступил в комсомол.

По всей стране была объявлена борьба с неграмотностью. За это активно взялись и наши студенты. Были созданы группы «организаторов» и «ликвидаторов». Мне с приятелем выпало быть организаторами кружков на табачной фабрике «Ява». Вслед за нами шли «ликвидаторы». В цехах фабрики удивила ловкость работниц, упаковывающих коробки с дорогими сортами папирос. Одним движением руки они захватывали ровно двадцать пять папирос. Такие папиросы были нам не по карману, и мы, признаюсь, насладились хорошим куревом.

Сторож в проходной будке говорил: «Вот, ребята, я работаю на фабрике «Ява», а смотрите: курю папиросы фабрики «Дукат».

Такие люди запоминаются, на них все и держится. В те годы не знали и слова такого — «несуны».

Больше всего мы были обязаны двум нашим учителям. Добрым словом надо вспомнить профессора Ивана Александровича Бохонова и старейшего кинооператора Александра Андреевича Левицкого. Александр Андреевич Левицкий был одним из первых русских кинооператоров, снимал фильмы еще до революции. Он снимал В. И. Ленина, снимал на фронтах гражданской войны. Знакомя нас с техникой съемки, Левицкий разобрал до винтика съемочный аппарат «Дебри Эль» и заставил нас зарисовать каждую деталь этого самого совершенного по тому времени киноаппарата.

Бохонов научил нас видеть изображение, видеть окружающее. Его уроки по композиции кадра, разработанные им принципы, основанные на попытке «поверить алгеброй гармонию»,— дали нам много. Бохонов открыл нам глаза на такие компоненты композиции изображения, как равновесие, выразительность, расчлененность и оригинальность.

Однажды на лекции Бохонов обратился к нам с такими словами:

— Давайте представим себе такую картину, а еще лучше — кинокадр, точнее — два кинокадра. В одном из них движение идет справа налево, идут люди или движутся машины. В другом — те же люди или ма-

шины движутся слева направо. Я хочу всех вас спросить, в каком кадре движение идет «туда», или «вперед», и в каком «обратно», или «назад». Вопрос понятен?

После некоторых разъяснений вопрос был понят, и начались бурные споры. Одни утверждали, что в первом кадре люди идут «туда», другие доказывали, что они «возвращаются». Некоторые говорили, что направление движения не имеет никакого отношения к вопросам «туда» или «обратно». Решили проголосовать. Большинство было за то, что движение слева направо — это движение «туда». Бохонов очень интересно и убедительно доказал, что это утверждение является правильным. Когда мы делаем движение рукой слева направо, это значит «уходи», «иди», а жест рукой справа налево означает «иди ко мне», «возвращайся». Даже читая книгу, мы как бы движемся вперед, слева направо. На экране через эпидеоскоп показана фотография: баба ведет корову. Кто-то острит: «В колхоз или из колхоза?» Вопрос был провокационным и злободневным. Никто не знал, какая судьба ждет И. А. Бохонова.

Недавно я видел документальный фильм о войне. Наши войска гнали немцев назад. Самолеты-штурмовики на бреющем полете мчались над нашими танками. Все это двигалось справа налево...

Профессор-теоретик, старый фотомастер Иван Александрович Бохонов учил нас, будущих кинооператоров, видеть окружающий мир. Он читал лекции по «композиции кадра». Изображение, говорил Бохонов, должно отвечать четырем условиям:

1. Выразительность. Объект съемки надо показать максимально выразительно. Это зависит от точки съемки, от того, под каким углом смотришь на объект, от расстояния до объекта, от выбора оптики. Если, например, снять швейную машинку сверху, то не все поймут, что это такое.

2. Расчленение. Компоненты изображения на фотографии должны отделяться один от другого. Бохонов показывает пример. Дерево находится за человеком, и кажется, что оно растет из его головы. Расчленение зависит от точки съемки, от использования глубины резкости оптики.

3. Равновесие. Площадь кадра должна заполняться так, чтобы составляющие его элементы находились в равновесии, чтобы кадр не был перегружен. На примере показываемых через эпидиоскоп картин художников-классиков Бохонов объяснил нам правило «золотого сечения».

Примеры этого правила давались в геометрических схемах.

4. Оригинальность. Бохонов говорил о ракурсах, об освещении, призывая искать новые формы выразительности.

Скоро Бохонов куда-то исчез. Его лекции объявили «лженаукой». Композицию жанра стал преподавать студент-выпускник, активно участвовавший в разгроме кабинета Бохонова, но он не оставил следа о себе.

Недавно случайно узнал, что Бохонов скончался в 1953 году. Мне назвали кладбище, разыскал могилу, положил цветы. Было грустно, что за 23 года я так и не повидался с человеком, которому был обязан своей судьбой.

Высокий, худой, спокойный, Левицкий всегда был одет в длинный замшевый френч. Через тридцать лет я видел его на похоронах оператора Эдуарда Тиссе. Он почти не изменился и был в том же замшевом френче.

Первое наше общежитие было в селе Всесвятском (теперь район метро «Сокол»). Нас разместили в бывшем ресторане «Гурзуф». Рядом был сад и танцевальная площадка. Каждый вечер стекла окон дрожали от звуков духового оркестра. Заниматься было невозможно, и нас перевели в тихий музей на Малую Грузинскую улицу. Через полгода закончилось строительство первого студенческого городка в том же селе Всесвятском, и мы, перешагивая через кучи строительного мусора, стали его первыми новоселами.

Через пятьдесят лет я побывал в том же корпусе студенческого городка. Мимо солидно и не спеша проходили с толстыми кожаными портфелями и «кейсами» бородатые жители городка, модные девицы в джинсах. Как непохожи они на нас, получавших обеденные талоны и ордера на галоши! Если бы тогда каким-нибудь чудом показали нам эту карти-

ну, мы закричали бы: «Это бред!», «Этого не может быть!» Допускаю, что и они, увидав нас, какими мы были, усмехнулись бы свысока, но все-таки первыми жителями этого студгородка были мы.

Ко мне приезжала сестра и ночевала в общежитии. Утром мы шли к трамваю. Я увидел Сталина в машине, знал, что он скоро поедет обратно. Говорю сестре: «Давай пройдем одну остановку по шоссе, и ты увидишь Сталина». Идем, оглядываюсь, по Ленинградскому шоссе движется машина. Мы остановились. В открытой машине рядом с шофером сидел Сталин, больше никого там не было. Вдруг машина остановилась против нас. В чем дело? Шоссе пересекла лошадь с длинным бревном. Я даже отвернулся от досады, что не было с собой фотоаппарата. Это было в 1931 году.

Как жили, как развлекались, на что существовали четыре обитателя нашей комнаты?

Утром кто-нибудь из нас шел в булочную, получал по карточкам хлеб и половину менял у баб на молоко. Это завтрак. В институт ехали на трамвае «зайцами». После лекций, овеваемые дразнящими ароматами кондитерской фабрики «Большевик», шли обедать в недавно построенную фабрику-кухню. Кстати, смешной случай: студент актерского факультета Сушко получил выговор за то, что в перерыве между съемками ходил обедать туда в гриме и форме белого офицера.

Под той же крышей, где мы учились, была и кинофабрика «Межрабпомфильм». Иногда мы там подрабатывали ночными осветителями. Сначала с интересом следишь за съемкой, потом ждешь конца смены. После бессонной ночи сидишь на лекции с обожженными глазами от вольтовых дуг «пятисоток».

Легче было сниматься в «массовках». Кинозрители, следя за главными героями, видя на экране много людей, обычно не думают, что всех их тоже изображают артисты, участники массовых сцен. Нам иногда везло. Ассистент режиссера Александр Роу, будущий постановщик фильмов-сказок, сочувствовал нашему студенческому безденежью. С вечера он включал нас в списки снимающихся и устраивал спать где-ни-

будь за декорациями. Тем временем горел свет, шла съемка и было слышно, как громко в рупор кричал режиссер, обращаясь к сотне участников «массовки», состоящих из членов профсоюза «Рабис». Кроме старых актеров там были те, кто вынужден зарабатывать на хлеб на сценах театров и на кинофабриках.

Кинематографисты тогда еще не имели богатых костюмерных цехов. Участники массовых сцен являлись в собственной одежде и охотно изображали великосветские балы, дипломатические приемы, нарядную, богатую публику в театрах и ресторанах. Одежда сохранилась еще и потому, что на рынке она ничего не стоила. Артисты старались понравиться режиссерам, чтобы их запомнили и для будущих съемок, пытались попасть из «массовки» в «групповку» и даже в «эпизод».

Утром, когда проверялись списки снимавшихся, мы бодро отвечали на перекличке, а днем получали расчет.

Там я наслушался много разных рассказов. Вот один из них. Снимали «групповку» — белогвардейские офицеры едят яичницу. Актеры любят сниматься за едой, они всегда голодны. Во время репетиции яичницу съели, несмотря на запрет ассистента. Объявлен перерыв, готовят другую яичницу. Съели и эту. Возмущенный режиссер приказал приготовить две яичницы и ту, что для репетиции, облить керосином. Объявлена съемка. Все знают: когда стрекочет кинокамера, соблюдается железная дисциплина. «Стоп, выключить свет!» Любезно улыбавшиеся «офицеры», одновременно побледнев, вскакивают и убегают. Оказалось, они съели и яичницу с керосином.

Один из шустрых студентов снялся в массовке среди зрителей цирка и успел пролезть в групповку униформеров на арене. Говорили, что режиссер, монтируя фильм, чертыхался, увидев одно и то же лицо одновременно и в публике и на арене.

Лекции одновременно для всех курсов иногда проводились в просмотровом зале (это было связано с показом фильмов). Вот читает лекцию недавно возвратившийся из Америки Сергей Эйзенштейн.

В сводчатых подвалах бывшего ресторана размещались кино- и фотолаборатории, буфет с винегретом и чаем. В том же подвале начал создавать кабинет по киноведению Сергей Васильевич Комаров, ныне доктор искусствоведения и профессор. Тогда, в 1930 году, кино еще не имело своей истории.

Мы дружно хохотали, когда С. В. Комаров показывал первые отечественные фильмы: «У камина», «Молчи, грусть, молчи», «Гайда, тройка» и другие. Трудно было поверить, что еще недавно зрители утирали слезы, страдая вместе с Верой Холодной и Иваном Мозжухиным.

Во времена немого кино большое значение имели надписи. Вот эпизод из старого фильма: в ресторане идет кутеж, веселятся офицеры, с ними старик с большой бородой, похожий на Стасова. Надпись: СТОЛП РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ. Попойка продолжается. Старик упился и лежит вверх бородой. Надпись: СТОЛП В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ. Зал хохочет.

Иногда в общежитии были особенно оживленные вечера: все суетились, рылись в книгах, вырывая обложки определенного цвета, а умельцы тут же подделывали билеты на закрытый просмотр иностранного фильма, куда студентов не пускали.

Удивленные прохожие останавливались и наблюдали, не понимая, почему рано утром такая давка у дверей нового кинотеатра «Ударник». Вот ко мне прижали щуплого человека в легком пальто с бобровым воротником. Он поднимает озябшее лицо, и я узнаю Мейерхольда.

Если теперь взглянуть на фасад большого дома на Ленинградском проспекте, то можно увидеть, что несмотря на переделки, облик старинного ресторана «Яр» хорошо сохранился. Там была кинофабрика «Межрабпомфильм», затем ВГИК, Клуб летчиков, Дом кино и, наконец, гостиница «Советская».

В начале 1930 года выдался волнующий день. Студенты были приглашены на специальный просмотр в кинотеатр «Художественный» на Арбатской площади.

Погас свет в зале, и мы услышали музыку. Вдруг на экране появились острые пики. Они быстро превращались в какие-то комки, снова заострялись... Мы

взволнованно следили за происходящим на экране. Потом на нем появился Иван Козловский: чуть гримасничая, он запел: «Спи, моя радость, усни». Это была первая синхронная киносъемка. Так родилось звуковое кино. «Великий немой» заговорил.

В те годы режиссеры получали определенную долю процента от доходов по прокату своего фильма. Все знали, что самым богатым кинематографистом был режиссер Николай Экк, поставивший «Путевку в жизнь». Возвратившийся из Америки Эйзенштейн жил на зарплату от лекций. Рассказывали, как Эйзенштейн и Экк ждали трамвая на остановке «Бега» (напротив ВГИКа). Эйзенштейн в своем ярко-желтом американском пальто был тут же окружен беспризорниками. Он им сказал:

— Обращайтесь вот к этому дяде, он на вас неплохо заработал.— Может быть, это анекдот.

В феврале 1930 года в Москве появились афиши: ВЫСТАВКА МАЯКОВСКОГО. 20 ЛЕТ РАБОТЫ. ВХОД ВСЕМ БЕСПЛАТНЫЙ.

На выставку мы пошли с приятелем. Он, как и я, знал все стихи раннего Маяковского. Детство его прошло в детдоме и на рынках.

По дороге будущий мастер трюковых съемок поведал мне, как он продавал «японский мыльный корень». На рынке он кричал: «В Москве, на Кузнецком мосте, в павильоне номер тринадцать, светилами науки было установлено, что один японский мыльный корень заменяет сорок бочек бензина, сорок бочек керосина и сорок бочек скипидара!» Тут же он хватал белую фуражку с головы партнера, делал пятно, как бы химическим карандашом, тер по нему «мыльным корнем», и пятно исчезало. Удивленная толпа нарасхват покупала тонкие палочки обыкновенного мыла, обернутые свинцовой бумажкой.

Мы пришли в клуб писателей на улице Воровского. Мне думалось: что может выставить поэт, разве томики своих стихов? Поднялись на второй этаж. Выставка размещалась в большом зале и еще в двух примыкающих комнатах. На стенах афиши выступлений Маяковского в разных городах страны. Программы вечеров составлены из строчек разных стихов, упоминались какие-то «змеиные яйца в Москве», «замуж за Зощенко» и т. п. На карте мира отме-

чены флажками города, где выступал поэт. Позже он сказал: «Надо было и в океане поставить флажок, так как я читал на пароходе». Направо от входа на старинном мраморном камине лежали книги старых изданий с его автографами (видимо, собирал у знакомых). Помню «Пощечину общественному вкусу», «Азбуку» и еще какую-то тонкую книжку, которую я не успел дочитать. Там речь шла о разговоре Маяковского и Есенина на том свете.

Около окна на столе — макеты декораций театральных постановок. Рядом, за стеклом, черновики стихов «Лаборатория». На щите полицейский допрос с фотографиями молодого Маяковского в мохнатой шапке. На стеллажах журналы. В углу большой щит с газетными вырезками. Над щитом надпись: «МАЯКОВСКИЙ НЕПОНЯТЕН МАССАМ». В другом углу группа молодежи слушает лекцию Шкловского. Много стихотворных лозунгов. Отдельные буквы вырезаны из цветной бумаги. В другой комнате стены завешаны плакатами РОСТа, и, наконец, в последней комнате производственные, санитарные и рекламные плакаты. Я заметил отсутствие плаката, виденного на железнодорожной станции: «Одно из важнейших культурных благ — водой кипяченой наполненный бак». Значит, не все собрано.

В середине зала записки, полученные на вечерах выступлений: «Маяковский, вы душка!», «Когда застрелитесь?», «Группа писателей «Чернозем» собирается вас убить».

Вдруг я услышал густой, спокойный голос. В зале появились Маяковский и Шкловский. Высокий, могучий Маяковский и рядом маленький, с бритой головой Шкловский. Все заулыбались, увидя эту пару.

Маяковский оказался таким, каким я и представлял его. Он был одет в серый коверкотовый костюм. Расстегнутый пиджак открывал теплый джемпер цвета яичного желтка с крупными коричневыми клетками. Твердая, как из металла, накрахмаленная сорочка синего цвета, галстук красный, с белой полоской. На фотографиях, которые делались при мне, сорочка получалась белой, потому что на фотоэмульсиях того времени синее всегда получалось белым.

Мой товарищ громко и как-то покровительственно обращается к поэту:

— Владимир Владимирович! Вы будете нам читать?

Маяковский удивленно посмотрел и хмуро сказал:

— Читать не буду.

Приятель не отставал:

— Скажите, почему в последнее время вы снижаете свое мастерство?

Маяковский спросил:

— А вы читали мое письмо Максиму Горькому?

Мы письма этого не читали, но как-то неловко было в этом признаться, ответили:

— Да, читали.

— Ну как?

Он заметил, что мы смутились, понял, что не читали.

— Вы рабочие?

— Мы студенты ГТК, будущие операторы.

— А, знаю, знаю. Когда-то сам снимался, писал сценарии, сам рисовал плакаты и расклеивал.— Он показал на плакат, висящий на стене: Маяковский борется с огромным удавом,— к фильму «Не для денег родившийся».

Вдруг он стал мне казаться большим затравленным медведем. И походка была, как у медведя, казалось, что ему уже лет пятьдесят. Он жаловался, рассказывал, как мешали ему устроить эту выставку.

— Они думали, что я буду гвозди заколачивать вот в эту золотую лепку.

Все засмеялись.

О желтой кофте он сказал, что это было нужно, чтобы привлечь к себе внимание.

Говорил, что в ранних его стихах много «как», что он корчится, когда их читает. Нас это удивило. В те годы меня привлекала его ненависть к музеям, к старой культуре:

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.

Теперь я понимаю, что «плевать» было самым простым и легким делом. Ведь сам-то Маяковский прекрасно знал старую культуру.

Рассматривая книги, я смотрел на дарственные надписи Маяковского и думал: вот бы взять одну на память, ведь таких книг нигде не достать. Как хорошо, что я не решился этого сделать!

Среди плохо одетых и щуплых юнцов он выглядел представителем будущего мира, так мне казалось.

...Вдруг наступила необычная тишина. Поднимаю голову и вижу взволнованного Маяковского, торопливо собирающего книги с полки. Понимаю, что пропала книга. За большим столом спиной ко всему происходящему сидел какой-то дядя. Расставив локти, закрыв уши ладонями, он что-то читал. К нему осторожно подвели Маяковского. Надо было видеть, как он просиял, смущенно улыбаясь, стал доставать книги из тумбочки. Уборщица успокоилась. Тот дядя так ничего и не заметил; кажется, это был единственный взрослый посетитель.

Маяковский непрерывно курил сигареты «Тройка». Мне мучительно хотелось курить, а папирос не было. Чуть было не попросил у него закурить, но сдержался — еще подумает, что собираю сувениры.

За окнами вечерняя синева. На выставке оставалось человек семь-восемь. Мы с товарищем не отходим от Маяковского. Посмотрев на нас, он достает из кармана записную книжку в черной коленкоровой обложке и говорит:

— Это я для вас написал.

...Когда-то нам, сельским мальчишкам, разрешалось в пасху залезать на колокольню. Мы дергали за веревки и звонили. Долго раскачивался тяжелый язык главного монастырского колокола, и вот, наконец, первый удар по блестящему пятну края. Удар за ударом — и уже сам дрожишь от оглушающего звона. Это вспомнилось, когда Маяковский начал читать. Казалось, он забыл, что слушающих так мало. Меня, стоящего в двух шагах, его мощный бас и его фигура отвлекали от смысла того, что он читал.

Закончив чтение, Маяковский смутился и быстро ушел. В голове моей гудело: «сработанный еще рабами Рима», «звезд умерших свет доходит», «и пусть нам общим памятником будет построенный в боях

социализм». Никогда — ни до, ни после — я не был так взволнован тем, что называют искусством.

На выставке я был еще раз. Вот волнующее воспоминание: читаю газетные вырезки на щите, там много неизвестных мне стихов. Слышу голос сзади: «Заметьте, как много опечаток». Я замер, чувствую — рядом Маяковский. Он показывает опечатки и вдруг начинает тихо читать вырезку со стихами о Крыме: «Хожу, гляжу в окно ли я». Читал до конца мне, единственному слушателю!

Маяковский выглядел бледным, нездоровым. Говорил вполголоса, но бас его был слышен во всех уголках выставки.

Видел я его и сердитым, окруженным какими-то типами. На нижней губе Маяковского была пена. Жаль, что не вел дневника; не помню теперь, о чем они спорили. Да и кто мог подумать, что через три недели его не будет в живых.

Он рассказывал о городах, где читал стихи. Кто-то сказал: «У нас в Воронеже билеты на ваш вечер были такие дорогие, что мы, студенты, не могли попасть». Маяковский нахмурился: «Во-первых, в каждом городе для студентов я выступаю бесплатно, во-вторых, я не Иисус Христос, в лаптях ходить мне неудобно».

Появился фотограф. Спрашиваю, для какой газеты или журнала он снимает. «Для музея». Меня удивило: Маяковский и музей.

При мне Маяковский был снят на фоне плакатов РОСТа. Он стоял у стены, заложив руки за спину. Минуту назад он был обычным, а сейчас как будто забыл всех, ото всего отрешился, как будто знал: это на века. Магний долго не вспыхивал. Заминка, все молча ждут. Маяковский не движется, от напряжения лицо его краснеет, на шее вздулись вены. Тишина и какая-то общая неловкость. Вот вспыхнул магний, и Маяковский бегом покинул выставку.

Фотограф Штеренберг потом работал в «Интуристе», снимал для заграничных паспортов. Лет через пятнадцать я напомнил ему о выставке, о том, как долго не вспыхивал у него магний. Он оживился и сказал с горечью:

— Того негатива уже нет, уничтожили...

В каникулы после первого курса мы с Бабасьевым и Болтянским проходили производственную практику на студии «Белгоскино» в Ленинграде. Работали осветителями. Сидя на карнизах декораций, мы внимательно наблюдали за работой режиссера Ефима Дзигана и оператора Аркадия Кальцатого. Они снимали картину «Суд должен продолжаться». Нами строго командовал известный тогда бригадир осветителей Минц.

Тогда еще много сохранилось от старого Петрограда. Против вокзала стоял огромный нелепый памятник Александру Третьему. На цоколе надпись: «ПУГАЛО» со стихами Демьяна Бедного:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел позорного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Проезжая часть Невского была вымощена деревянными брусками. Памятник Петру был не огорожен, и даже не запрещалось влезать на коня.

В Петергофе на самой горке, где начинается аллея фонтанов, был дворец фрейлин. (Во время войны он был разрушен, теперь восстановлен.) Тогда там помещался однодневный дом отдыха, куда я получил путевку. Все убранство дворца сохранялось, и отдыхающие спали на кроватях фрейлин, укрываясь старинными одеялами.

В «Александрии» была открыта для посещений летняя дача Николая Второго. Можно было свободно ходить по всем комнатам. В кабинете на письменном столе находилось множество мелких предметов, и было нетрудно взять что-нибудь «на память».

Мы разместились в общежитии техникума сценических искусств, недалеко от цирка. Комнаты свободны, студенты разъехались на каникулы. Стена около моей постели оклеена номерами газеты «Ленинградский студент». Вспомнилось, когда хоронили Маяковского, в газетной хронике сообщалось о выговоре «Ленинградскому студенту» за излишне подробные сообщения о самоубийстве поэта. Вдруг я вижу перед самым носом заметку, за которую был объявлен выговор. Единственная подробность, которая там была: «Раздался выстрел, и из комнаты выбежала с плачем артистка МХАТа N».

Н. Брюханенко через много лет рассказала мне, что В. В. Полонскую разыскивали после этого несколько дней.

После второго курса началась производственная практика. Один мой товарищ попал в помощники к кинохроникеру. Биография этого оператора необычна. Он был известным оперным певцом. В Большом театре пел Онегина, а потом увлекся кино. Тогда это было престижно. Теперь едва ли кто из известных певцов перейдет на студию документальных фильмов.

Они снимали на пароходе прогулку Максима Горького с писателями. Началась беседа на палубе. Оператор снимает общие планы.

— Объектив 50,— ласково просит он помощника. Тот бежит на другой конец палубы, долго роется в футлярах, ищет нужный объектив.

— Почему так долго? Все объективы должны быть у вас в карманах.

Начинает смеркаться. Горький беседует с писателями. Пароход идет мимо Кремля. Вот будет прекрасный кадр.

— Объектив 75, светосильный, быстро!

Помощник достает из кармана объектив и мгновенно вставляет его в аппарат. Оператор повернул аппарат на Горького. Почему никого не видно в кадре? Он протирает лупу, проверяет диафрагму и щель обтюратора — не видно! Горький закончил беседу (вероятно заметив, что оператор перестал вертеть ручку). Кремль проехали. Оператор повернул аппарат на себя и видит: к объективу прилип большой мякиш хлеба.

— Вы никогда не будете оператором! — свирепо закричал он на практиканта.

Однако, к счастью, ошибся. Из молодого человека получился хороший кинохроникер и даже заслуженный деятель искусств.

Отношение к съемочной аппаратуре было бережным. Аппарат и штатив после съемки упаковывались в чехлы. При перевозке даже в автомобиле помощник был обязан держать футляр с аппаратом обязательно на коленях.

Профессия кинооператора в те времена была редкой, и не все из них охотно делились своим опытом со студентами. Был и такой «старый спец», у которого оправы объективов были покрашены в разные цвета,

чтобы никто не знал, каким именно объективом он снимает в данный момент. Помощнику он приказывал: «Дать синий объектив», «Дать красный объектив». Научившись снимать у иностранцев, многие вели себя по-барски и любили рисоваться перед публикой.

Не все и режиссеры разбирались в технике съемки. Один оператор рассказывал: снимали какую-то сцену в пекарне. Энергичный и подвижный режиссер с трудом влез на горячую печь и кричит оператору: «Вот хорошая точка!» Оператору не хотелось туда лезть с тяжелым аппаратом: «Снимать оттуда нельзя, получится апланат!» — «Ах, апланат! Понимаю, согласен»,— сказал режиссер, не зная о том, что апланатами назывались системы объективов.

После практики мы оживленно делились впечатлениями. Самоуверенный Налимов гордился: «Я занимал штатную должность помощника режиссера, я был помрежем». Кто-то удачно сострил: «Век живи, век учись, дураком помреж».

В следующие годы я практиковался на разных студиях уже как штатный помощник оператора. Слово «ассистент» тогда еще не употреблялось. Практика моя была насыщена, работал я по картине «Готовы ли мы?» (готовы ли мы к обороне страны): ее создавал режиссер Илья Копалин. На пару со мной была и ленинградка Тамара Лобова. Это был первый в нашей истории кино звуковой документальный фильм. Наш режиссер исповедовал идеи «киноков» (была такая творческая группа во главе с Дзигой Вертовым). Они не признавали игровых фильмов и утверждали: надо снимать жизнь «как она есть». Но это не всегда удавалось. Был, например, такой случай. В Севастополе снимали погрузку угля на крейсер «Коминтерн». К этой съемке мы долго готовились. Надо было показать радостный труд и дать «жизнь врасплох». Матросы в угольной пыли белозубо улыбались и работали, как черти. Аппарат был замаскирован, микрофон установлен незаметно, и никто не знал, что производится съемка, да еще и звуковая. Режиссер прятался, предвкушая успех.

Пленку проявили, возвратившись в Москву. Состоялся большой просмотр, режиссер решил всех удивить. Фонограмма хорошо прослушивалась, и вдруг в зале раздался густой хохот. С экрана слышались голоса

команды, бодрые возгласы матросов, и все это покрывалось сочной матерщиной...

Некоторое время я был помощником оператора Нильсона по картине «Веселые ребята». Шли съемки в павильоне. В окна декорации лезли голодные коровы, овцы, свиньи. Они окружили стол с закусками и все пожирали. Коровы пили воду из аквариума. Все эти кадры вошли в фильм. Режиссер Г. В. Александров прекрасно знал технику съемки. Он давал такие команды: «Козу, отсюда, объектив 40». Помощник режиссера тащил козу, мы ставили аппарат на указанное место и меняли объектив. Однажды режиссер предложил, чтобы Любовь Орлова проехала верхом на быке. Это было рискованно. И действительно: бык сбросил актрису на пол; съемка, однако, продолжалась.

В то же время была запущена в производство картина под странным названием «М М М». Это была первая постановка С. Эйзенштейна после его возвращения из Америки. Меня утвердили ассистентом оператора Эдуарда Тиссе. Конечно, я обрадовался: было у кого поучиться.

Начались пробы актеров. Сигнализация при съемке на звук еще не была отработана. Хлопушек не было. Я показал, как другие в этих случаях хлопают в ладоши. Мне и предложили это делать. На роль пробовался певец-гусляр Северский, исполнявший вместе со старушкой: «Ой, кто нас будет кормити да поити, ночью темной-темной укрывати». Михаил Штраух произносил речь: «Товарищи! Мы открываем крольчатник» и т. д. Старинные романсы пела Надежда Обухова.

Проб на экране я не видел, но Эйзенштейн потом, встречая меня, всякий раз смеялся и передразнивал, хлопая в ладоши.

Производство фильма почему-то не состоялось. Так и не пришлось поработать с Тиссе. Но мы дружили до самых его последних дней.

Отшумели, унеслись студенческие годы — самое счастливое время жизни. Поработал я со многими операторами, был зачислен в штат «Мосфильма», и в 1934 году оказался в командировке на Дальнем Востоке. Это было сказочное путешествие по уссурийской тайге, среди бархатных деревьев, тропических

зарослей лиан и дикого винограда. В таежной избушке обитал старик — охотник и золотоискатель. Целыми днями он сидел у мелкой речки, промывал в лотке песок и складывал мелкие белые крупинки золота в бутылку. Он говорил, что в пивную бутылку помещается пуд золота. Встречали мы и искателей женьшеня. Они нас особенно интересовали, потому что мы снимали художественный фильм под названием «Корень жизни» (по сценарию М. Пришвина).

Мы — это участники киноэкспедиции режиссера Александра Аркадьевича Литвинова. Оператором был Павел Михайлович Мершин, а я выступал в роли стажера и снимал рекламные фото.

В те годы Литвинов и Мершин приобрели широкую известность своими замечательными документальными фильмами о Дальнем Востоке: «Лесные люди» и «В дебрях Уссурийского края», снятыми при участии выдающегося путешественника, этнографа и писателя В. К. Арсеньева. Художником картины был В. В. Баллюзек, начавший работать в кино еще до революции.

Многому научился я у Павла Михайловича Мершина. Даже в дождливую погоду, когда все отдыхали или изнывали без дела, он всегда был чем-то занят, а если уж и ему было нечего делать, он не скучал, разбирал до винтика свои карманные часы и собирал их вновь. Уже тогда он обдумывал свой растровый способ цветной съемки, который в технической литературе потом будет назван «способом Мершина». Довести до конца эту работу ему не пришлось: он погиб в рядах народного ополчения, защищая Москву в конце 1941 года.

В оленеводческом совхозе мы встретились с кинорежиссером Александром Петровичем Довженко. Он собирал материалы для будущего фильма «Аэроград». Позднее я ближе познакомился с этим необыкновенным человеком. Он был очень умен и всегда прав.

Съемочная группа, закончив работу, уехала в Москву, а мы с Мершиным на попутной корейской парусной шаланде отправились снимать пейзажи скалистых берегов Тихого океана, покрытых зонтиками японских погребальных сосен. Из-за шторма мы целую неделю отстаивались в какой-то безлюдной бухте острова Римского-Корсакова. «Римсико» называл

его старик кореец, единственный представитель команды нашего морского судна. Нас же разыскивали по радио. На шаланде была мука́, мы питались пампушками.

Съемки фильма «Корень жизни» продолжались затем в павильоне студии. Художник Баллюзек «построил» очень похожую таежную фанзу. Однажды я почему-то задержался возле нее после съемок. В павильоне было тихо. Пахло клеем. Тусклый свет падал на декорацию лесной хижины. Я задумался: как быть дальше? Вроде бы жизнь в кино начинается нормально: я в штате крупнейшей кинофабрики, дел хватает. Наша с режиссером Николаем Досталем дипломная работа — комедия «Средь бела дня» — была признана профессиональной. Рядом строится дом, где я получу комнату. Все, кажется, хорошо, но неужели и дальше снимать эту бутафорию, надуманные сюжеты, ограничиться выполнением чужих замыслов? Перед глазами вставали синие сопки, тропические заросли, океан... И пришло решение: пока еще молод и полон сил, надо рвануть в настоящую жизнь, стать свободным, независимым кинохроникером.

Художественные (как их тогда называли — игровые) фильмы быстро стареют, становятся наивными, примитивными и смешными, как моды, в то время как кинохроника чем старее — тем интереснее. Мне хотелось самому создавать план фильма, снимать, писать дикторский текст и озвучивать, стать автором-оператором.

Надо сказать, что тогда (как, впрочем, и теперь) не многие молодые кинематографисты стремились уехать на периферию, и на меня, увольняющегося из «Мосфильма», смотрели с удивлением. Я никогда не жалел о принятом решении.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В 1935 году самолеты Аэрофлота еще не возили пассажиров далеко от Москвы. Дальневосточный экспресс будет мчать нас до Хабаровска ровно восемь суток.

В нашем купе играет патефон. Под мягкий стук колес мы слушаем грустное танго «Сказка». За окном

мелькают столбы. Линии проводов медленно опускаются и поднимаются. Приятель говорит:

— Смотри, как вздыхают провода. Может быть, о том, что мы оставили.

Наш экспресс делает редкие короткие остановки. Дощатые платформы заполняются пассажирами. Все прогуливаются. В конце пути многие так запоминают друг друга, что, приехав на место, еще долго узнают попутчиков на улицах или встречаются, как старые знакомые.

Люди на Дальний Восток ехали интересные, сильные. Было полезно послушать их рассказы, заранее подумать о возможных объектах съемки. Мы ехали с уверенностью, что снимать придется часто и много.

И вот мы в Хабаровске. Дальневосточная студия кинохроники тогда размещалась в трех комнатах на одном этаже небольшого жилого дома.

Директор студии жил этажом выше. Говорили, что на работу он иногда приходит босиком. Мой разговор с ним был очень коротким.

— Вам надо сегодня же выехать на Сахалин. Там надо снять торжества по случаю десятилетия советизации острова. И все, что найдете интересным. Деньги на проезд до Сахалина получите у кассира. Деньги на расходы по съемкам и на обратный путь получите там, на острове, когда подпишете договор на съемку фильма. А сейчас получайте доверенность на право подписания договора, пленку и сегодня же выезжайте!

Опять я в поезде, следующем до Владивостока, вспоминаю по дороге напутственные слова директора о том, что «мы организация не хозяйственная, а идеологическая, и расходы по съемкам оплачивают те, кого мы снимаем». Все это было не очень ясно, но сама поездка так увлекла, что меня как-то мало волновало то, на чьи средства должна существовать наша кинохроника. Из Владивостока первым пароходом я направился на Сахалин. В море по радио слушаю передачу о торжествах на Сахалине. Не значит ли это, что я уже опоздал?

Идем Татарским проливом. Наш «Кречет» заходит в Совгавань, которая раньше называлась Императорской гаванью. Мне показали место, где был затоплен знаменитый фрегат «Паллада», описанный И. А. Гончаровым. В Приморье сохранилось много

географических названий в память спутников писателя: остров Путятин, залив Посьет, острова Попова, Римского-Корсакова и др.

На пароходе услышал по радио о смерти дрессировщика Владимира Дурова. Вспомнилось, как мы с приятелем собирались его снимать, побывали в его доме. Старик рассказывал о своей жизни и жаловался, что у него нет наследников. Через открытую дверь в другую комнату были видны его старая жена и дочь. Обе мрачно молчали. Дуров кивнул в их сторону и повторил, что у него нет наследников. Собака бегала по лестнице и останавливалась на той ступеньке, с которой он нам говорил. Потом достал из кармана свисток, звук которого слышала только собака. Он сказал, что написал завещание, где просит, чтобы его звери проводили его в последний путь.

По радио сообщили, как за его гробом по бульвару шли звери.

Рано утром загремела якорная цепь. Из иллюминатора были видны мрачные скалистые берега. Город Александровск окружен сопками, еще скрывавшими утреннее солнце. Выхожу на палубу. Справа торчат из воды три острые скалы. «Три брата»,— объясняют мне попутчики-сахалинцы. Причала нет, мы стоим на рейде. Слева, почти у самого берега, лежит на боку ржавый корпус какого-то большого парохода. Видим — катер тащит на буксире длинную деревянную баржу. Начинается выгрузка пассажиров.

Жители Александровска знают друг друга в лицо, поэтому каждый приехавший заметный человек на улице.

— Вы давно с материка? — спрашивает меня молодой сахалинец. Мы разговорились. Собеседником оказался сотрудник местной газеты Юрий Арди, впоследствии известный радиокомментатор. На следующий день газета «Советский Сахалин» сообщила читателям, что на остров прибыла «киноэкспедиция». Сообщение было на первой странице под жирным заголовком: «Сахалин на экране». Мне повезло: это была важная рекомендация.

Откровенный рассказ мой был внимательно выслушан секретарем Сахалинского обкома партии Ульянским. Он сказал:

— Пиши свой сценарий, а мы тебе поможем.

В те годы Александровск сохранял еще некоторые черты бывшего центра каторжного острова. На главной площади чернели развалины деревянной тюрьмы. Говорили, что еще живы и бывшие каторжане. Но воров на острове нет, дома и квартиры в городе не запираются. Старые ржавые кандалы можно увидеть на калитках садиков.

Материал для сценария я собирал в местном музее, в библиотеке, в беседах со старожилами и, наконец, в упомянутой редакции газеты. Через неделю в обкоме состоялось специальное совещание с участием руководителей различных организаций. Я читал мой первый в жизни сценарий, понимая, что сейчас решается судьба моего первого фильма. Сценарий похвалили.

На следующий день был подписан договор. С одной стороны — представитель кинохроники (это я), с другой — тринадцать подписей и печатей, поставленных руководителями сахалинских организаций, подтвердивших обязательство оплатить расходы по созданию фильма. (Сахалинснаб — 5000 рублей, Сахалиннефть — 5000 рублей, Дорстрой — 1000 рублей, Облоно — 500 рублей и т. д., всего на 25000 рублей.) Такие договора были тогда обыкновенным делом.

За два месяца я исходил с тяжелым аппаратом всю северную половину острова (южная часть тогда принадлежала Японии). Снимал охинских нефтяников, рыбаков в районе Погиби, горняков в Дуэ, совхоз в центре острова на реке Тыми, мичуринца Терентия Мисника, выращивавшего огромные арбузы, и даже бывшего каторжанина Станислава Павловича Бугайского. Двадцатилетним юношей как политического преступника привезли его из Польши на Сахалин. Он показывал свои кандалы.

Снимал я без помощника, тяжелым аппаратом «Аскания», плечи были сбиты, как у ломовой лошади. В Хабаровск я возвращался на гидросамолете «Савойя-55».

Пассажиры размещались в двух белоснежных гондолах, легких и хрупких. Место пилота было наверху, между гондолами. При взлете нам казалось, что волны пролива превратились в жесткий булыжник. Пилот опасался плавающих бревен. Отрываемся и набираем большую высоту над Татарским проливом, для того чтобы безопаснее пересечь Сихотэ-Алинский хребет.

Но вот мы уже над Амуром, теперь вода под нами будет до самого Хабаровска. Самолет ведет молодой, веселый летчик, будущий Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук.

— А где договор? — спрашивает меня директор дальневосточной студии, пряча под столом свои действительно босые ноги. Объясняю, что договор хранится на Сахалине у представителя «Далькинотреста», денег больше никто не перевел, вот мой отчет, и все это можно проверить по телеграфу.

— Картину делать не будем, пока не заплатят,— решил директор и дал мне новое задание.

Одновременно с нами приехал работать на студию молодой режиссер Леонид Кристи со своим другом, журналистом Анатолием Луначарским, восторженным красавцем, писавшим стихи и рассказы и похожим на пушкинского Ленского. Друзья называли его Тотошкой. Он не был в штате студии и ночевал в просмотровом зале. Во время войны он погибнет под Керчью. В штат студии были включены и старые дальневосточные кинокорреспонденты Алексей Кушешвили, Август Тамм и Виктор Гласс. Присоединился к нам и мой однокурсник Бабасьев, отслуживший свой срок в армии. Для нас это было прекрасное время. Мы работали весело, с энтузиазмом, метались из конца в конец по краю, на территории которого уместилась бы вся Европа.

На экранах кинотеатров появились знатные строители Комсомольска, рыбаки Приморья, нефтяники Сахалина, тихоокеанские моряки, таежные охотники, пограничники «у суровых берегов Амура», задымились вулканы Камчатки.

В журналах кинохроники, в киноочерках зрители впервые увидели людей, красоту и богатства Дальнего Востока.

Чтобы снять, например, удегейцев, надо было много дней добираться к отрогам Сихотэ-Алиня вверх по горной реке Хор на выдолбленных из ствола дерева лодках — батах, отталкиваясь шестами. Вот Гвасюги — первый поселок из добротных домов, недавно построенный Советским государством для лесных кочевников. С нами был сотрудник краевого музея А. Кардаков, упоминаемый В. К. Арсеньевым в книге «Дерсу Узала».

Нам запомнилось кладбище в одном почти недоступном таежном овраге. Мы увидели большое количество хороших медвежьих и оленьих шкур, развешанных на шестах. Среди старых лодок и лыж висели высохшие трупы собак. На могилах — маленькие шалаши с дровами, приготовленными для костров, с железными чайниками. В шалашах мелкие вещи: трубки, табак. Все это принадлежало умершим. Тянулись белые нити к деревьям, исчезая вверху,— это для того, чтобы душа нашла путь на небо.

...Снимаем садовода Лукашева. В условиях сурового хабаровского климата он вывел особый сорт груш, получивших название «лукашевки». Угощая нас сочными плодами, он говорит:

— Спасибо вам, товарищи, за то, что снимаете. Пусть люди посмотрят на мой сад. Ведь кто-то собирается все это загубить, ликвидировать дело всей моей жизни.

— Почему?

— Да вот обвиняют меня в каком-то «витализме», а что это такое, я и сам не знаю.— И грустно добавил: —Наверное, это что-то вроде связи с нечистой силой!.. Я боюсь, а вдруг и меня «за конверт — и в кружку», а?

Сад Лукашева был сохранен.

Наступила зима. На улице Карла Маркса, главной улице Хабаровска, почти вплотную сталкиваюсь с человеком, лицо которого показалось мне знакомым. Он улыбается:

— Лыткин, а где же картина?

Это был секретарь Сахалинского обкома партии. Объясняю, что договор со стороны хозяйственников не соблюден, деньги не переведены, и поэтому по распоряжению нашего директора работа над фильмом приостановлена.

— Давай привози картину. Деньги получишь тут же!

Режиссер Кристи срочно сел за монтажный стол и быстро смонтировал фильм. Только одному эпизоду не сразу нашлось место. На пионерском празднике присутствовал представитель краевого руководства. Эпизод важный, но как его связать с предыдущими кадрами, о достижениях на острове? Тут нашему режиссеру пришла в голову удачная мысль. Фильм не был

звуковым, и режиссер сочинил следующую надпись: «ВОТ ПОЧЕМУ ТАК ТЕПЛА И РАДОСТНА БЫЛА ВСТРЕЧА САХАЛИНСКИХ ПИОНЕРОВ С ТОВАРИЩЕМ ЛАВРЕНТЬЕВЫМ»,— и все встало на свои места. Через несколько дней я летел на Сахалин, везя в чемодане пять копий двухчастного фильма «На советском Сахалине».

Город Александровск был так засыпан снегом, что было не понятно, как летчик Иванов нашел посадочную площадку. Улиц не было видно. Тротуары превратились в туннели и глубокие траншеи. Торжественный просмотр фильма состоялся в кинотеатре «Маяк». Зрители были довольны. Газета «Советский Сахалин» дала хвалебную рецензию. Расчеты были произведены удивительно быстро и просто. В отделение Госбанка явился «арбитр» т. Ковширко (он же и начальник аэропорта, снятый в фильме). Со счетов моих партнеров, согласно договору, были списаны соответствующие суммы, и через несколько минут деньги были переведены по телеграфу на счет нашей студии в Хабаровске. Позднее я стал свидетелем того, как ликовали сотрудники студии, получившие зарплату сразу за несколько месяцев.

Условия финансирования студии были впоследствии упорядочены, и уже никто из операторов не занимался подписыванием договора на съемку.

Но, как потом оказалось, премудрость составлять и подписывать договора мне пригодилась. Кто бы мог тогда подумать, что мне в течение более чем двадцати лет придется этим заниматься, открывать счета и распоряжаться ими в банках Шанхая, Осло, Лондона, Москвы и Стокгольма!

Куда бы мы ни приезжали, принимали нас хорошо, помогали. Даже за ночлег и за питание не брали денег, но часто просили об одном: «Снимите нас на фото и пришлите карточки. Годы идут, дети растут, а сняться негде».

После каждой такой командировки вечерами сидишь у увеличителя, выполняешь обещания. Было приятно опять приезжать в те же места, где видели мою работу и на экране.

В Хабаровске у меня всегда было много гостей. В воскресенье за дверью раздавался такой топот ног, что казалось, ведут лошадей; это значило, что идут

обедать танкисты братья Михеевы: Павел, Федор, Иван и Владимир. Их отец, известный пчеловод, недавно переселившийся на Дальний Восток, обратился с просьбой к маршалу Блюхеру, чтобы его сыновей зачислили в один танковый экипаж. Просьба была удовлетворена. Впоследствии все братья, кроме Владимира, героически погибли в Отечественную войну.

Во дворе студии, рядом с гаражом, в бараке, жил и работал талантливый умелец, хромой мастер по ремонту киноаппаратуры. Кажется, что так никто и не знал его фамилии, все звали мастера Гаврилычем. Он сделал мне очень красивую металлическую коробку, в которой можно было при дневном свете, засунув руки в особые рукава, заряжать кассеты, делать пробы пленки и контактные отпечатки с негативов, а если эту коробку повесить на стену, то получался увеличитель с пленок и пластинок. В этом чудо-ящике помещалось все, что требовалось в командировках: пленка, химикалии, фотобумага. Выключатель был похож на миниатюрное вымя с сосками, и поэтому весь агрегат был назван «черной коровой».

Как-то стало известно, что Хабаровск окажется в зоне полного солнечного затмения. Из разных городов страны, из-за границы приехало множество астрономов. Они привезли с собой сложное и громоздкое оборудование. За городом образовался научный лагерь. Все радовались установившейся ясной погоде.

Нас, операторов, просили снять, как ведут себя животные в момент солнечного затмения.

Наступил долгожданный день. Астрономы приготовили свои приборы. Вдруг, за несколько минут до начала затмения, небо покрывается темными, плотными облаками. Ученые в панике мечутся у своих труб. На горизонте появились странные фиолетовые тучи. Сразу похолодало. В наступившем сумраке слышатся проклятия на многих языках. Старый астроном кричит:

— Всю жизнь ждал этого затмения! До следующего уже не доживу!

Но вот на голубом небе появилось солнце, край которого еще освобождался от луны. Жалко было видеть старика астронома, который накануне говорил

корреспондентам, что он или подтвердит или опровергнет теорию относительности.

Мы так и не сняли реакцию животных на такое явление природы. Шутники говорили, что кто-то видел, как в самый момент затмения кошка ела колбасу в витрине гастронома.

Отправка снятого материала в Москву была для нас тогда целой проблемой. Дело в том, что почта не принимала наши посылки с горючей пленкой. Выход был один — посылать с проводниками московских поездов. Проводники получали за это особое вознаграждение. Был только один случай, когда посылка пропала. Наш оператор снимал золотые прииски в верховьях реки Зеи. Он трудился долго. Заедаемый мошкарой, передвигался и верхом, и пешком, и на лодке. Снимал в трудных условиях. Свои съемки он назвал: «Золото Зеи». Вот эта пленка и не была получена. Нам осталось только фантазировать, как это случилось. Вероятно, дело было так: когда поезд отошел от станции Зея, проводник стал рассматривать круглую тяжелую коробку, на которой было написано: «Золото Зеи». Вероятно, он решил, что ему крупно повезло. Выбрав время, запершись в купе, он открывает коробку, развертывает черную бумагу, затем красную и видит там рулон пленки. Догадавшись, что пленка уже засвечена и испорчена, он с досадой выбрасывает ее ночью на полном ходу поезда...

На студии у нас не было ни редактора, ни службы информации. Операторы сами решали, что и когда снимать. Никогда не забуду, как однажды я случайно заметил группу любопытных, плотно окруживших каких-то странных оборванных типов, идущих по середине улицы. И вдруг, как обжегшись, я вспоминаю газетные сообщения о том, что несколько молодых ребят уже несколько месяцев идут пешком из Ленинграда в Хабаровск, призываться в армию. Да ведь это они! Пешеходы, герои, имена их известны всей стране, и до финиша осталось меньше километра! Теперь, конечно,трудно представить, как я успел прибежать на студию, схватить тяжелый аппарат, обогнать пешеходов и примчаться на площадь, где их уже ждали оркестры и толпы народа. Помню смех и веселые реплики при виде кинооператора, чуть не опоздавшего снять такое событие. Сюжет о прибытии пеше-

ходов в Хабаровск был помещен в очередном «Союзкиножурнале».

Где-то около Николаевска-на-Амуре наконец был обнаружен самолет «Родина», на котором совершили беспосадочный перелет из Москвы наши летчицы Гризодубова, Осипенко и Раскова. Рано утром мне предложили лететь туда, впервые прыгнуть с парашютом и снимать, как они выбираются из непроходимых болот и тайги.

Радостный сижу в двухместном открытом самолете, затянутый ремнями парашюта. К руке привязан рюкзак с аппаратом и пленкой. Запущен мотор. Вдруг вижу, бежит человек и машет руками. В чем дело? Полет отменяется. Снимать нельзя, причин не объясняют.

Снимая события, отдельные сюжеты для киножурналов, я стремился стать автором-оператором, делать фильмы самому до конца, одновременно быть и сценаристом, и режиссером. Пусть фильм будет коротким, в одной-двух частях, но чтобы в прокате он имел самостоятельное значение. Увлекала в те годы и новизна такой работы.

О работе над некоторыми из них я и хочу рассказать.

В Москве мне советовали: «Ты едешь туда, где водятся тигры. Вот и сними, как на них охотятся!» Честно говоря, снять такую охоту было большим моим желанием.

Путешествуя по краю, завожу знакомства с охотниками, а они, приезжая в Хабаровск, часто останавливаются у меня ночевать.

Наступила моя четвертая хабаровская зима. Однажды поздно вечером ко мне на квартиру явился запорошенный снегом человек:

— Есть тигр! Калугин с бригадой уже поймал одного и ловит других!

На следующий день я объявляю на студии, что еду в тайгу снимать сдачу пушнины и, если удастся, то какую-нибудь охоту. О тиграх пока никто не должен знать, в случае неудачи будут зубоскалить.

От Хабаровска на юг едем по хорошему шоссе. В стороне видны деревни, где я недавно снимал. Верино, Марусино и Зоевка. Старожилы рассказывали, что такие названия эти деревни получили в конце прош-

лого века от чиновника, ведавшего крестьянами-переселенцами. Деревни он называл по имени «дамы сердца», которую имел в каждой партии новоселов.

От Имана нам с помощником Колей Пикулем надо было двигаться на восток, вверх по реке, в отроги Сихотэ-Алинского хребта. Там, около прииска Незаметного, в селе Картун, мы узнаем, где надо искать наших охотников. Добраться туда можно только зимой, на попутных машинах, ползущих на прииск по замерзшей реке. Мы договорились с шофером. С утра пошел снег, крупный, про какой у нас на Севере говорят: «По старухе шишка». Дорогу замело, машины встали. Озябшие, мы ночуем в какой-то хате. Спим на полу. Рядом спина шофера, его ватник так пропах бензином, что у меня кружится голова. Просыпаюсь от длинного телефонного звонка — это звенит в голове от запаха бензина. Над ухом кричит старуха: «Веткиля?» Вероятно, это значит: «Откуда?» За окнами еще темно. Стекла залеплены снегом. Как быть? Решаем достать санки и сегодня же двинуться пешком. По очереди тащим санки, волнуемся: успеем ли?

Теперь самое время рассказать о нашей съемочной технике. Моя кинокамера называлась «Хроникон», что означало: «Хроника Николая Константинова». Снимать моим «Хрониконом» можно только со штатива. Кассеты вмещали шестьдесят метров пленки, это примерно две минуты экранного времени. Наводка на фокус была сквозная, на пленку. Надо было долго всматриваться в противоореольную, непрозрачную пленку. В те времена мы определяли экспозицию чутьем, на глазок. Умение определить правильную экспозицию считалось одним из главных качеств квалификации оператора — об экспозиметрах мы и понятия не имели. Трудность была еще и в том, что наша отечественная пленка не имела стандартной чувствительности.

Сказочно развивается кинотехника. Современную киноаппаратуру нельзя и сравнивать с той, на которой мы раньше работали. Кинокамера стала легкой. Объективы менять не надо. Трансфокаторная оптика позволяет не сходя с места приближаться к объекту съемки. Для синхронной записи звука аппарат дает по радио сигналы на магнитофон. И еще много дру-

гих удобств и новшеств имеют современные кинокамеры.

Вот такой бы аппарат да тогда на ловле тигров! Новые камеры теперь есть, но ловлю тигров уже не снимешь.

...Наконец добрались до села Картун, родины наших тигроловов. И вот тут нам повезло. Мы застали там охотника из бригады Калугина: он приходил в село за продуктами.

Утром к нам присоединился представитель «Союзпушнины» В. А. Завадский. По пояс в снегу тащим нарты с продуктами и киноаппаратурой по горным охотничьим тропам. В сумерки добрели до таежной избушки. В дальневосточной тайге издавна существует традиция: в таких избушках усталый охотник всегда найдет спички, хворост для растопки, соль, табак и даже сухари. Тот, кто покидает это жилье, тоже старается оставить кое-что для будущих обитателей.

Из открытой двери валил дым. Вот и Трифон Васильевич Калугин. Бородатый, добродушный, он похож на древнего русского богатыря. У наружной стены в деревянной клетке лежал связанный тигр, двухгодовалый самец... Мне не спалось. Тигр рычал.

...Утром у костра пьем чай. Калугин говорит:

— Сделаем аккуратно, не беспокойся, зверя выгоним прямо на твой аппарат, только снимай!

Я думал, что он шутит. Охотники подтвердили, что рядом бродит мать с двумя тигрятами, и от этого, уже пойманного, она далеко не уйдет. Вижу — дело серьезное. Представитель «Союзпушнины» В. А. Завадский шепнул мне, что эти охотники — староверы. Не знаю ничего об их вере, но заметил я, что они не курят, даже про водку не говорят, часто крестятся и не матерятся.

Раньше я и понятия не имел, как это можно голыми руками поймать такого хищного и опасного зверя. Оказалось, весь секрет в том, что тигр совсем не может бежать по глубокому снегу. Чтобы прыгнуть, ему надо от чего-то оттолкнуться. На глубоком снегу он становится беспомощным. Но всего на несколько секунд. В это время его и прижимают деревянными вилами, мгновенно связывают морду и лапы крепкими лентами из холста. Тигр быстро приходит в себя, на-

чинает биться, издает страшный рев. Это критический момент. Если после первого такого припадка тигр остается жив, значит, он пойман живым. Старые тигры в таких случаях гибнут от разрыва сердца.

Три дня с утра до вечера по пояс в снегу я таскаю на плече аппарат со штативом, прислушиваясь к далеким выстрелам и собачьему лаю. Каждую минуту жду, что вот сейчас с крутого каменистого берега прыгнет прямо ко мне живой уссурийский тигр. Я должен приготовиться к панорамированию, чтобы не «завалить» кадр. Понятно, что тигра будут ловить где-то здесь, между этими берегами на глубоком снегу, на этой замерзшей реке. Но куда он побежит?

...Однажды мы с одним оператором подсчитывали, сколько неприятностей ждет оператора-хроникера, и насчитали ровно тридцать три несчастья. Вот некоторые из них: недодержка, передержка, изображение не в фокусе, брак пленки, соринка в кадре, разложение эмульсии и так далее и тому подобное, но самое досадное, конечно,— творческий брак. Часто бывало, что пленка кончается в самый важный момент или останавливается и заедает аппарат — все это надо умело скрыть от окружающих и от тех, кого снимают. Кинооператоры, снимающие художественные фильмы, в случае необходимости могут переснять любой эпизод. Хроникеры должны снимать только наверняка.

За техникой съемки оператор-хроникер следит как бы подсознательно. По шуму работающего аппарата он понимает, что там все нормально. Главное внимание обращено на то, что он снимает, что происходит перед кинокамерой. В кассете всего 60 метров пленки. Много это или мало? Это около двух минут экранного времени. Попробуйте в течение двух минут посидеть с закрытыми глазами, и вам покажется, что много можно увидеть за это время.

На четвертый день с берега прямо на аппарат, как по заказу, делает большие прыжки ревущий, почти черный от мокрого снега тигр. Снимаю, вижу его в кадровом окне. Панорамирую, и вот в кадр вбегает собака и охотники с вилами. Тигра окружают, наклонились над ним, связывают.

Короткий отдых. Объясняю охотникам, что я должен снять, как связывают тигру задние лапы, потом передние, как связывают ему морду. Светит солнце,

безветренно, тепло. Ножки моего штатива, вытянутые до конца, упираются в лед. Я снимаю телеобъективом, с приличного расстояния — на всякий случай. Связывают задние лапы (предварительно развязанные). Калугин стоит, облокотившись на деревянные вилы, которыми прижата к снегу шея хищника. Вот вяжут передние лапы. Теперь надо снять морду. И тут происходит то, о чем я до сих пор вспоминаю, как о чем-то неправдоподобном. Всматриваясь в кадровое окно аппарата, я вдруг почувствовал какую-то особую, жуткую тишину. Длилось это, вероятно, всего сотую долю секунды. Оторвавшись от лупы, вдруг вижу, что уже вывернувшийся из-под вил тигр сделал прыжок и летит на меня, на аппарат...

Я бежал, боясь оглянуться, каждое мгновение ожидая прыжка на мою спину, бежал и кричал... Я слышал, как приказали собаке: «Новик, возьми!», как гремели цепью, отвязывая собаку от нарт. Оглянувшись, я увидел, что охотники окружили и уже прижали вилами уссурийского хищника в снег. В. А. Завадский лежит на снегу лицом вниз.

Аппарат был сбит тигром. На алюминиевой головке штатива остались глубокие следы его когтей или зубов. Эти вмятины потом долго показывали на студии. Что же случилось? Тигр, видимо, чувствовал, что кинокамера была причиной всех его несчастий, да и охотники плохо связали ему лапы.

Представитель «Союзпушнины» поднялся на ноги. Мы все как-то нервно посмеялись и продолжали съемку. Так я убедился на собственном опыте, что человек бегает по глубокому снегу значительно быстрее тигра.

Через день был пойман третий тигр. Теперь для киноочерка надо снять детали этой охоты — монтажные куски, из которых клеятся эпизоды.

Я почти всю ночь не спал, обдумывая будущий фильм. На следующий день снимаю, как выслеживали тигров. Охотники перелезали через занесенные снегом корни, вырубали вилы, осматривали следы. Они жаловались, что сниматься им тяжелее, чем охотиться.

Мы закончили съемки дней через пять. Кто поверит, думал я, что за такой короткий срок можно снять охоту на тигров. Будут говорить, что зверей специально выпускали для съемки.

В Картуне я помог охотникам составить телеграм-

му в Москву на имя директора зоопарка. Ответ пришел очень быстро: «Согласны оплатить пятнадцать тысяч рублей, подтвердите согласие. Вышлем приемщика директор зоопарка Островский». Приемщика, чтобы он добрался до Картуна, надо было ждать не меньше трех недель. Тигры требовали корма и могли заболеть. Охотники думали, думали и сдали тигров местному представителю «Союзпушнины» В. А. Завадскому с большой уступкой. Ждем неделю, другую. К тому же началась метель, так что пришлось ждать погоды на прииске Незаметном.

Еще в селе Картун к нам обратился председатель Приискогома:

— Друзья, если сможете — выручайте! У нас идет обмен паспортов, а фотографа нет. Ходят тут наши километров за десять к одному портачу, а милиция бракует его работу.

— Можем выручить. Нам нужна отдельная изба, вода и электричество.

— Будет, все будет!

Изба была оборудована, как хороший номер в гостинице. Электрик сделал софиты с отражателями, как надо. Просим повесить объявление, что завтра с утра начинаем съемку. Наши цены были раза в три меньше, чем у того фотографа-неудачника.

Проснувшись на следующее утро, я увидел, что в окнах еще темно, и мы решили было еще поспать, как вдруг я с удивлением обнаруживаю, что темно было от молчаливой толпы, окружившей наш домик. Люди терпеливо смотрели в наше морозное окно и ждали, когда мы встанем.

Техника съемки была простая: киноаппаратом — «на мульти». Один оборот ручки — один кадрик. Коля Пикуль сидел у двери, заполнял списки, получал деньги и объявлял каждому: «Ваш номер такой-то, номер ленты такой-то». Снимавшиеся были поражены скоростью нашей работы. Не успел человек сесть, ему говорят: «Готово, следующий!» Некоторые даже начали сомневаться, уж не обманывают ли золотоискателей эти странные мастера.

В проявочный бачок в черном мешке вкладывались сразу две пленки, и работа продолжалась. Вечером начиналась скоростная печать при помощи уже известной «черной коровы». Выдача снимков на сле-

дующий день с 3-х до 5-ти. На стол высыпался ворох отпечатков, и люди сами выбирали свои фотографии. Тут была допущена ошибка. Парни прихватывали карточки девушек, а те — парней. Начались жалобы, не хватает снимков. Мы допечатывали, а потом решили всю продукцию передавать в Приисском.

В разгар работы вошел человек в длинной шубе — фининспектор!

— За то, что вы делаете доброе дело, вам низкий поклон,— он поклонился,— а за то, что не заехали к нам в район и не оформились,— штраф.— Солидный штраф был уплачен.

Питались мы в приисковом ресторане, похожем на таверны из американских фильмов. На буфетной стойке красовался многоведерный холодный самовар. К нему подходили те, кто желал развести свой спирт. Потом обеды и чай стали приносить к нам в избушку.

Работать было очень весело. Нас постоянно окружала молодежь. При ярком свете наша студия казалась экзотическим будуаром. А главной причиной воодушевления было то, что сняты тигры.

Метель кончилась. После легкого морозца тайга превратилась в сказочную декорацию. Мы дождались пейзажей, о которых мечтали.

В Хабаровске был проявлен негатив. Все оказалось в порядке, и вот мы смотрим первую позитивную копию... Друзья мои были рады такому успеху, но все сложности и перворепка были еще впереди.

К нам приехал представитель Главка, он должен был исполнять обязанности директора студии. Он никогда не снимал с себя шубу — даже в жарко натопленной комнате — или боялся, что ее украдут, или хвастался перед нами мехом с хорьковыми хвостиками. Просмотрев мой материал на экране, он безапелляционно заявил: «Из всего этого надо послать в Москву короткий сюжет для журнала. Киноочерка делать не будем, тут не показана зажиточная жизнь охотников!»

Важно изрекая прописные истины, он внимательно вглядывался в лица слушателей, как бы ожидая кивков, подтверждающих согласие с его словами. В

те моменты, когда он смотрел на меня и ждал кивка, я не кивал и видел, что это его удивляет и сердит.

Как быть? Для того чтобы делать фильм, обычно ездили с материалом в Москву. Вот эту-то поездку и не разрешает мне новый директор. Что делать? Мое желание снять охоту на уссурийских тигров исполнилось. Знаю, что материала достаточно для хорошего киноочерка. Такая удача бывает раз в жизни, и я решил бороться за фильм всеми способами. Материал был показан дальневосточным корреспондентам. В «Тихоокеанской звезде» появилась статья о том, что снята уникальная охота на тигров, а кинохроника почему-то не хочет делать об этом фильма. Прошу дать мне отпуск — отпуска не дают. Негатив я спрятал. Иду к врачу и получаю справку о том, что нуждаюсь в лечении. Наша РКК (рабочеконфликтная комиссия), председателем которой был художник Аркадий Потудин, сочувствовавший мне, опротестовала решение администрации, и отпуск был предоставлен. Покупаю билет, забираю пленку с тиграми и еду в Москву...

...Просмотровый зал московской студии кинохроники, как обычно, заполнен операторами, режиссерами, редакторами. Смотрят моих тигров. Зажигается свет — все в восторге. Делать или не делать киноочерк — вопроса не было.

Сначала мне сказали, что мой материал о тиграх будет монтировать Дзига Вертов. Я был рад. Еще мальчишкой я читал о нем, смотрел его фильмы «Шагай, Совет!», «Шестая часть мира». И вдруг вижу его сидящим в узком коридоре студии с опущенной головой, молчаливого, угрюмого. Проходившие мимо старались его не замечать, да и сам он никого не видел. Ему почему-то не давали работать. Прошли годы, теперь его считают классиком, пишут о нем труды... Верно когда-то сказал Державин: «Заслуги в гробе созревают».

В апреле 1937 года киноочерк «В Уссурийской тайге (Тигроловы)» был смонтирован опытным режиссером Владимиром Ерофеевым. Фильм вышел на экраны. Успех был полный.

Казалось бы, все хорошо. И да и нет.

Начальник кинохроники Пупков хвалит меня за тигров и говорит:

— Но вам надо срочно возвращаться в Хабаровск.

Делается большой фильм о маршалах. Вы должны снимать там маршала Блюхера на параде 1 Мая.

Пытаюсь объяснить, что в отпуске, что мне нужно отдохнуть, но он говорит, что все мы нуждаемся в отпуске, что отдохнуть я могу и позднее. Не скупясь на комплименты, он уговорил меня возвратиться. Мой поезд подошел к Хабаровску в восемь утра 1 мая, а ровно в 10 я уже снимал маршала Блюхера.

Демонстрация окончена. В праздничом настроении операторы возвращаются со съемки. Тот же представитель Главка показывает мне телеграмму из Москвы и самодовольно ухмыляется: «Поездку Лыткина в Москву считать отпуском. Пупков».

Итак, мой «отпуск» состоял из восьми дней езды на поезде «Хабаровск — Москва», восьми дней напряженной работы с режиссером над киноочерком и восьми дней езды в поезде «Москва — Хабаровск». Стоимость железнодорожных билетов за мой счет. Что делать? Судиться? За 10 тысяч километров? По молодости лет денег было не жалко, да и заработаны они были на прииске Незаметном. А победил все-таки я.

Решил сделать следующий очерк, надеясь когда-нибудь посмеяться над чинушами.

С тиграми мне, конечно, повезло. Но не будь связей с охотниками, не было бы и той уникальной съемки. Не прояви я тогда решимости всеми способами бороться за киноочерк, не было бы и отдельного фильма, и не о чем теперь было бы и писать. Фильм о тиграх широко шел на наших экранах, был показан на международной выставке в Париже. Были письма зрителей, рецензии в газетах и даже смешной рассказ в «Крокодиле». Как говорится, все это сделало мне «имя».

А в хабаровскую студию вскоре прибыл новый директор, инициативный, творчески мыслящий режиссер, Василий Андреевич Каштелян.

Наиболее действенным и нужным из всего, что было снято мною на Дальнем Востоке, я считаю киноочерк «Хетагуровки». На призыв Валентины Хетагуровой откликнулись тысячи девушек.

На совещании в Хабаровске в президиуме сидели

маршал В. К. Блюхер и бывший дальневосточник, начальник Главного Политуправления Красной Армии Ян Гамарник, очень похожий на Пугачева.

Выступали боевые подруги. Одна из них рассказала, как, вместе с другими женами командиров, в своей части они организовали художественную самодеятельность, создавали уют в казармах, устраивали быт и питание бойцов. Она и ее подруги, например, выстирали и перегладили двадцать тысяч пар солдатского белья. Это была Валентина Семеновна Хетагурова, интеллигентная, привлекательная жена командира части.

В декабре 1936 года В. С. Хетагурова выступала в Москве на Всеармейском совещании жен командно-начальствующего состава Красной Армии, а в феврале 1937 года газета «Комсомольская правда» опубликовала ее призыв к девушкам нашей страны.

«Девушки! Сестры комсомолки! К вам от имени молодых дальневосточниц обращаю свой призыв.

Далеко на востоке, в приморской и приамурской тайге, мы, женщины, вместе со своими мужьями и братьями, перестраиваем замечательный край.

У нас мало умелых рук. Каждый человек, каждый специалист на учете. И много еще нужно людей для того, чтобы освоить все богатства края для социализма. Но запомните, на Дальний Восток мы зовем только смелых, решительных, не боящихся трудностей людей... Мне хочется, чтобы вслед за нами, подругами дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сестры комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле».

Уже к осени 1937 года прибыло 11 500 комсомолок.

В одиночку и группами, вагонами, даже целыми составами прибывали девушки в Хабаровск и далее продожали свое путешествие в Комсомольск и Приморье, на Сахалин и Камчатку. Я снимал, как встречали их, как они устраивали свою жизнь в самых романтических уголках дальневосточного края. Фотография одной из моих героинь, Шуры Никитиной, была помещена почти во всех наших газетах и даже попала в календарь.

«Хетагуровки» озвучивались в Москве. Музыку подобрал и дирижировал оркестром Ройтман, дикторский

текст читала Валентина Соловьева. Теперь, когда я слышу ее голос по радио, то вспоминаю нашу работу и всякий раз удивляюсь тому, что и через сорок пять лет ее голос звучит так же молодо, звонко и ласково. В конце фильма снова появляется В. С. Хетагурова, говорит: «Смелые, не боящиеся трудностей, дорогие подруги, приезжайте к нам строить и укреплять наш Советский Дальний Восток!» Это был фильм-плакат.

Во дворе студии я испытывал новый сорт пленки, делал пробы. Подошел бравый матрос. Разговорились, у матроса на днях кончается срок службы в Амурской Краснознаменной военной флотилии. Вижу, что он очень интересуется киноаппаратом и тем, чем я занимаюсь. Мне нужен помощник. Предлагаю ему поработать вместе. Его приняли на студию, и через несколько дней мы полетели с ним на Сахалин. Тогда я работал уже над звуковым киноочерком об этом хорошо знакомом острове. Были еще совместные поездки. Моряк этот теперь стал известным дальневосточным кинохроникером, оператором высшей категории, заслуженным деятелем искусств: это Иван Иванович Чешев. В конце 1945 года он снимал войну в Корее, затем мы случайно встретились в Пхеньяне, а несколько лет назад он первый примчался на остров Даманский снимать военный конфликт с китайцами. Ему помогал сын, студент ВГИКа.

Но вернемся в Хабаровск. Из Москвы приехал новый режиссер Марк Культэ. Он сказал мне: «Твоя Хетагурова уговорила меня приехать сюда!» Это была самая приятная похвала — от коллеги.

Мы успевали тогда снимать почти все главные события в крае. К сожалению, никому из нас, дальневосточных операторов, не довелось снимать события на озере Хасан, которыми в те дни была взволнована вся страна. Я был вблизи тех мест, снимал похороны убитого командира Миронова, первых раненых, но на передовую попасть не удалось — конфликт был очень коротким. Школу военных съемок предстояло мне пройти на фронтах Отечественной войны.

...Летом 1940 года мне как знатоку Дальнего Востока предложили включиться в работу по съемкам

большого документального фильма «День нового мира».

Морской рыболовецкий разведчик «Нептун» имеет всего лишь пять тонн водоизмещения. В Беринговом море нас застиг жестокий шторм. Дождь, волны, катер бросает, как щепку. Вторые сутки не можем понять: или болтаемся на месте, или нас относит к берегам Камчатки. Наш «Нептун» становится вертикально то носом вверх, то носом вниз. Это называется килевой качкой. Мы сидим в тесном, темном кубрике. Со мной молодой оператор Миша Посельский. До сих пор дальше своей подмосковной дачи он никуда еще не выезжал.

Впереди остров Беринга, цель нашего путешествия. Там, за островом, проходит международная граница перемены календарных чисел, там начинается новый день. Наша задача снять начальные кадры для фильма «День нового мира». Идея такого фильма была предложена еще Максимом Горьким: показать на экране, чем живет наша страна в течение одного будничного дня. И вот в определенный день в августе 1940 года девяносто семь кинохроникеров одновременно приступили к съемкам в самых различных уголках нашей страны.

Шторм стихает, показался остров Беринга. К берегу подойти нельзя. Кругом из воды торчат острые черные камни. Бухты нет. Только раз в год приходит сюда пароход, чтобы сменить людей, доставить продукты и забрать шкурки морских котиков. С капитаном морского разведчика «Нептуна» мы условились, что он заберет нас через два дня и доставит обратно в Петропавловск.

— Учтите, дольше трех дней вас ждать не можем, у нас кончаются продукты и горючее!

И нас высаживают на шлюпке на берег в селе Никольском.

В стандартных металлических домиках живут с семьями специалисты зверосовхоза, учитель, радисты и местные жители — алеуты. Под ногами, как голодные собаки, шныряют рыжие песцы. Шумит холодное Берингово море, обдавая солеными брызгами стенки домиков и большой железный крест, под которым лежит командор Витус Беринг, давший имя этому острову. Ни деревца, ни кустика, кругом только песок, хо-

лодное море, серое низкое небо и редкие холмы со срезанными вершинами.

На следующий день, задолго до восхода солнца, мы были уже на северном берегу острова, на лежбище котиков. Собаки легко тащили нарты с аппаратурой по мокрой траве.

Морские котики приплывают сюда на свое постоянное летнее лежбище за тысячи километров. Здесь они плодятся, а осенью многотысячное их стадо опять уплывает на юг, на японские острова. В морских лоциях указано, что здесь, в районе лежбища, запрещается пароходам давать гудки и включать прожектора.

Мы надели специальные чулки из рыбьей кожи и осторожно появились на лежбище. На фоне утренней зари видны силуэты шевелящихся котиков. Они лежали на камнях, ползали, ныряли.

Взошло солнце, и сразу заблестели мокрые шкуры котиков. Вот так здесь и начинается новый день.

Лежбище похоже на огромный пляж. Котики нас не боялись. Малышей мы даже брали на руки. Взрослые лежали и обмахивались ластами, как веерами. В многоголосом их шуме, казалось, слышались женские визги и хохот. Нас предупредили быть поосторожней около крупных котиков. И правда, ласковое слово «котик» совсем не подходило к ластоногому зверю размером с лошадь, севшую на задние ноги. Весной, во время гона, самцы отчаянно дерутся. Медленно подползая, они хватают соперников зубами за ласты и, делая движение сильной шеей, бросают их на острые камни. Бывали случаи, когда такому энергичному внушению подвергался и человек.

Наша съемка удалась, пора было возвращаться на «Нептун», но опять начался шторм. Катер отстаивался у восточного берега острова. Прошел томительный день. Что делать? Может, перебраться на восточный берег? Ну, а если шторм прекратится и «Нептун» придет за нами в Никольское? На судне нет даже радио.

На радиостанции у начальника, доброго старика, знавшего еще изобретателя радио Попова, слушая последние известия, узнаю, что мои режиссеры Слуцкий и Кармен уже приступили к монтажу фильма. Надо мне срочно доставить снятый материал в Москву,

но как? Неужели я зря трудился, неужели опоздаю?

Еще два дня тоски, и нам стало казаться, что шторм стихает. С тревогой смотрим в море. Наконец вдали появился дымок «Нептуна». Вот он подошел ближе, но шлюпки с него не спускают. Огромные волны, зеркально блестя, рассыпаются на острых камнях. Мертвая зыбь. Как быть? Мы уговариваем молодых ребят-алеутов, просим нас выручить. Объясняем, как важно доставить снятый материал в Москву. И алеуты решились на почти невозможное. В лодку погрузили аппаратуру и пленку, хорошо укрыв брезентом. Мы с Посельским устраиваемся наверху, как на высоком горбу верблюда. Два гребца сели за весла. В ледяную воду вошли молодые алеуты и встали по обе стороны лодки. Они медленно выводят лодку из речки и уже бредут по грудь в воде. Остановились, ждут. Рассыпающиеся волны обдают нас дождем соленых брызг. Но вот наступил нужный и только алеутам понятный момент. Что-то закричав, они толкают нас в море. Гребцы усиленно работают веслами, мы не дышим от волнения. На нас движется очередная зеленая стена и рассыпается под нами; следующая волна уже поднимает нас на гребень и спокойно опускает почти на самые камни. Усиленно работают гребцы. Вновь поднявшись на гребень волны, мы видим берег, там собрались все жители села Никольского. Виден огромный железный крест, под которым лежит отважный мореплаватель. Опускаясь, мы видим серое низкое небо как из глубокой траншеи. На этих вот острых черных скалах и разбилось судно Беринга.

Ночью море успокоилось. Я лежал на корме, в полной темноте смотрел вниз, любуясь невиданным ранее зрелищем. Мириады светящихся точек и ярких пятен сверкали, казалось, до самого дна моря. Временами я как бы летел над бездной. Вероятно, такую же картину видят космонавты, пролетая в черном ночном звездном небе.

На следующий день мы были у берегов Камчатки. Около Жупанова опять заштормило, и катер зашел в бухту. Утром приказ: ввиду шторма выход в море запрещен. Опять задержка, а нам надо срочно быть в Петропавловске, который почти рядом. Неужели мы напрасно рисковали, уезжая с острова Беринга?

Жупановский радист сказал, что в Петропавловске

все еще сидит и ждет летной погоды большой пассажирский самолет «Глен Мартин», это его последний рейс в Хабаровск. Наше единственное спасение — попасть на этот самолет.

Тянутся дни, шторм не утихает, «Глен Мартин» все еще в Петропавловске. Ответа на наши телеграммы нет.

Но вот наконец телеграмма: «За вами выслан самолет». Читая ее, услышали гул самолета. Он сел на какое-то озеро. Летчик сказал:

— Еще бы пять минут, и я улетел бы без вас. Видите, какая погода!

Под нами Петропавловск. Внизу, в Авачинской бухте, хорошо виден силуэт огромного «Глена Мартина». Он все еще ждет погоды.

В тот же вечер, в местном отделении Аэрофлота, нам сказали, что все билеты на самолет давно проданы, что пассажиры уже дней десять каждое утро приходят на посадку, но отлет откладывается из-за погоды. Наши переговоры все же заканчиваются тем, что нас обещали посадить на самолет, если сумеют оставить килограмм двести какого-то не очень срочного груза.

В это время в Петропавловске узнаю из газет отзыв Сталина о Маяковском: «Он был и остается самым талантливым поэтом нашей советской эпохи. Пренебрежение к его памяти — преступление». Радостно было так, как будто это было сказано обо мне.

Утром мы были у самолета раньше всех. Увидав летчиков, догадываемся, что отлет состоится именно сегодня. Проверяются моторы, и уже начинается посадка пассажиров, а начальника, обещавшего посадить нас на самолет, мы не видим. Летчики заметно спешат. С нами разговаривать никто не хочет. Наконец он появляется, разводит руками, говорит, что ничего не выйдет, нельзя. Кажется, теперь-то уж точно пропали.

По нашей отчаянной просьбе проверяется дважды количество пассажиров в самолете. Насчитали 54 человека, а должно быть 56. Дрожащими руками рассчитываюсь за два билета. Торопливо грузим аппаратуру и пленку. За нами закрывают верхний люк самолета. Воздушный корабль отплывает от берега. Прежде чем подняться в воздух, самолет долго гоня-

ют по бухте, разогревают моторы. Мы то удаляемся от места посадки, то подплываем опять туда же. Когда приближаемся к берегу, я вижу две фигуры опоздавших. Они отчаянно машут руками, прыгают, катаются по земле, и мне начинает казаться, что самолет возвращается именно за ними. Я невольно отодвигаюсь от окна и даже закрываюсь занавеской, но самолет опять разворачивается, отрывается от воды, и мы летим. Впереди десять часов непрерывного полета, впереди Хабаровск!

В Хабаровске нас ждала телеграмма: «Имеется указание Молокова перебросить вас в Москву самолетом». Герой Советского Союза Молоков руководил тогда гражданской авиацией. В аэропорту долго спорили, договорились, что плачу я за себя, как за восемьдесят килограммов груза. На меня надели парашют. И вот летим. Лежу, скорчившись на каких-то пакетах и посылках. Сквозь круглое матовое стекло ничего не видно. На попутных самолетах летел я пять дней.

В Москве Кармен говорит мне:

— Ты опоздал. Мы уже озвучиваем третью часть. Давай срочно материал в проявку. Возьмем, если что-нибудь исключительное.

Утром смотрим позитив на экране. Как всегда, в зале полно режиссеров, операторов, редакторов. Зажигается свет, и все дружно аплодируют. Материал вошел в фильм полностью, а по метражу из девяноста семи операторов я оказался на четвертом месте. Зрители впервые увидели Командорские острова, морских котиков и под песню «Будьте здоровы, живите богато» Леонида Утесова — белорусских колхозников, переселявшихся в камчатские домики.

ВОЙНА

Один мой знакомый обладал особым даром узнавать новости раньше всех, всегда удивляя меня сообщением чего-нибудь особого — «по секрету», конечно. Проходило время, и его «сенсация» подтверждалась в газетах.

И вот в воскресенье, возвращаясь с прогулки, я вижу этого инженера у себя на подмосковной даче. Он был заметно взволнован и ждал меня.

— Привет, Николай Семенович, какие новости?

— Война! Немцы уже бомбили Севастополь, Прибалтику и Ленинград...

Тут я услышал, как в соседней деревне завыли бабы. Так я узнал, что началась война.

25 июня, третий день войны. Московские кинохроникеры торопливо собираются на фронт. Сидя в кузове полуторки, вижу, что во дворе студии уже роют щель.

Неужели, думаю, пригодится? Щель пригодилась через месяц.

Отъезд нашей группы снимает работавший со мной молодой кинооператор Володя Сущинский. Мы выезжаем в Брянский переулок, и я еще долго вижу Володю, как он машет рукой на прощание. Когда же теперь и где увидимся? А увижу я его лишь после войны, но только на экране, в документальном фильме «Фронтовой кинооператор Сущинский». Володя погиб в 1944 году с аппаратом в руках.

Мы едем на Белорусский вокзал. Мы — это руководитель группы Роман Кармен, оператор Борис Шер, администратор Александр Ешурин и я. Мы командированы в Политуправление Западного фронта в Ригу.

На вокзале внешне ничего не изменилось. Не было пьяных, не слышно смеха, не было и слез. Никто не пел: «Последний нынешний денечек». Теплый московский вечер. Впервые выключено освещение. В полутьме шепот, молчание, беспечность и какая-то тайная тревога. По радио — арии из оперетт. С боем занимаем наши места в вагоне, грузим аппаратуру, пленки — килограммов пятьсот в чемоданах и железных ящиках.

Вагон был переполнен летчиками и танкистами. Они возвращались из отпусков, но не успели к своим самолетам и танкам и теперь будут сражаться в пехоте.

В нашем купе оказались еще два журналиста, приятели Кармена. Мы долго играем в детскую игру «гоп» — быстро называя числа по порядку и щелкая в лоб того, кто забывал о том, что вместо семи или числа, оканчивающегося на семь или делящегося на

семь, надо сказать «гоп». Играли как школьники, о войне и не думалось.

Мне казалось, едем мы на обычную съемку, но была какая-то еще не осознанная тревога. Как и многие, я верил газетам и песням, что война будет не долгая, был убежден, что «ни одной пяди своей земли не отдадим», что «будем бить врага на его территории» и победим «малой кровью, могучим ударом».

Ночью часто останавливаемся. Заснуть не могу. Сознание еще не переключилось на войну, в голове полно мирных забот и обид. Еще и года не прошло, как я начал работать на центральной студии. Успел уже побывать на Дальнем Востоке, снимал для картины «День нового мира», а совсем недавно режиссер Николай Кармазинский чуть было не уговорил поехать с ним в Арктику.

Недавно оператор Николай Самгин привез очень интересные съемки с озера Иссык-Куль. У нас оказалось много общих воззрений и на жизнь и на наше ремесло, мы подружились. Начали вместе снимать фильм о зимней охоте. Нам удалось выступить соавторами-операторами, нарушив этим монополию режиссеров,— случай небывалый тогда на московской студии. Два обстоятельства были за нас: никому из режиссеров не хотелось мерзнуть в лесу во время съемок, а в период монтажа нас защищал Николай Иванович Соколов, председатель фабкома студии, бывший редактор журнала «Охота и рыболовство». Дикторский текст написал Эль-Регистан, один из будущих авторов гимна.

Авторы-операторы так у нас и не определились как профессия. С возрастом операторы сами стали переходить в режиссеры. Это стало вроде продвижения по службе. Что может быть абсурднее понятия «режиссер документального фильма»! Разве можно режиссировать документ? Такого деятеля надо называть или редактором или монтажером. Роль оператора-хроникера была и останется ведущей. Хочется верить, что теперь, когда широко распространяется кинолюбительство и телевидение, займет наконец должное место в номенклатуре искусства и автор-оператор.

...Опять где-то стоим, уже рассветает... Все эпизоды фильма с Самгиным снимали вместе — охоту на волков с флажками, хозяйство в Завидово и многое другое, а вот берлогу с медведями я снимал один. Теперь и вспоминать смешно. Военно-охотничье общество получило сообщение из Вологодской области, что там обнаружена берлога с медведем. Такая находка хорошо оплачивается. Егерь Кирсан Зуев, два охотника и я с помощником прибыли в глухую деревушку где-то около Череповца. Берлога оказалась у самой деревни за околицей.

Егерь распорядился так: по одну сторону берлоги стрелки и я с аппаратом, а по другую сам егерь и местный охотник должны были так «подшуметь» медведя, чтобы он вылез на нашу сторону. Вот настал напряженный момент, тишина, под елкой чуть заметный снежный бугор, неужели там лежит медведь? Мой тяжелый, установленный на штативе киноаппарат готов к съемке. Вижу, как насторожились и даже побледнели рядом стоящие стрелки. Они уже целятся своими карабинами и вдруг, не дождавшись, когда вылезет медведь, начинают стрелять в берлогу. По другую сторону послышались ругательства, через несколько секунд там раздался выстрел. Я, конечно, ничего не снял. Медведя «подшумели» с нашей стороны, а убил его егерь. Снимаю, как привязанного к жердине огромного тяжелого зверя волокут, утопая в глубоком снегу. Деревня была украшена цветными платками и полотенцами. Таков там старый обычай встречать охотников с добычей.

А как же быть мне, вот досада! Конечно, снять, как стреляют охотники, не трудно. А как быть с берлогой, с медведем? Все было снято и так смонтировано, что никто из смотревших наш фильм «По следу зверя» не заметил никакой подделки. А снимали мы так: за «берлогой» сидел мужик, накрытый медвежьей шкурой. Была видна только спина, она появлялась и шевелилась. На переднем плане остервенело лаяла собака в сторону этого «медведя», а лаяла она потому, что у мужика еще был мешок с кошкой, которую тот щипал.

В этом нашем фильме впервые были записаны естественные звуки — лай собак, шум облавы на волков. Фильм всем нравился, но завистливые режиссеры до-

бились того, что фильм получил оценку «удовлетворительно», а это значило, что мы не получим дополнительно авторского вознаграждения, но мы не очень и печалились. Через некоторое время новый директор студии Зимин сообщил нам (по секрету), что Кинокомитет оценил фильм на «хорошо» и поэтому мы можем получить деньги.

Мы с Самгиным решили и дальше работать вместе, но вот началась война, и нас послали на разные фронты. ...Николай Самгин погиб под Киевом в первые месяцы войны.

Вот что я вспоминал в поезде, который вез меня на войну. Наш поезд чуть не сутки полз до Смоленска. Мы прибыли туда как раз в то время, когда немецкие самолеты бомбили вокзал. Звенели вагонные стекла, мы не знали, что делать. Из окна вагона было видно, как по улице бежали плачущие женщины с узлами, с детскими колясками.

На вокзале шли поиски диверсантов. Мы были в штатском. Кармена задержали и увели для выяснения личности (в своем желтом кожаном иностранном пальто он вызывал подозрение), но быстро освободили.

А с запада без остановок все мчались и мчались длинные поезда, переполненные беженцами. Открытые платформы были как булыжником вымощены плотно прижатыми головами женщин и детей. Снимать все это просто не поднималась рука. Казалось, что это не характерно, что это съемка для немцев, что все еще переменится, мы будем наступать.

Конечно, я был горд, что еду на войну с Карменом, прославленным хроникером, «обстрелянным» в Испании и Китае и вообще хорошим человеком.

...В Ригу мы не попали, там уже были немцы. Пересаживаясь с поезда на поезд, мы оказались в Полоцке, а потом в Великих Луках. Кармен попытался связаться с начальством. Но всем было не до нас, и без машины, с нашим громоздким имуществом, мы были беспомощны, а надо было снимать.

Кто-то сказал, что около шоссе на Невель лежит сбитый немецкий самолет. Надо снять. Но как туда добраться? Кармен предложил мне поехать с армей-

ским комиссаром, который на своей «эмке» ехал туда же, в сторону фронта.

Комиссар молча сидел рядом с шофером и что-то жевал. Губы и подбородок его были покрыты белым порошком. День был жаркий, в небе господствовали немцы, мы часто останавливались, вылезали из машины и прятались в кювете. Вот первые страшные картины войны: согнувшийся в три погибели армейский комиссар в канаве и его четыре ромба у моего носа. Как же я буду снимать, мелькнула мысль, ведь я боюсь! Немецкие самолеты расстреливали на шоссе все живое, поджигали машины.

Когда самолет пикирует на тебя, долго кажется, что он висит неподвижно. Секунды эти кажутся бесконечно долгими. Во время следующего налета я остаюсь с шофером и жду, что он будет смеяться надо мной. Но лицо солдата было непроницаемо.

Вот другая картина: наша машина не может ехать вперед. Во всю ширину шоссе навстречу нам бежит огромная толпа солдат — без оружия, ремней и пилоток. Фронт был еще далеко. Это бежали напуганные бомбежкой строительные батальоны, этим солдатам еще не доверяли оружие. Они демонтировали укрепления на старой границе, в то время как новую границу еще не успели укрепить. Кто-то ведь отдавал такое «гениальное» приказание. Помню, как в первые дни говорили, что немцев задержат на старой границе.

Перед самой войной в Доме кино была лекция. Лектор уверял, что война близко, но в те же дни было опубликовано сообщение ТАСС, утверждавшее, что договор о ненападении у нас с Германией соблюдается, что все, мол, в порядке, и это многих сбило с толку. Много лет спустя я снова встретил лектора, и он сказал, что ему тогда здорово попало. А вот что, уже после войны, рассказывал мне шведский сценарист Владимир Семичев.

— В 1941 году я был журналистом. В ночь на воскресенье 22 июня я дежурил в редакции газеты «Дагенс Нюхетер». В те дни весь мир уже знал и ждал, что немцы вот-вот нападут на Советский Союз. Я сидел у приемника, ловил разные станции. Нашел Германию и услышал: началось! У нас в Стокгольме было 2 часа ночи. Через короткое время все радио-

станции мира сообщили о вторжении германской армии. Москва молчит. В утренних известиях ни одного слова о войне, а идет урок гимнастики под музыку: «Нам не страшен серый волк».

Сбитый самолет оказался нашим. За целый день комиссар не произнес ни слова. Задумавшись, я не заметил, как остановилась наша машина. Мне показалось, что комиссар с кем-то разговаривает. Вот он выходит из кустов и говорит мне: «Вы остаетесь здесь!»

Не успел я перенести свой багаж на обочину, как «эмка» развернулась и поехала обратно. Я не знал, где нахожусь. Кругом никого. Стало ясно, что армейский комиссар высадил меня, и высадил, конечно, потому, что я не побежал с ним в кювет во время второго налета немецких самолетов. Ему было досадно, что какой-то штатский кинохроникер оказался свидетелем его страха.

Вечереет. На западе кроваво-красная заря. Как отдаленный гром слышатся глухие артиллерийские раскаты. Надо куда-то идти, надо искать какую-то часть, надо снимать войну. Взваливаю на себя свое имущество, опутываюсь ремнями: аппарат, кассетник, в одну руку железный ящик с пленкой, в другую чемодан с принадлежностями и личными вещами, всего около восьмидесяти килограммов. Нагрузившись всем этим, пробираюсь сквозь мелкий кустарник — туда, где гремит артиллерия.

Иду и вот наконец в темноте слышу:

— Стой, кто идет? — щелкает затвор винтовки.

Объясняю, кто я и как сюда попал. Меня ведут мимо вагонов в здание какой-то маленькой станции. Устраиваюсь в углу. Странно, что меня никто ни о чем не спрашивает. Вижу, тут не до меня. По телефону кричат о каких-то огурцах: догадываюсь, что это мины, и тут же засыпаю. Вот так комиссар, думаю я в полусне, выбросил на дороге! Не раз мне потом приходилось видеть, как внешне мужественные, уверенные в себе люди любой ценой пытались избавиться от свидетелей своей трусости.

В своей книге «Но пассаран» Р. Кармен вспоминает, как тот же самый комиссар грозил его расстрелять.

Первой моей задачей было — переодеться, Утром

нахожу около станции склад с остатками обмундирования. Там никого нет, все брошено. Сапоги тесны, гимнастерка коротка, но выбора нет. Свою одежду пришлось тут же выбросить. Одеваясь, я слышал, как и станцию, и «огурцы» разбомбили немецкие самолеты.

Вид у меня был, как говорится, еще тот, но разве до вида мне было. Кармен смеялся, сам-то он переоделся где-то в тылу.

Случайно слышу разговор двух танкистов: «Сегодня ранен полковник Хетагуров, увезли в тыл». Уж не муж ли он Валентины Хетагуровой, героини моего дальневосточного фильма? Через много лет мне попалась книга воспоминаний генерала армии Георгия Ивановича Хетагурова «Исполнение долга», где он описывает отступление наших войск из-под Двинска:

«...По всем дорогам и тропам на восток устремились сотни тысяч беженцев. Они изнывали от жары и усталости, но кулаки-хуторяне не подпускали их к своим колодцам. Из лесных засад на беженцев нападали диверсионные националистические банды и вражеские парашютисты. Сверху бомбила и обстреливала из пулеметов фашистская авиация...»*

Около станции, где я провел ночь, в лесу разыскал командира 21-го механизированного корпуса генерала Д. Д. Лелюшенко. В комбинезоне танкиста он лежал на траве и с кем-то разговаривал. На мою просьбу о машине генерал улыбнулся и сказал:

— Война будет длинная, успеете еще много снять.

Сказано это было таким уверенным тоном, что у меня стало как-то легче на душе. Я уж думал: все пропало. Машину я не получил, всем было не до киносъемок.

Не зная обстановки, все-таки к вечеру, на попутных машинах, я добрался до Резекне, тихого латвийского городка с пыльными садиками около домов, и устроился на ночлег.

Ночью понял: идет срочное отступление, очень жалел, что не умею водить машину, но все-таки как-то выбрался.

---

* Хетагуров Г. И. Исполнение долга. М., 1977. С. 55.

Теперь никак не могу вспомнить, на чем я добрался на первую свою съемку. В ложбине, заросшей кустами, шла стрельба из легких орудий почти в упор. Снимаю артиллеристов. Землистые лица, не бриты с самого начала войны. День жаркий. Рядом поле. За полем горит деревня. Баба в белой кофте и платке что-то торопливо копает, не обращая внимания на треск залпов, на разрывы снарядов, на пожар...

Потом я узнал, что и с других фронтов операторы присылали на студию в Москву одинаковые съемки: бьет артиллерия, стреляют пулеметчики, а куда? Каков результат? Как показать это в киножурнале?

Опочка, маленький пыльный городок, с которым связаны пушкинские строчки: «...и путешествие в Опочку, и фортепьяно вечерком».

Ведут пленных. Человек двадцать. Все молоды, с расстегнутыми воротниками, рукава засучены. У одного солдата, я заметил, были такие красные губы, как будто он только что пил кровь.

Привал, все сели на лужайку, в тень. Пленные весело улыбались и вдруг что-то запели под губную гармошку. В стороне наш пожилой солдат иронически посматривал, как командиры угощают немцев папиросами, бегают за водой и как кинооператор все это старательно снимает. Кто-то спросил у переводчика, что они поют. Песенка называлась «Аленький цветочек». Старый солдат усмехнулся:

— Они поют, что это, мол, еще цветочки, а ягодки-то будут впереди.

Старик оказался прав. Нам казалось тогда, что это обманутые парни, такие же рабочие и крестьяне, что война эта — какое-то недоразумение. И только осенью, когда застопорилась немецкая военная машина, гитлеровцы показали и «ягодки». Они начали зверствовать, морить голодом пленных, расстреливать мирных жителей. Вот тогда-то и захватил всех лозунг: «Смерть немецким захватчикам!»

Не помню, как я добрался до Великих Лук, чтобы отправить снятую пленку в Москву. На окраине города около школы задерживают всех проходящих: формируется часть. Предъявляю командировку ГлавПУРККА, объясняю, что я кинооператор.

— Кинооператоров тоже будут бить! Сейчас не кино снимать, а драться надо. И так уж много насни-

мали да напоказывали! Что ты будешь сейчас снимать — драп?

Мне приказали встать в строй и вручили карабин.

Всю ночь стою на посту у школы. Моя аппаратура и пленка сиротливой кучкой лежат рядом, у стены. Вот положение. Видя все, что происходило вокруг, я и сам начал сомневаться, нужны ли сейчас наши съемки. Не проходило чувство неловкости перед теми, кто воюет с оружием в руках — «напоказывали»! А ведь верно. Стоит только вспомнить фильм «Если завтра война». И мне надоело беспомощно болтаться среди отступающих войск, без машины, с тяжелым аппаратом, без связи с какой-либо частью, путаться под ногами вроде Пьера Безухова на Бородинском сражении. Вдруг вижу Кармена в машине, на другой стороне улицы. Догоняю машину на перекрестке и узнаю, что нам всем приказано прибыть в Новгород в политуправление Северо-Западного фронта, где будет создана киногруппа.

Кармен успел много снять, в тот же день он и Ешурин улетели в Москву, а мы с Борей Шером, теперь уже на своей машине, присоединились к обозу частей, отступающих из-под Великих Лук.

В Торопце нас нашел прилетевший из Москвы Кармен, и на машине мы направились в Новгород.

Страшно усталые, ночуем в какой-то деревне. В доме полно солдат. Уснули в тесноте. Ночью слышу: «Чик-чик», и опять: «Чик-чик». Открываю глаза. В углу горит свечка. Кармен печатает на машинке. «Молодец,— думаю я, засыпая,— и откуда у него столько энергии!»

Утром первая мысль: неужели идет война? Трудно было свыкнуться с этой мыслью. Может быть, потому, что я верил газетам и со многими спорил, утверждая, что войны не будет.

Кармен говорит:

— Что бы ни случилось, давайте поклянемся, что бриться будем каждый день!

По дороге в Новгород он рассказывал об Испании.

Когда стало известно о гражданской войне в Испании, Кармен снимал автопробег через пустыню Каракум. Сразу же по возвращении в Москву, проделав тридцать тысяч километров по пескам и бездорожью, неутомимый кинооператор в первую же ночь написал

Сталину, что он хотел бы снять кинохронику событий в Испании.

Через месяц Р. Кармен и Б. Макасеев вылетели в Париж, где Илья Эренбург дал им много нужных советов. Затем поездом добрались до границы с Испанией и немедленно приступили к съемке. Испанские пограничники, увидев красные советские паспорта, закричали: «Вива Русиа Советика!» — и принялись обнимать советских кинохроникеров.

В те же дни на страницах «Известий» появились интересные корреспонденции Р. Кармена.

Такое счастливое сочетание имени, фамилии — Роман Кармен, Испания. «Известия» сразу создали ему громкое имя. Обычно же надписи в киножурналах, где указаны фамилии кинохроникеров, не запоминаются. Среди операторов есть мастера, много и хорошо снимающие, но имена их знают только на студии документальных фильмов.

Июльский вечер. За окраиной леса глухой гул артиллерии. Закат тревожно-красный. Наконец мы нашли командный пункт. Часовой читает наши командировочные удостоверения.

— Товарищ Кармен может пройти.

Кармен исчез в кустах, мы остались у шлагбаума.

— Вы знаете Кармена?

— Да, знаю.

«Вот это и есть слава»,— подумал я.

Он купил в Париже двухместную машину «Форд». Я спросил, как ему это удалось, и он рассказал, как экономил деньги, иногда питаясь одними булками. Пожалуй, многим владельцам машин знаком такой энтузиазм.

Наблюдая за всем, что вокруг происходило, я убедился, что кинохроникерам на войне приходилось труднее, чем газетчикам, многие из журналистов получали сведения из штабных донесений и оживляли их деталями из рассказов раненых и тех, кто уцелел. Мы же должны были лбами упираться в то, что снимали.

Первые месяцы войны были самыми трудными и для нас, кинохроникеров. Страна знала из газет и по радио, что наши войска отступают, изматывая противника контратаками. Как это снять и показать, когда обстановка на фронте менялась каждый день, армии отступали. Только позднее, когда мы будем наступать,

освобождать свою территорию, на экранах в изобилии появятся и пленные, и разбитая немецкая военная техника.

Деревня около Демьянска. Жаркий день. В небе ни облачка, в деревне пусто, никого нет. Кругом валяются остатки разгромленного немецкого штаба, машины, мотоциклы, огромные плетеные корзины из-под снарядов (их, видимо, везли под Ленинград), кучи бумаг, документы, деньги. Запах гари и разлагающихся трупов. Тут же три свежие могилы с березовыми крестами и надписями готическим шрифтом. И такая тишина, как будто и нет никакой войны.

Внизу, у моста, наши солдаты — саперы. Торопливо снимаю, перезаряжаю «Аймо» и снова снимаю, понимая ценность каждого кадра и помня, что дорога каждая минута.

Невдалеке стоит грузовая машина, на которой я должен уехать. Слышу, как заработал мотор. Саперы кричат мне:

— Ты что, такой-сякой, у немцев хочешь остаться?

Машина тронулась. Трудно теперь даже представить, как я бежал за машиной — вероятно, с такой же скоростью, как когда-то от тигра на Дальнем Востоке. Бежал, прижимая к груди аппарат с кассетами, пока меня солдаты не втащили через борт. Увидав немецких мотоциклистов, мы прижались ко дну кузова и бились там, пока машина газовала по перепаханному полю. Деревня снова оказалась у немцев, а то, что я снял, было использовано в киножурналах.

Новгород оставлен. Фронт стабилизировался. С кинооператором Иваном Сокольниковым снимаем бои в болотах около Ленинградского шоссе. Эти съемки войдут в один из киножурналов 1941 года.

Однажды мы двигались на полуторке по пустынному Ленинградскому шоссе, где-то около Мсты. Я сидел в кабине с шофером. В открытом кузове сидели операторы И. Сокольников и Н. Салютин. Они обязаны были следить за «воздухом». Тогда немецкие самолеты охотились за каждой отдельной машиной. Через заднее стекло я вижу, как мои коллеги играют в карты и за «воздухом» не следят. Останавливаемся, крепко ругаемся с ними и едем дальше. На шоссе мы одни. Проезжаем мимо какой-то сгоревшей деревни. Приятели мои снова играют в карты. Вдруг я вижу:

рядом в канаве ползет солдат, хватаю за руку шофера, кричу: «Стой!» Резко скрипят тормоза. И тут же впереди, в десяти метрах от нас, возникает огромный красный костер рвущейся фугасной бомбы.

— Классически! — сказал, глядя на меня, побледневший шофер. Не заметь я того ползущего солдата, не было бы ни этих рассказов, ни Сокольникова, ни Салютина и всех моих последующих приключений.

Наступила ночь. Кинооператоры нашего фронта объединились парами, и каждая пара получила машину и шофера. Обыкновенная полуторка стала нашим домом на колесах. Добротный кузов внутри был похож на двухместное купе. Там была железная печка, спальные места, хранилась наша аппаратура, пленка, продукты и горючее. Шофер был нашим завхозом и поваром.

Киногруппы были созданы при политуправлении всех фронтов, но подчинялись они непосредственно председателю Кинокомитета И. Г. Большакову.

Мы объединились с Евгением Ефимовым.

Мой напарник был очень аккуратным человеком и хорошим товарищем. Но сначала меня немного обижала его манера обращаться ко мне: «Послушай, дорогой», или «передай мне, дорогой». Сказать об этом прямо я считал как-то неудобным и придумал другое. Выждав очередное «послушай, дорогой», я немедленно ответил: «что, любезнейший?» Это повторилось несколько раз, после чего он перестал называть меня «дорогой». Представляя кому-либо Ефимова, я иногда полушутя представлял его, как оператора, снимавшего фильм «Если завтра война». Он действительно участвовал в съемках этого шапкозакидательского фильма, упоминание о котором тогда вызывало невеселый смех.

Самой удачной нашей совместной работой была съемка операции по освобождению города Тихвина в декабре 1941 года.

Захватив Тихвин, немцы полностью окружили Ленинград. Но части, скомплектованные из сибиряков под командованием генерала Мерецкова, не знавшие, что такое бомбежка и отступление, решительным ударом разгромили дивизии генерала Шмидта и освободили Тихвин. Под снегом остались семь тысяч немецких солдат и офицеров. В Тихвинском монастыре мы снимали большой склад вражеского оружия. Тогда

впервые прозвучали с экрана слова: «Начальник трофейного отдела Васильев». Это радовало нас и зрителей. В Тихвине жил когда-то композитор Римский-Корсаков. Мы сняли и его разграбленный дом. На полу музея валялись ноты, книги, архивные документы. В захваченных штабных немецких машинах было найдено много женских туфель, чулок, одежды. Колхозник Краснов показал нам свой самовар, найденный там же.

День на севере короткий. Снимать можно лишь с 11 часов, а к двум уже темнеет. Вдруг мы увидели двух солдат с киноаппаратами. Кто такие? Ведь из нашей фронтовой группы сюда были посланы только мы с Ефимовым. Это оказались наши коллеги из Ленинграда Георгий Симонов и Наум Голод. Быстро нашли избушку, затопили печь, растопили снег для чая. Мы впервые узнали, что происходит в Ленинграде. У нас с Ефимовым был свой «НЗ» — несколько банок консервов. Все было отдано ленинградцам, ведь они возвращались к себе в осажденный, голодающий город.

На материалах наших с Ефимовым съемок был выпущен «Союзкиножурнал» № 3 (1942 г.), весь посвященный освобождению Тихвина.

Поздней ночью возвращаемся на нашу фронтовую базу. Остановка, контрольно-пропускной пункт. Сквозь дремоту слышу:

— Кинооператоры? А Лыткина нет, случайно, с вами?

— Есть.

Вылезаю из машины. Слышу знакомый голос. Мне в лицо светят фонариком. Офицер в полушубке кричит: «Коля!» Передо мной стоял и смеялся друг моей юности Анатолий Жарков. Мы не виделись более десяти лет.

Подъехали к домику. Мгновенно был устроен ужин. Нашлась водка, и начались воспоминания. Это Анатолий провожал меня, уезжавшего из Вологды в Москву. Жизнь раскидала нас в разные стороны. Он стал инженером-железнодорожником, работал в Пскове, а я странствовал с киноаппаратом по Дальнему Востоку, и вот встретились ночью, на фронтовой дороге.

Мы говорили до утра, как будто чувствовали, что это наша последняя встреча. Вспоминали юность.

Через наше село проходила железная дорога на Архангельск. Пассажирские поезда останавливались на одну минуту. Моими друзьями были дети железнодорожников и первый из них Толя Жарков. Он тоже ходил учиться в Вологду. Мать Толи, вдова, была сторожихой на переезде, воспитывала кучу детей. Много зимних вечеров провели мы с Толей в ее маленькой будке у раскаленной печурки. На улице метель, толпы бродили с гармошкой, орали озорные частушки. Почти в каждом доме щелкали коклюшки, девуши плели кружева. Мы выпускали стенную газету. Драмкружком руководил скромный и уже не молодой человек Барклай де Толли, оказавшийся в наших краях, вероятно, из-за своей громкой фамилии. Обладая хорошей дикцией, он обычно играл генералов, дворян, белых офицеров. Порода в нем чувствовалась. Всегда принимали участие в спектаклях Толя Жарков и моя двоюродная сестра Агния Алексеевна. Потом они поженились.

На прощание он подарил мне свою фотографию с такой надписью: «Коля — тебе, вспомни вечер встречи 21.12.41 20 часов. Вот это здорово — после десяти лет — это смешно — это смешно — Толька».

Он погиб на войне. Вспоминая его, я всегда говорю себе: это был мой единственный настоящий друг, а наша последняя встреча — подарок судьбы.

В одном стихотворении поэт Матусовский очень верно описал Северо-Западный фронт. На сотни километров тянулись леса, болота, бездорожье и грязь. Окопы были полны воды. Непрерывно шли тяжелые, кровопролитные бои. Немцам так и не удалось прорвать фронт, чтобы еще раз окружить Ленинград, соединиться с финнами и с севера выйти на Москву.

Отдельные участки фронта держали партизаны, а в тылу у немцев был большой район, где сохранялась Советская власть, колхозы, где все взрослое население вело партизанскую войну.

Старший батальонный комиссар Николай Гаврилович Алексеев объяснил нам с Ефимовым, как попасть в отряд товарища «И» (так его называли в сводках Совинформбюро). Нам сказали, что его фамилия Иванов, а зовут Иван Иванович, что он и Н. Г. Алексеев старые друзья и связь они поддерживают по радио.

Через несколько дней мы оказались у партизан. Ночь, греемся у огромного костра в лесу. Нас угощают самогонкой. Е. Ефимов рассказывает, как я снимал ловлю живых тигров на Дальнем Востоке.

— А вы снимите, как мы ловим живых немцев,— говорит Ларион Кузьмич Васильев.

Группа получила задание — «взять языка». Третий день мы бродим с нашими аппаратами в лесу по глубокому снегу. С нами Ларион Васильев. Вот он нашел в снегу немецкую пилотку. Вдруг затрещали сучья, посыпался снег, и к нам на поляну партизаны выталкивают каких-то странных субъектов. Снимаем. Увидев нас, «субъекты» бросают автоматы и поднимают руки. Это было бы похоже на комедию, если бы не суровые лица партизан. Закутанная в одеяло фигура оказалась ефрейтором Вальтером Мухаэром, а другая с полотенцем на голове — старшим стрелком Вилли Клейном.

Ларион Васильев закричал товарищам:

— Что же вы, черти, их не обезоружили?

— Мы патроны-то у них забрали, а автоматы оставили, чтобы все было правильно для киносъемки!

Снимаем допрос пленных, снимаем, как важные сведения были тут же переданы в разведотдел армии радистом Петром Мефодиевичем Вифантюком.

Сняли перевязку раненых, военные занятия, политбеседу. Пленка кончилась, надо возвращаться, чтобы скорее отправить материал в Москву.

Обратно движемся на мирных лошадках, закутанные в тулупы. Скрипят полозья, медленно плывут заснеженные верхушки деревьев, и в этой тишине опять кажется, что в мире нет никакой войны. За нами везут пленных с обмороженными ушами.

На следующий день снимаем, как на те же подводы партизаны укладывают и маскируют боеприпасы. Обоз возвращается в большой освобожденный район, а снятые нами кадры появятся в «Союзкиножурнале № 23» (март 1942 год), на страницах газеты «Известия» и останутся в кинолетописи Великой Отечественной войны.

...Хочется рассказать о необычных встречах на фронтовых дорогах.

Проезжая какую-то занесенную снегом деревушку, мы удивленно смотрели на гуляющих по улице пре-

красно одетых людей. В добротных пальто с бобровыми воротниками, в шляпах-«котелках», хорошо выбритые, похожие на иностранцев, они шагали поодиночке, о чем-то думая, не обращая внимания на нашу машину. Мы сразу догадались, что где-то рядом есть аэродром, а этих людей по ночам забрасывают в глубокий тыл противника. Мы видели людей, о делах которых через много лет будут читать увлекательные романы и смотреть фильмы! Это были наши разведчики.

Встречи, встречи... Метельная ночь, наша машина застряла. Нашли домик, там один товарищ уже расположился на ночлег. Он был без знаков различия, однако по тому, как он держал себя, мы поняли, что это кто-то из большого начальства.

За чаем узнаем, что он новый член Военного Совета фронта. Узнав о наших занятиях, он сказал, что киносъемки будут особенно ценны для потомков. Очень интересно и образно, с большим юмором, не скрывая имен, он рассказывал о встречах с нашими деятелями искусства во время освободительного похода по Западной Украине и Белоруссии.

Наш собеседник рассказал, как он недавно предложил Сталину, чтобы вручение орденов героям производить на фронте, перед строем, как это было в старой русской армии, когда генерал, обращаясь к солдатам, говорил:

— Братцы! Почему я знаю Парамонова? Потому что это храбрый воин,— и тут же вручал солдату награду.

Нашим соседом по ночлегу оказался Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, будущий командующий всем партизанским движением.

Однажды под вечер Е. Ефимов и я вышли из домика, где нас принимал начальник политуправления фронта т. Тевченко. Через деревню шла колонна фронтового пополнения. Они шли в белых маскхалатах. Мы остановились, и вдруг... Как запоминается это «вдруг» на войне. Вдруг из строя выбегает солдат и кричит мне: «Коля!» Я узнаю старого приятеля по институту Натана Битмана. Сопровождавший строй офицер строго приказывает ему возвратиться на место, но я успеваю спросить Битмана номер его полевой почты.

Колонна уходит. Мы возвращаемся к начальнику политуправления и просим использовать по специальности нашего товарища.

Через три дня Битман явился к нам в качестве фотокорреспондента армейской газеты. Мы приняли его, устроили в машине-купе.

Весна. Наступила такая распутица, что мы сидим уже несколько дней без хлеба. Наконец добираемся до ПАХа — полевого автохлебозавода. Хлеба не дают. Битман ведет переговоры с комиссаром. На столе лежали свежие газеты, мне в глаза бросилось постановление о присуждении Сталинских премий. Среди фильмов назван и фильм «День нового мира». Меня охватило волнение: ведь и я тоже снимал этот фильм. Вдруг с изумлением вижу свою фамилию. Для меня это было абсолютной неожиданностью. С бьющимся сердцем передаю газету Битману.

— А вы знаете, кто среди нас? — закричал Битман.

Пришлось мне потом не раз бывать на разных обедах и приемах в посольствах, но ничто не могло сравниться с тем, как угостил нас комиссар в землянке полевого хлебозавода. Два солдата играли на балалайках.

Пришло лето 1942 года. Мы расстаемся с Ефимовым. Он уезжает снимать в район, где формировались польские национальные воинские части, а я решил пробираться к партизанам.

Последние дни мы ночевали в одном домике с летчиками. По делам съемок я уехал в другую часть. Возвращаюсь через сутки и вижу, что дом, где оставался мой напарник, сильно осел на один угол, стекол в окнах нет, а рядом глубокая воронка от взрыва фугасной бомбы. Из соседнего дома вышел Евгений Иванович и рассказал, что произошло. Вчера после моего отъезда он и летчики целый вечер вспоминали о начале войны. Ефимов рассказывал, как он снимал первую бомбежку одного нашего аэродрома.

— Вот вижу, появились немецкие самолеты, и я начинаю снимать. Вот они разворачиваются, перестраиваются и начинают по очереди пикировать. Вот впервые слышу, как воет падающая бомба...

Рассказчик остановился, все замерли. В тишине слышат, как действительно воет падающая бомба.

Раздался страшный треск, звон стекол, и дом поехал в сторону.

Итак, мне предстоит снимать у партизан. Теперь-то уж я сделаю авторский фильм, сам буду монтировать и озвучивать. Побывав в Москве, на студии, я привел в порядок съемочный аппарат и запасся пленкой. С командованием фронта договорился о месте съемки и маршрута. Состоялась напутственная беседа с членом Военного Совета Л. З. Мехлисом.

Но вот перед самым отъездом к партизанам была получена телеграмма от председателя Кинокомитета И. Г. Большакова, в которой мне приказано выехать в Москву. Возвращаюсь к Л. З. Мехлису, он говорит:

— Я понимаю, вас перебрасывают под Сталинград: от нас туда уже забрали многих журналистов. Желаю успеха!

На следующий день вечером я был в Москве. Позвонив на студию, я услышал от заместителя директора Михаила Бессмертного:

— Ты приехал? В Москве? Завтра с утра будь на студии, а вечером выедешь в Архангельск, а там в Англию.

Вот это сюрприз!

ИЗ ОКОПОВ В ЛОНДОН

В Архангельске нет бомбежек.

Мы сидим за столиком с белоснежной накрахмаленной скатертью. В ресторане тихо. За столиком со мной еще три кинооператора, так же внезапно откомандированные с фронта.

Владислав Микоша, мой однокурсник по ВГИКу, в Севастополе снимал кинохронику до последнего дня обороны города.

Его вывезли на подводной лодке. Едва оправился после контузии.

Старшим из нас был Василий Васильевич Соловьев, кинооператор высшей квалификации. Внешне он похож на старого интеллигента. Четвертым — Рувим Халушаков.

В июне 1942 года было опубликовано совместное коммюнике о встрече в США В. М. Молотова с Рузвельтом и Черчиллем. Там говорилось, что при пере-

говорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году.

Нам предстояло отправиться в Англию с караваном кораблей. По пути мы должны были снять героический труд моряков.

Мы и те, кто нас посылал, конечно, верили, что будем снимать и высадку союзных войск, и боевые эпизоды, и уже по суше, через освобожденные страны, доберемся до своих армий. Мы очень гордились, что это дело было поручено именно нам.

Итак, я в Архангельске. Двина заполнена кораблями, нашими и иностранными.

В теплом, уютном ресторане вкусно пахло кофе и ароматным трубочным табаком. Мы почувствовали себя в уже забытом, довоенном мире. На завтрак подали белый хлеб, масло и толстую, вкусную семгу.

— А нельзя ли все повторить?

— Пожалуйста.

Проглотив по три завтрака, мы пошли представляться морскому начальству.

В коридорах гостиницы, на многих дверях я заметил наклеенные листы с названиями иностранных кораблей. Запомнился: «Эмпайр Байрон». Нам объяснили, что там живут моряки, которым удалось спастись с потопленных кораблей. Они ждут очередного каравана, чтобы возвратиться домой.

Очередной караван недавно ушел, надо ждать следующего. Получили мореходные книжки. Были заказаны форменные костюмы, мы стали дублерами старших помощников капитана и старших механиков.

У самой набережной стоял иностранный корабль, оба борта которого были пробиты торпедой. Сквозь огромную дыру был виден другой берег Двины.

Конечно, в тот момент, когда я узнал о том, что еду в Англию, сердце мое радостно екнуло, ну а теперь, когда увидел я, на чем ехать да через что ехать, отнесся к этому, как и мои товарищи, с полнейшим равнодушием. Война везде война. Осталось уповать на то, что чему быть, того не миновать.

Вечером спустились в ресторан. Там полно английских морских офицеров и летчиков. Играл оркестр. Столы трещали от яств. Мы подсели к столику фронтовых журналистов, это были Лев Кассиль, Юрий

Герман и Владимир Беляев. За соседним столиком у моряка на плече сидел черный кот с красным бантом.

В группе англичан выделялся веселый бородатый пастор. От матросов он отличался только белым круглым воротничком. Было заметно, что насчет выпить и закусить пастор не уступал своим спутникам.

В тот вечер всех обрадовало известие о том, что подводник, капитан «Щуки» Николай Лунин, проникнув через охранение, торпедировал в упор немецкий линкор «Тирпиц». Линкор ушел на ремонт в Норвегию. Это значило, что с нашего пути убран главный бандит, безнаказанно топивший торговые пароходы.

Кто-то сказал Кассилю, что я знаю наизусть всего Маяковского. Кассиль стал меня проверять. Об этом мы вспомнили с ним лет через двадцать на кинофестивале в Венеции.

Юрий Герман пригласил к себе в номер послушать его новую пьесу. Содержания пьесы теперь не помню. Был яростный спор о том, что в пьесе должен быть острый сюжет. Герман доказывал, что у Чехова в пьесах нет острого сюжета, и нашей критикой остался недоволен.

Однажды ночью мы были разбужены сигналами тревоги — бомбили немецкие самолеты. С крыши гостиницы было видно много пожаров, немцы сыпали «зажигалки». Горели дома и большие склады досок и бревен. Сбрасывать «зажигалки» с крыши гостиницы нам помогали милые девушки, переводчицы «Интуриста». Утром нам объявили благодарность за спасение гостиницы и даже предложили переселиться в более удобные номера, но мы остались вчетвером, в той же большой, холодной, но уже обжитой нами комнате почти на чердаке.

Архангельск впервые испытал вражеский налет. Английские моряки помогали бороться с пожарами, спасали детей, выносили имущество.

Быстро промчались дни нашей благополучной жизни в Архангельске. Ранним утром мы движемся на катере, развозящем пассажиров по пароходам. Спрашиваю наших знакомых переводчиц:

— А какой ваш корабль?

— «Кузнец Лесов».

— Проситесь, чтобы с нами, у нас теплоход — не дымит, чисто!

Но девушкам сказали, что списки пассажиров менять уже нельзя. Катер остановился у ржавого борта огромного парохода «Кузнец Лесов». Его пассажиры поднялись по трапу, нас повезли дальше. Василий Соловьев и я взобрались на теплоход «Комилес», а наших товарищей повезли на пароход «Тбилиси». Это было 17 ноября 1942 года.

Утром я слышу, как глухо бьется сердце корабля, чуть дрожат стены каюты, где-то что-то позвякивает. Выйдя на палубу, увидел покрытые снегом берега. Мы двигались по следу, оставленному идущими впереди кораблями. Шел снег, все было белым. У бортов шуршит чуть замерзающая вода, покрытая снегом. Кругом сплошная белизна. Белое море.

В Баренцевом море начался двенадцатибалльный шторм. Корабли разбросало. По радио связываться с ними нельзя — могут засечь немецкие подводные лодки. Круглые сутки ночь. Однажды раздался пушечный удар в борт, судно затрясло. «Вот и все»,— подумал я. Через открытую дверь каюты вижу, что «дед» — старший механик — продолжает спокойно бриться. По его словам, на палубу упало более пятисот тонн воды.

Наконец земля! Исландия, порт Аккурели. Узкая бухта с крутыми берегами напомнила картину «Дарьяльское ущелье», только внизу вместо бурлящего Терека — тихие синие воды фьорда. Цветные освещенные домики лепились на крутых зеленых берегах. Много овец. Здесь нет войны.

Наш «Комилес» оказался в тесной армаде пароходов. «Тбилиси» пришел раньше. Итак, первый этап пройден. Здесь узнали о наших потерях. Торпедирован «Кузнец Лесов». Последняя радиограмма с тонущего корабля: «Высаживаемся на шлюпки». В таком шторме шлюпка была скорлупкой ореха в кипящем котле темной ледяной воды. Несчастные девушки!

Сигнальщики перемаргиваются световыми фонарями. Спрашиваем нашего:

— А можно вызвать «Тбилиси»?

— Кого там?

— Кинооператоров.

Матрос щелкает заслонкой фонаря.

— Кинооператоры вызваны, что им передать?

— Передайте — Пра-Прапрасна-Бидияюда!

— Что?

Я повторяю по слогам:

— Пра пра-пра-сна Би-ди-я-юда!

С борта «Тбилиси» мы получили ответ:

— Шокрю Сараджоглу!

Сигнальщик проникся к нам особым уважением — шифр! Те, кто следил за переговорами советских кораблей, вероятно, тоже ломали голову, и, конечно, не смогли разгадать смысла наших слов. А все было очень просто. Это значило, что все в порядке, все нормально и настроение у нас отличное. Еще в Архангельске мне и Халушакову навязались на язык имена каких-то восточных дипломатов, мы повторяли их кстати и некстати. Если Халушаков удачно забивал бильярдный шар, он кричал с особой дикцией: «Сэр Арчибальд Кларк Кэрр!»

Через трое суток без приключений мы пришли в бухту «Лох-ю».— Северная Шотландия. Никаких признаков жилья, только холмы, покрытые снегом, и низкое серое небо. Здесь караваны кораблей или то, что от них остается, расформировываются, далее пароходы следуют каждый своим путем. Наш «Комилес» идет в порт Гулль. Идем рядом с берегом. Из воды торчат мачты потопленных кораблей, похожие на кладбищенские кресты.

И вот я впервые ступил на английскую землю.

Кругом следы бомбежки: разбитые дома, воронки. Холодный ветер треплет висящие перед мелкими лавками костюмы и рубашки. Это реклама для моряков. Мы решили купить блокноты. Я занимался английским еще в институте, мог читать, но разговаривать с англичанами стеснялся. Наш попутчик, моряк, ведет оживленную беседу с продавцами. Я с удивлением слышу, как он часто и отчетливо повторяет «Сенька, бери мяч». У англичан серьезные лица, его прекрасно понимали. Выяснилось, что наш спутник знал всего лишь несколько английских слов. Он ловко пользовался теми русскими словами, которые звучали так, что англичане понимали их по-своему. Так, например, вместо стандартной английской благодарности «Сэнькью вэри мач» наш моряк бодро твердил: «Сенька бери мяч». Мы узнали потом, что подобный способ объясняться известен морякам и других стран. Англичане и американцы, например, чтобы выразить свои

чувства русским девушкам, говорят: «желтый, синий автобус», а звучит это так: «ялоу блю бас».

На теплоходе нас ждал представитель Морфлота СССР т. Дрягалов, с которым в тот же вечер мы отбыли в Лондон. Было теплое прощание с моряками, с капитаном Любченко, с «Комилесом». Дальнейшую судьбу этого корабля я не знаю. Пароход «Тбилиси», на котором плыли наши товарищи, был потоплен немцами через два года,— в ночь под Новый, 1945 год.

Лондон. Как непохоже было мое представление о нем! Вместо мрачного, дымного и туманного, я увидел Лондон иным: веселый от цветных реклам, освещенный необычным для декабря теплым солнцем, огромный и тихий город с удивительными зелеными парками. Чуть пахнет дымом от угля, которым топят камины. На раскрашенных машинах огромные резиновые мешки — там газ, с бензином трудно — война.

Наше посольство находится в аристократическом районе на улице Кенсингтон Гарден. Смотрим, как рабочие разбивают тяжелыми молотками фигурную решетку сада — нужен металл, война. С обеих сторон эта короткая улица закрывается большими чугунными воротами. Сквозной проезд для автомашин запрещен. У каждых ворот стоят привратники в цилиндрах и раззолоченных ливреях.

В те годы в Лондоне было еще одно советское посольство — при правительствах, находящихся в изгнании (Франция, Польша, Чехословакия, Норвегия и др.). Это посольство возглавлял А. И. Богомолов. Здороваясь с нами, он отрекомендовался:

— Философ, дипломат и фотолюбитель.

С удивлением узнаем от него, что в Лондоне существует еще и консульство бывшей Российской империи.

Нашими гидами стали Герберт Маршалл и его жена, скульптор Фрида Брильянт.

В начале тридцатых годов во ВГИКе появился человек большого роста, в красной рубахе, с копной рыжих волос — заметная фигура. Это был англичанин Герберт Маршалл. Его, уже снявшего у себя на родине документальный фильм о бедных горняках, приняли на режиссерский факультет. Он жил с нами в общежитии, постоянно улыбался и, казалось, был всем дово-

лен. Теперь он работал над дубляжем советских фильмов, которые шли в Англии с большим успехом, только что закончил дублировать «Валерия Чкалова». Кроме того, Маршалл перевел несколько поэм и стихов Маяковского. Встреча наша была радостной. Когда мы ехали мимо концертного зала «Альбертхолл», Маршалл сказал, что тут он читал перевод поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Строчки, где говорилось о смерти Ленина, вызвали у многих слушателей слезы. Свою книгу Маршалл подарил мне с лестной надписью: «Коле Лыткину — первому, указавшему мне на Маяковского».

В Гайд-Парке нас поразила изумрудная зелень травы, а ведь был декабрь. Маршалл рассказал известный у них анекдот. Американец спрашивает лондонца, как они ухаживают за травой. «Мы делаем то-то и то-то».— «Да и мы делаем то же самое».— «Но мы это делаем уже триста лет».

...Вечер, лежим на полу, на мягком красном ковре. Свет не включен, только огонь камина освещает наши лица. Кто-то поставил пластинку Вертинского «Молись, кунак». Все молчат.

Василий Васильевич глядит на свой стакан и, как бы про себя, тихо говорит:

— Эх, хорошо бы теперь оказаться в Лондоне и пить шотландское виски...

Мы уже привыкли к его шуткам. Недавно он стал усиленно заниматься английским языком по способу моряка с «Комилеса». Так, например, носовой платок он назвал «харканчих», и в магазинах его понимали. Он не расстается с разговорником и часто путает выученные фразы. Тянется с сигаретой и вместо «разрешите прикурить» бормочет по-английски: «Не беспокоит ли вас мой чемодан?»

У каждого из нас одна забота — что же нам теперь делать? В посольстве говорят: «Ждите».

Уговорили Руву, чтобы он попросил Петра Гавриловича Бригадного, управляющего Союзинторгкино, показать нам настоящих капиталистов. Это, может быть, звучит странно. Теперь к нам приезжают тысячи иностранных туристов, и среди них есть всякие, а тогда, до войны, из-за границы к нам приезжали чаще всего или рабочие делегации, или дружественные деятели культуры. Своих буржуев мы уже не застали,

нэпманы не в счет, а вот настоящих капиталистов представляли себе лишь теоретически и по карикатурам.

Через несколько дней едем в такси по ночному затемненному Лондону в известный ресторан «Венгрия», где заказан столик. Долго пролезаем через плотные занавески, пока не попадаем в ослепительный свет. Нас встретил маленький, бледный, бритый и словно чем-то испуганный старичок:

— Пожалуйста, господа, милости просим!

Ведут в зал. Садимся за круглый стол. Оказалось, встречавший нас человек до революции был хозяином «Европейской» гостиницы в Петрограде.

Огромный, похожий на Черчилля, метрдотель зажег на столе свечи, подал меню и солидно замер. Он так подавлял нас своей внушительной солидностью, что мы с нетерпением ждали, когда же, наконец, он уйдет. Подавал нам другой официант.

Все столики были заняты, везде горели свечи.

Недалеко от нас у стены сидит лощеный старик и скромная юная девица. Они молчат. Старик, вероятно, и есть капиталист. За другим столиком сидела целая семья, мы сразу догадались, что это русские. Папаша ничем не отличался от англичанина. Супруга его вертела головой, как сыч, следила за дочерью и двумя взрослыми сыновьями, сидевшими за столом почему-то в кубанских шапках.

На площадке около оркестра теснились танцующие. Нам принесли знаменитые «стэйки» с кровью. Один из нас, любитель потанцевать, порывался было пригласить соседнюю девушку. Петр Гаврилович сказал, что в этом ресторане не принято приглашать незнакомых дам. Хочешь танцевать — привози в ресторан партнершу и плати за нее. Правильная традиция.

Танцы кончились, оркестр ушел, остались три музыканта в национальных венгерских костюмах — скрипач, аккордеонист и гитарист. Они ходили между столиками, играя любимые мелодии для завсегдатаев. Около казацкой семьи мы услышали «Стеньку Разина». Вот видим, музыканты приближаются к нашему столику. Мы перестали дышать. Музыканты заиграли «Полюшко-поле». Никто из окружавших, кроме старухи-«сыча», на нас не посмотрел. Позднее мне при-

шлось убедиться, что вышколенные европейцы видят все, что им нужно.

Вся эта уютная обстановка, отличный ужин, тепло, тихая музыка и сытые лица, мягко освещенные свечами, казались чем-то невероятным во время войны, адские цеха которой ежеминутно вырабатывали новые тысячи убитых, умирающих от ран и истощения. И тут мне показалось, что занимаемся мы каким-то постыдным делом. Смотреть ни на кого уже не хотелось. Затея увидеть капиталиста показалась нам тоже нелепой. Стало скучно, и мы ушли.

На одной из киностудий мы наблюдали, как снимался фильм о советском инженере, не знавшем лондонских традиций и попадавшем в комические положения. В роли инженера снимался Лоуренс Оливье. Мы уже знали его по фильму «Леди Гамильтон». Увидев нас, он встал, закрыл глаз и очень похоже изобразил адмирала Нельсона. Жаль, что я не сохранил фотографию, где мы вместе снялись. Лоуренс Оливье был больше похож на русского, чем любой из нас в новых лондонских костюмах.

Побывали мы и в знаменитом музее восковых фигур «Мадам Тюссо». Фигуры поразительно «копируют» живых людей. На этом построено много розыгрышей. Посетители до тех пор обращаются к служителю, пока не убеждаются, что он восковой, удивительно похожий на того, что стоял при входе. Вот дремлет на скамье старушка, уронив программку на пол. Любезные англичане пытаются поднять старушкину программку, прибитую гвоздем к полу. Старушка восковая. Две одинаково одетые девушки наклонились над столом. Они читают книги. Обе замерли. Зрители пытаются угадать, которая из них настоящая, и все вздрагивают, когда одна из девушек перевертывает страницу. В музее воссоздано много сцен из истории Англии. Есть даже камеры пыток, отвратительные своим натурализмом. Под стеклом Жозефина, жена Наполеона. Полная иллюзия, что она спит.

Среди полководцев Сталин и Ворошилов, мало, впрочем, похожие.

Из окна представительства Союзинторгкино хорошо виден двор бывшего немецкого посольства. Туда выводят на прогулку пленных немецких летчиков. Самоуверенно вышагивают сбитые «асы». Там держали пленных, вероятно, для того, чтобы сохранить от бомбежки этот аристократический район.

Лондон сильно пострадал от налетов. Разрушенные дома никто не восстанавливал, хотя уже больше года прошло, как бомбежки прекратились. Наиболее пострадали доки, рабочие кварталы и район Сити, где сосредоточены банки и почти никто не живет. Мы видели дыру в куполе огромного собора Св. Павла и воронку от разрыва на полу внутри собора.

Некоторые газетные киоски были оборудованы как пулеметные гнезда — камуфляж на случай вторжения немцев.

Красные двухэтажные автобусы похожи на трудолюбивых слонов. Не привыкнув к левостороннему движению, мы обычно становились в очередь на автобус не с того конца. Подходил автобус, и вежливые англичане молча пропускали нас первыми. Наверху можно курить. Поднявшись по лестнице, мы проходили вперед и, как в панорамном кино, смотрели на лондонские улицы. Слышится ласковое: «Сэнькью». Это кондуктор, ловко снующий по обоим этажам, благодарит каждого купившего билет.

Любезность лондонцев известна. Если иностранец спросит прохожего, как ему пройти на такую-то улицу — ему не только скажут, покажут, но и проводят туда, куда нужно. Это не только любопытство.

Едем в метро. В вагоне тесновато. У самого выхода солдат целуется с девушкой. Остановка, влюбленные разомкнулись. Пропустив пассажиров, они бросаются друг другу в объятия вместе с движением закрывающихся дверей. На них никто не обращает внимания.

В Англии тогда существовала карточная система на продукты и товары. Однако на карточках не указывались названия вещей. Все товары продавались на определенное количество «единиц». Костюм, например, продавали по предъявлении пятидесяти «единиц», брюки — двадцати, рубашку — десяти.

Мы узнали, что проездом из Америки в Лондоне остановилась группа наших молодых героев войны,

среди них снайпер Людмила Павличенко. Мы были рады ее повидать, особенно Микоша, снимавший ее под Севастополем.

Созвонились, Людмила ждала нас в гостинице «Гайд-Парк отель».

Такси развернулось почти на месте. Мы сели в машину. Шофер вопросительно смотрит.

— Вези нас, папаша,— говорит Рувим Халушаков (он любит возглавлять группу),— в Гайд-Парк отель!

Таксист не понимает.

— Гайд-Парк отель! — громко, отчетливо и весело повторяет Рува.

Шофер смущен, он опять не понял.

— Хайд-Пак отелл, — произнес вдруг Василий Васильевич.

— О'кэй, о'кэй! — И мы поехали. Вот что значит произношение.

Нас встретила веселая чернобровая украинка. Никто и не подумал бы, что такая красавица — прославленный снайпер, Герой Советского Союза. Она много рассказывала о том, как хорошо американцы встречали наших героев. С юмором говорила, как один миллионер предлагал ей руку и сердце.

Некоторые сотрудники посольства трепетали при виде Людмилы Павличенко, потому что уже всем стало известно, как на днях она заметила своим снайперским глазом обидную ухмылку наших очень молодых, лощеных дипломатов и вдруг, обратясь к ним, спросила:

— Что, отсиживаетесь?

Через несколько дней молодые герои вылетели из Лондона, на большой высоте пересекли линию фронта и в ночь под Новый, 1943 год благополучно прибыли в Москву.

Однажды нас повезли осматривать Виндзорский замок. Между деревьями бегали странные фигурки во фраках и цилиндрах на головах. Я принял их за лилипутов. Маленькие человечки гонялись друг за другом, громко хохотали, визжали и валялись на изумрудно-зеленой траве. Оказалось, это школьники, воспитанники аристократического Итон-колледжа.

В ночь под Рождество мы были в старинной церкви — в Вестминстерском аббатстве. Там погребены известные всему миру люди. При слабом свете я с волнением прочел надпись на плите под ногами: «Исаак Ньютон». Хор мальчиков в белых накидках пел псалмы. Вдруг толпа зашевелилась. Нам шепнули, что пришла королевская семья. Из газет мы знали, что король недавно работал два часа за станком на одном заводе. Молоденькие принцессы развозили молоко по магазинам. Старшая теперь стала королевой.

Кончался 1942 год. Обещанный союзниками второй фронт не был открыт.

Как-то сидим в кино, смотрим новый фильм Диснея «Фантазия». Вдруг здание кинотеатра начинает содрогаться от близких разрывов. За стенами шум, стрельба зениток. Сеанс продолжается. Несколько человек, не торопясь, выходят из зала. Это после долгого перерыва немцы снова начали бомбить Лондон. Война догоняет нас.

П. Г. Бригаднов поручил мне и Микоше купить часы для подарков нашим фронтовым операторам. Деньги для этого были собраны английскими кинематографистами. Мы поехали в центр и там долго ходили по мелким часовым лавкам, купив в один день около пятидесяти штук наручных часов. Путаясь в переулках, мы появлялись в некоторых магазинах уже по второму разу, вероятно удивляя продавцов и хозяев. Часы были отправлены в Москву и вручены нашим фронтовикам.

Новый, 1943 год мы встречаем в нашем посольстве. Странно было видеть наших «дам» в каких-то бархатных платьях. Они еще не знают, что такое война. Когда начались танцы, мы ушли. В гостях уже начинает надоедать.

Наконец из Москвы получено сообщение: нам надо возвращаться домой. Открытие второго фронта состоялось, как известно, только через полтора года, в июне 1944 года.

Но тут наступило такое время, когда корабли из Англии в порты Советского Союза уже не заходили. Немцы топили всех без разбору. Было решено отправить нас через Америку.

Поздним вечером уезжаем из Лондона, чтобы в Уэльсе сесть на пароход. Поезд тронулся, и к утру мы

уже были в портовом городе Суэнси. Там нашли английский пароход «Тихая роща», предъявили билеты и оказались в уютной каюте первого класса.

Теперь впереди Атлантика, Америка — кругосветное путешествие во время войны.

В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

Огромный товаро-пассажирский пароход «Тихая роща» медленно движется между Великобританией и Ирландией. Слева сквозь дождь виден Белфаст. Впереди Атлантический океан. Наше судно должно занять место в караване, и, если ничего не случится, недели через две-три мы будем в Америке.

В январе 1943 года немецкие подводные лодки охотились за каждым торговым пароходом.

Наутро я увидел, что берега уже исчезли и мы в строю каравана. Армада кораблей имела форму большого прямоугольника, двигавшегося широкой стороной вперед. Около сорока пароходов шли тесными рядами. Наша «Тихая роща» шла в первом ряду, третья слева. Все одновременно меняли курс, двигаясь со скоростью самого тихоходного судна. Только один пароход имел право выходить из строя, его задача — спасать утопающих. Ночью, без освещения, все идут такими же тесными шеренгами.

В первые два дня нас охраняли английские эсминцы. Как белые жеребцы, они носились вокруг каравана. Изредка появлялись самолеты: они, вероятно, базировались в Исландии. Дальше мы шли без охраны.

Пассажиров немного. Несколько кают занимали дипломаты, шотландские офицеры в национальных юбках, американка с двумя детьми, старик бизнесмен из Шотландии и мы — я и Владислав Микоша,— два советских кинохроникера, не знающие английского языка (Соловьев и Халушаков плыли другим караваном).

Мы представляли, что нас ждет. Когда в корабль, груженный взрывчаткой, попадает торпеда или авиабомба, он превращается в столб огня и черного дыма. Ветер относит дым, и никаких следов и воронок, лишь «плещут холодные волны». Корабли, идущие балла-

стом (без груза), тонут медленно, до сорока минут. Мы об этом старались не говорить. Война есть война.

Сегодня всем пассажирам выдали оранжевые «лайф-жилеты» со свистками и красными фонариками. Мы примерили их и узнали, к какой спасательной шлюпке надо бежать в случае опасности.

Живем в прекрасной каюте в полном комфорте. Под потолком большая матовая лампа. Около мягких кроватей выключатели, любым из них можно зажечь или погасить верхний свет. Завтраки приносят прямо в постель. После уборки на столе появляется большая ваза с фруктами.

Началась размеренная пароходная жизнь: завтраки, обеды, ужины — и никаких событий.

Вечерами многие играют в карты. Англичане подтрунивают над шотландцами, над их скупостью. Офицер в юбке обиделся. Он резко встал и, показывая на нас, сказал:

— Красная Армия освободит и нас! — И тут же вышел, хлопнув дверью.

К нам в каюту стал заглядывать пароходный радист, веселый парень из Кардиффа. Вероятно, его подсылали узнать, что это за русские оказались среди пассажиров. Он напевал нам валийскую песенку о том, как мама покупала футбольную майку, а мы терпеливо обучали его крепчайшим русским ругательствам. Потом он заходил уже без стука, но еще за дверями мы слышали невероятную матерщину. Мы нравились радисту.

Выхожу на палубу. Серое низкое небо, ветер, качка. Соседние корабли на тех же местах. Проходят дни, меняется освещение, цвет воды, а караван наш, мне кажется, все топчется и топчется на одном и том же месте. Корабли, покорно кланяясь, чуть зарываются носами в белую пену, только это и наводит на мысль, что мы движемся вперед.

Как-то радист пригласил нас к себе в рубку. И вот, качаясь где-то в Атлантическом океане, сквозь треск, писк и шорохи мы слышим голос Москвы. Это было 2 февраля. Диктор Левитан читает сообщение Советского Информбюро о полном разгроме немцев под

Сталинградом. Сдерживаем радостные чувства, не желая подводить радиста, но пассажиры уже знают эту великую новость и поздравляют нас.

Дни идут, похожие один на другой. Однажды к нам в каюту пришел заметно озабоченный радист:

— То, что я вам скажу, еще секрет. Об этом знаем только я и капитан. За нами идет немецкая подводная лодка и подзывает другие. Может быть, все обойдется. Но будьте готовы.

— Как же вы поняли немцев?

— Мы знаем их код.

Вечером, за ужином, вдруг все смолкли и повернули головы. На лестнице стоял офицер в мокром плаще, он что-то громко объявил. Все встали.

— Субмарин! — сказал старик, и в ту же секунду раздались резкие, скребущие сигналы тревоги.

За буфетом побледневшие стюарды допивали вино. Все бегут наверх.

Захватив спасательные жилеты и киноаппараты, мы прибежали к своей лодке.

Ночное небо освещено ракетами, трещит стрельба, дождь, ветер, соленые брызги, качка. Прикрываем объективы, снимать нельзя — мало света. Я почувствовал мягкий толчок под ногами, и на мачте парохода, идущего рядом с нами, слева, зажглась красная лампочка. На темной палубе заметались огоньки карманных фонариков. Этот пароход стал отставать и исчез в полной темноте.

— Секанд шип даун (торпедирован второй корабль)! — прокричал кто-то, пробегая мимо.

Да, опять догнала нас война. Мысли невеселые: потопят, и никто не узнает, что с нами случилось, скажут — пропали без вести.

Рядом с нами молчаливая американка с двумя детьми. Ночь тянется долго. Караван движется по большой дуге через север.

Опять мягкий толчок под ногами, значит, кого-то еще торпедировали.

Ужина не было, опять тревога. Стоим у своей шлюпки. Тревога объявляется на всех кораблях после того, как кого-то торпедировали.

Под шорох воды у бортов хорошо дремлется. Видишь какой-то сон и на несколько секунд забываешь об окружающем. Палуба уходит из-под ног, и мне ка-

жется, что я лечу с монастырской башни. Это было в детстве, мы прыгали с высоты, равной пятому этажу дома, и падали в солому.

Что может вспоминаться и сниться, когда ждешь смерти в этом холодном, далеком океане? Конечно, родина, детство... Мне года четыре. Сижу у окна в нашем новом доме и смотрю, как освещенные утренним солнцем бабы в длинных юбках, сгибаясь под коромыслами, увешанными гроздьями жестяных тарок с молоком, торопливо семенят босыми ногами в город на базар. Вот идет, низко опустив голову, владелец кирпичного завода. Он всегда ходит один. «Потому и богат,— говорит мать,— что все время думает».

В конце дня я снова у окна, жду отца с работы. Из города возвращаются толпы печников и каменщиков в фартуках. Некоторые пошатываются и смешно спотыкаются. Плывет стадо коров. Пришла и наша белоголовая, с черными очками. Тихий летний вечер. Пахнет свежим сеном. Стучат молоточки в соседних дворах. Так наколачивают косы, делая их острее...

...Босоногое детство. Гвоздь заменяет пуговицы в штанах. Бегаем целыми днями. Рядом река Вологда. Сидим на берегу, ждем лодку с горожанами. Вот они появились, и мы хором кричим: «Господа, подъезжайте сюда, лодочку покараулим!» Нам платили за это. Но если «господа» казались нам грубыми и высокомерными, мы убегали, а они находили свою лодку, полную воды.

Босые ноги привыкали и к скошенному лугу, и к жнивью. Бывает, расшибешь палец до крови, пробежишь по пыльной дороге, и все в порядке. Спорим, кто сколько раз купался, вечером подсчитываем, некоторые бегут докупываться, чтобы не отставать.

Белые лошади казались розовыми от восходящего солнца, копыта стучали по мерзлой земле, по лужам, покрытым корочкой льда. Вот откуда у Есенина: «...будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». Трава покрыта инеем, бегаем, прогоняем лежащих коров, чтобы согреть ноги.

·

Пошел холодный дождь... Просыпаюсь, вздрагиваю. Матросы что-то приколачивают к нашей шлюпке. Рядом, в темноте, американка с маленькими маль-

чиками. Мне захотелось их успокоить. Опять мягкий толчок под ногами — кто-то потоплен. Теперь мне трудно вспомнить слова, которые не понимали ни мать, ни ее сын. Я говорил мальчику по-русски, что он ведет себя хорошо, храбро, молодец, я расскажу о нем советским ребятам. Там идет война, и наши ребята помогают солдатам прогонять врагов с нашей земли, тех самых немецких фашистов, которые сейчас хотят нас потопить.

Светает, чуть видны силуэты кораблей. Рядом новый сосед. Отбой тревоги. Спускаемся в каюту, ложимся спать, не снимая толстых пробковых жилетов...

...Ходили в Вологду сниматься всей семьей. Мы пришли в пасмурный день, фотография не работала. Второй раз нас усадили под стеклянный потолок, отец подложил мне под руку книгу, а я внимательно ждал «птичку». На главной улице запомнил вывеску: «ВЕЛОСИПЕДЫ ДУКС ГУМБЕР ЭНФИЛЬД».

Отец как-то сказал, что на Луне отразилась картина, как Каин убивает Авеля. Я смотрел на полный диск и, казалось, видел две фигуры. Одна замахивается топором, другая стоит на коленях.

По воскресеньям отец будил меня рано и посылал в церковь. Хотелось спать, на улице мороз. Уже тогда я понимал, что никакого бога нет, вместо церкви шел в баню, ее топили накануне, и там прекрасно досыпал...

...Мы устали и похудели. Потерян счет дням, казалось, длится и длится одна кошмарная ночь. Мы наверху у шлюпки, и у нас есть надежда на спасение, но вот каково тем, кто внизу, в машинном отделении, где каждую секунду ждут, что затрещит борт, сверкнет огонь, повалит дым и хлынет вода. Там спасения нет.

Утром нам сказали, что уже потоплено восемнадцать пароходов, из пятисот двадцати человек подобрано сто сорок. Немцы потеряли две подводных лодки, но все еще от нас не отстают. Рядом появился уже третий сосед — ржавый норвежский танкер...

...Дед Константин Алексеевич, с бородой боярина, в синей с белыми горошинками рубахе и черном жилете, обычно встречал меня словами:

— О, Коланко пришел, хват пожаловал.

Слово «хват» мне казалось обидным — ведь я ничего у них не хватал.

В доме деда было много книг. Вся горница забита журналами «Нива» с приложениями за много лет. Я зачитывался Чеховым, Куприным, Леонидом Андреевым, Мельниковым-Печерским, Маминым-Сибиряком.

В школе больше всего мы боялись уроков «закона божия». Поп любил драть за уши. Все молчали, когда он хватал провинившегося за оба уха и долго тряс ему голову.

В первом классе мы узнали об Октябрьской революции. Страшный поп исчез. Нас стали бесплатно кормить гречневой кашей. Вскоре на стене в зале появился портрет Ленина, украшенный елочными ветками.

После революции англичане оккупировали Архангельск и двинулись к Вологде. В Прилуках появилось много солдат. Игрушками ребят стали самодельные пистолеты. Мы их делали из тростей. Порох был у каждого. Трудно поверить, но мы бросали в костер боевые патроны и не разбегались, слушая, как они рвутся. К счастью, жертв не было.

— Вперед коли, назад прикладом бей! — кричали мы, подражая солдатам, насмотревшись, как их обучают. Солдаты жили в каждом доме.

Однажды я заблудился в лесу. Долго искал дорогу домой. Усталый, уже потеряв надежду выбраться, влез на холм и вдруг увидел башни нашего монастыря. Вот радость! Детским глазам монастырь представился картиной из волшебной сказки. Башни казались румяными куличами. Белые, как сырная пасха, церкви с зелеными карамельными крышами башен и вазами куполов, окруженные пряничными стенами. Грани башен были розовыми, желтыми и белыми, а стены украшены большими полукружиями тех же повторяющихся цветов и казались обложенными пасхальными яйцами.

Много видал я монастырей с белыми стенами и башнями, но этот цветной Прилуцкий всегда вспоми-

нается как чудо. В овине сушат хлеб. В темном подвале, в яме, всю ночь горят толстые коряги. Языки огня лижут черные прокопченные бревна, а там все забито снопами, и кажется, что все вот-вот загорится. Лежим под самым дымом, печем картошку, дремлем. Начинает светать, моя задача лезть наверх и выбрасывать горячие снопы на гумно. Уже слышны ритмичные звуки, начинают молотить. Три, четыре мешка ржи, вот и весь наш намолот. Теперь мне предстоит почти каждый вечер вертеть ручной жернов, молоть муку. Своего хлеба нам хватит только до нового года...

...Рассвет. Опять то же море и корабли на тех же местах, и кажется, что это никогда не кончится.

Утешаем себя философскими рассуждениями. Каждый из нас мог бы и не родиться. Дело случая. Мы могли родиться и в прошлом веке, и тысячу лет назад. Ну, а смерть? Тот, кто умер, уже не знает и сам, что умер.

В каюту пришел наш друг радист и опять по секрету сообщил:

— Подводные лодки от нас отстали. Теперь они преследуют встречный караван из Америки. Спите спокойно.

На следующую ночь тревоги не было, а утром мы увидели, что идем одни, все корабли куда-то исчезли, караван расформирован. Кажется, опасность уже позади.

Неожиданно установилась очень теплая погода. Ласково светило солнце. Океан и небо стали синими. Матросы вытащили на палубу множество клеток с птицами. Веселый свист и щебет стоял, как в лесу. Казалось, птицы радовались своему спасению, а вот люди, наши спутники, уже ведут себя заметно отчужденнее, чопорнее. Вместе с опасностями осталась позади и возникшая было человеческая теплота, а может быть, все очень устали.

Через сутки мы вышли из зоны теплого течения, опять похолодало. Наконец показался американский берег.

Слева по борту была видна статуя Свободы. Мы еще не знали, что за этой статуей находится тюрьма и нам придется там побывать.

А где же небоскребы? Впереди плотная снежная пелена. Вспомнился Маяковский, писавший с юмором, как были поражены Нью-Йорком Короленко и Горький. Метельный занавес отходит в сторону, и я вижу редкие, возникшие как мираж, небоскребы, напомнившие мне печные трубы на пожарищах наших деревень. У самой набережной лежал на боку корабль, похожий на огромного леща. Это, сказали нам, лайнер «Нормандия», неизвестно кем подорванный. «Тихая роща» пришвартовалась в порту Нью-Йорка. На корабле дали последний ужин. В ресторан спустился представитель американских властей. Все замолчали. Американец хмуро подсчитал количество пассажиров и вышел, ничего не сказав.

Посмотрев на наши «мореходки», чиновники объявили, что на берег нас не выпустят, потому что у нас нет въездных виз.

Спутники прощаются с нами. В последнюю минуту я прошу старика шотландца позвонить в советское консульство, сообщить о нас.

Наступил вечер. Мы, два года не видавшие уличного освещения, изумлены. Бессчетные яркие огни удваивались, отражаясь в воде. Таким Нью-Йорк можно увидеть только с борта парохода. Позднее узнали, что и здесь соблюдается светомаскировка. Огни гасят в небоскребах, начиная с семнадцатого этажа и выше. Это для того, чтобы зарево не увидели немецкие подводные лодки.

Утром явился толстый флегматичный полицейский с большой сигарой. Он сел около нас на палубе и начал что-то бормотать. Терпеливо ждем кого-нибудь из нашего консульства. Наконец видим, к пароходу спешит наш представитель — русского человека узнаешь сразу. Значит, шотландец сообщил о нас. Прибывший объясняет, что наши мореходные книжки были бы действительны для въезда, если бы мы прибыли на своем пароходе в составе команды. Он удивился, что об этом не знали провожавшие нас работники посольства в Лондоне.

— Ничего, ребята, не горюйте, все будет в порядке. Ждите меня.

Сказав это, он быстро ушел, а полицейский с сигарой начал опять ворчать.

Горевать было не о чем. Главное, мы уже у берега

и добрались до наших властей. Через час представитель нашего консульства возвратился:

— Ребята, у них такая рутина! (По-английски routine значит заведенный порядок.) Вам придется поехать с этим полицейским. Это формальность. Не беспокойтесь, я вас найду там.

Взяв чемоданчики с киноаппаратурой, выходим с парохода и на катере плывем назад, к статуе Свободы, в тюрьму на «Острове слез».

Огромное помещение, куда нас привели, показалось мне похожим на зал ожидания Казанского вокзала в Москве. Освещенные солнцем небоскребы за железными решетками высоких окон напоминали мозаичные картины. Вокруг сидят целыми семьями. Бегают и плачут дети. Мы сидим и ждем, что будет дальше. Но сохраняем спокойствие, наше консульство знает о нас.

У железной двери с окошечком сидит вооруженный полицейский. Около нас сидела небольшая группа торговых моряков. Они поняли, что мы из Советского Союза. Дружески улыбались, жали нам руки, угощали сигаретами. Объясниться с ними мы не могли. «Шип даун»,— говорили они и показывали большими пальцами вниз. Стало ясно, что это спасенные с потопленных кораблей в караване, в котором двигались и мы.

Кто-то заглянул в окошечко, полицейский нажал ногой кнопку под столом, открылась дверь, вошел человек и замахал нам руками. Это был переводчик, похожий на поэта Асеева. Долго идем за ним по коридорам и лестницам и наконец попадаем в маленькую комнату, показавшуюся нам удивительно знакомой. Мы как бы вошли в декорацию давно виденного американского фильма. Впереди возвышалась кафедра, за ней большой портрет Линкольна и американские флаги. Это было помещение суда. Сидевший наверху человек неприятно поморщился и обратился к переводчику. Моего товарища вывели. Переводчик мне говорит:

— Вы должны поднять правую руку и сказать: «Именем бога я обязуюсь говорить правду». Но у вас в стране не принято ссылаться на бога, вы просто скажете: «Обязуюсь говорить правду».

Судья начал допрашивать. Переводчик мне явно

симпатизирует. Иногда он говорит: «На этот вопрос не отвечайте», и я молчу.

Судье было сказано, что мы прибыли сюда, чтобы сесть на свой пароход на западном берегу Соединенных Штатов.

— Но не потому ли вы приехали, что у вас есть расхождения с вашим правительством?

Отвечаю, что вопрос меня возмущает. Переводчик сообщает это судье. Приглашают моего коллегу. Те же вопросы, те же ответы. Мы просим передать судье наш протест: «Как союзники в войне против фашистской Германии, мы протестуем против такой негостеприимной процедуры!»

Судья выслушал, стукнул деревянным молотком и объявил приговор:

— Проживать в США не разрешается, работать в США запрещается, но дается три месяца на обжалование этого приговора.

Последние слова он произносит, вздрагивая от хохота. Затем сбегает с кафедры и, продолжая хохотать, жмет нам руки и спрашивает, хватит ли нам трех месяцев. Если мало, то вот бланки для обжалования приговора, их надо подписать.

— Не подписывайте! — раздался крик.

Это бежит секретарь консульства. Посмотрев бумаги, он сказал, что это можно и подписать, но мы заявили, что трех месяцев нам будет вполне достаточно.

Суд закончился, нас выпустили из тюрьмы. Тот же полицейский помогает тащить киноаппаратуру до катера. Еще несколько минут, и мы в Нью-Йорке. Полицейский получил доллар от представителя нашего консульства и долго хохотал, пока мы не сели в такси.

Из советских граждан, как я где-то читал, на этом «Острове слез» судили еще Сергея Есенина.

В АМЕРИКЕ 1943 ГОДА

Движемся по твердой земле. Заходящее солнце насквозь просвечивает узкие ущелья стритов, оставляя в контрастной тени поперечные авеню. Сверкает электрореклама. Над нами гремит надземная желез-

ная дорога. Между небоскребами еще сохранились кирпичные закопченные домики с наружными пожарными лестницами, напомнившими Америку О'Генри.

Красно-желтое такси остановилось около гостиницы «Григорьян», рядом с домом, похожим на гигантскую бутылку виски. Это стодвухэтажный «Эмпайр стейт билдинг». Секретарь консульства быстро устроил нам номер.

— Ну, ребята, я спешу. Вот вам пока по десять долларов, завтра рассчитаемся. Вы уже люди опытные, были в Лондоне, ну а если пойдете гулять, то возьмите вон те конверты, там указан адрес этой гостиницы, вдруг пригодится. Итак, до завтра.

После трехнедельного плавания пол под нами кажется жестким. За окном нашего тридцатого этажа открылась панорама соседних небоскребов. И вот первое американское чудо. Через улицу, спиной к нам, на узком подоконнике стоит человек, широко расставив ноги. Он моет наружные стекла окна, работая обеими руками. Нам не было видно, что его держит цепь, укрепленная на поясе. Но, оказывается, на всех рамах имеются кольца, чтобы к ним могли прикрепляться профессиональные мойщики.

Мы сели, закурили и долго молчали. Вдруг оба вспомнили, что уже сутки, как ничего не ели.

Ресторан на первом этаже похож на огромную кают-компанию. Кругом висят снасти и спасательные круги. Садимся за большой круглый стол, и снова нам кажется, что мы на пароходе. Высокий негр в белом адмиральском мундире молча и не спеша ставит перед нами по стакану холодной воды со льдом. Потом приносит книгу, толстую, как телефонный справочник. Любезно передвигаем это меню друг другу. Официант ждет.

Через минуту к нам бежит маленький человек, метрдотель.

— Откуда вы?

— Фром Раша.

Человек издает радостный вопль и убегает. Сидящие в ресторане перестали стучать вилками и ножами. Опять бежит метрдотель, держит бутылку над головой и кричит:

— Это вам от меня, за это вы не будете платить!

Он ставит на стол две очень маленькие рюмки, на-

ливает их и тут же, к нашему удивлению, уносит бутылку. Успеваем заметить цветную наклейку с портретом Николая Второго и двуглавым орлом, перечеркнутым красным крестом.

Наконец негр принес нам куски жареного мяса размером с противотанковые мины. Ужин стоил десять долларов. Потом мы ухитрялись жить на доллар в день.

Так начался первый вечер в Нью-Йорке. Мы вышли на улицу «открывать» Америку.

Манхаттен на языке индейцев означает «небесная земля». Это остров, очертаниями похожий на язык, километров двадцать в длину и четыре в ширину.

В Манхаттене небоскребы, в небоскребах конторы, банки, магазины, гостиницы. Через Манхаттен, как писал Маяковский, «с юга на север идут авеню. С востока на запад — стриты». Лишь Бродвей пересекает по диагонали эту правильную решетку авеню и стритов. С одной стороны Манхаттена течет река Гудзон, где корабельные доки, а с другой — река Ист Ривер, за которой и начинается одноэтажная Америка Бруклина, Куинса и Бронкса.

Спрашиваем негра-лифтера, где тут самые интересные и веселые места. Негр бормочет: «фоти секанд стрит, фоти секанд стрит». Поняли: «сорок вторая улица».

Прежде всего мы решили прокатиться на нью-йоркском метро. Идем по ступенькам к кассе. Небольшая очередь. Рядом, за сеткой, гремят проходящие поезда. Протягиваю кассиру горсть мелочи, надеясь, что он сам возьмет нужную сумму. Американец мне что-то кричит, а денег не берет. Сзади напирает очередь. Отхожу от кассы и посылаю товарища — давай ты! Но едва он протянул горсть мелочи, как кассир что-то заорал и ударил его кулаком по руке.

Оказывается, кассир не продавал билеты, а только менял бумажные деньги на мелочь. Мы же в те годы привыкли покупать билеты в метро. Так было и в Лондоне.

Сорок вторая улица. Здесь, на пересечении Бродвея и Пятой авеню, самое освещенное место — Таймссквер. Светло, как в павильоне во время киносъемки, Решаем выпить пива. Кругом в застекленных забегаловках полно людей, но вот бар, и там никого нет.

Пиво оказалось отличным. Странно, почему же мы здесь одни? Выйдя из дверей, читаем вывеску: «Гамбург». Вот тебе раз. Оказывается, все, кроме нас, бойкотировали это немецкое заведение.

Сверкали слепящие гирлянды рекламы, вертелись неоновые фигуры, медленно шли молчаливые, блестящие машины, сияли дорогие витрины, двигалась нарядная толпа, и над всем этим карнавалом богатства и довольства — огромные дымовые кольца рекламы сигарет «Кэмел».

Откуда-то сверху, из облаков, летит сверкающая стрела, упирается в дверь и гаснет. Возникают буквы: «Beautiful girls» (прекрасные девушки).

— Зайдем?

— Зайдем!

Полутемная лестница ведет на второй этаж. В окошечке продаются удивительно дешевые билеты. Открываем плотную дверь. В глаза бьет яркий свет, раздается рев, и к нам тянутся голые руки нарядных кричащих и хохочущих девушек. Эффект сильный. Осматриваемся. Девушки находятся за деревянным барьером. Отойдя в сторону, видим, что они так же приветствуют каждого входящего. В чем тут дело? За барьером маленькая танцевальная площадка. Слышна музыка, несколько пар танцуют. Рядом касса. Все ясно. Тот, кто купит металлические жетончики, может пройти за барьер, выбрать любую девушку и танцевать. Быстро меняются мелодии танцев. По площадке мечется человек, отбирающий у девушек жетончики после каждого танца. Тратим по доллару. Приятель танцует, а я угощаю девушку пивом. Моя собеседница довольно хорошо говорит по-русски. Ее дед был выходцем из России. Она откровенно рассказывает об условиях работы в этом заведении. Девушки должны находиться здесь с восьми часов вечера до трех ночи. Одеваться — за свой счет. Заработок — половина от стоимости заработанных жетончиков. Если за вечер никто девушку не пригласил, она ничего не заработала. Если заметят, что у девушки появился постоянный партнер или она уходит раньше времени — ее увольняют. Во всем американская деловитость.

Выходим на Таймс-сквер. Вот еще одно интересное заведение. У дверей стоит великан, зазывает публику. Судя по картинкам, там собраны всякие редко-

сти. Конечно, плохо без языка, мы не понимаем ни крикливых надписей, ни комментатора. Он трещит без умолку и показывает «царскую корону». Там же на столе сидит и вышивает очень красивая блондинка. Она поднимает синие глаза и печально улыбается. Мы уже было пошли в другую комнату, как вдруг остановились, пораженные. Девушка была без обеих рук. Она вышивала ногами. Тут же продавались ее фотографии. Она цеплялась наманикюренными пальчиками ноги за авторучку и расписывалась. За автографами стояла маленькая очередь.

В другой комнате толпа любопытных окружила голого до пояса человека. Подойдя ближе, видим, что его тело покрыто чем-то вроде рыбьей чешуи. Американцы деловито рассматривали этот странный экспонат и даже щупали его кожу. Дальше сидел какой-то вонючий и сальный тип, чем он выделялся, нам уже было не интересно, и мы выскочили на свежий воздух из этого вертепа.

Холодный февральский ветер продувает насквозь наши легкие плащи. Поздно, на улице пусто. Видимо, здесь рано ложатся спать. Как быть дальше? Мы оказались в безлюдном ущелье небоскребов, не понимая, что написано на вывесках и рекламах. Вот, кажется, и наша гостиница! Нет, не она. Похожа, но не она. Мы озябли, а номер дома найти не можем. Видим, наконец, группу людей, они разговаривают. Подходим, обращаемся к ним, показывая конверт с адресом.

— Одну минуту, господа! — послышалась русская речь.

Человек подошел к машине, открыл дверцу и пригласил сесть. Переглянулись и сели. Человек за рулем говорит, что он русский, жил в Петрограде, юрист. В зеркале лицо его мне показалось знакомым. Когда он поправил шляпу, я заметил седые волосы «ежиком». Да уж не Керенский ли это? Мы благодарим русского американца, выходим из машины против дверей нашей гостиницы «Григорьян».

Потом нам сказали, что в Нью-Йорке около миллиона жителей говорят по-русски.

Мы на крыше самого высокого в мире дома «Эмпайр стейт билдинг». Курьерский лифт поднимает без остановки до восьмидесятого этажа. Переходим на другой лифт и поднимаемся еще на двадцать два эта-

жа. Чувствуется изменение атмосферного давления. С площадки для обозрения мы не увидели города. Из густого тумана торчали лишь верхушки отдельных небоскребов. Как это мы не подумали о погоде еще внизу?

Услыхав русскую речь, к нам подошел старик и сказал, что он из России. На этой крыше он работает фотографом. Он показал нам вделанный в стену фотоаппарат. И вдруг заговорил так:

— Друзья, посмотрите, что натворил взбесившийся капитализм! — показывая на чуть видные в тумане крыши, он ругал Америку, не стесняясь в выражениях.

Кругом продавались разные сувениры со штампом: «Куплено на крыше «Эмпайр стейт билдинг» на высоте 1 250 футов над уровнем моря». Те же сувениры, без штампа, на улицах стоили вдвое дешевле.

В тот же день в Русско-американском клубе на концерте пианистки Айзл Скотт нас спросили:

— А вы видели Бурлюка? Это он открыл Маяковского!

Давид Бурлюк был сутулым, но еще крепким стариком. С ним в консульство пришла его жена, старая женщина с очень грустными глазами. Говорили, конечно, о Маяковском. Бурлюк разговорился.

— Это я первый сказал: «Красота — изолганная пошлость, а искусство — кощунственная ложь!»

Старушка рассказала, как она подкармливала Маяковского.

Бурлюк с большим вниманием слушал мой рассказ о выставке Маяковского, о том, как его снимали на фоне плакатов РОСТа.

В это время под столом мне передали незаметно бумажку: «называйтесь моряками».

Бурлюк, узнав, что мы моряки, сказал:

— Как хорошо, что даже моряки так знают и любят Маяковского.

Потом говорили, что Бурлюк вспоминал об этой встрече в местной газете «Русский голос».

Маяковский интересно и верно описал Америку. Ошибся он только в стихотворении «Бруклинский мост», где есть слова: «Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой». Это сделать невозможно. Кинуться с этого моста можно только в Ист-Ривер, река Гудзон течет по другую сторону Манхаттена.

Каждое утро, выходя из лифта, мы замечаем, как сидящий в холле человек спокойно клал газету на стол, вставал и выходил за нами на улицу. Лицо его запомнилось еще в первый вечер, когда мы ужинали. Это был официант из ресторана. Тут мы вспомнили шутку Василия Васильевича и засмеялись. Таких типов он называл: «Половые из органов». Он постоянно следовал за нами, совсем близко, не прячась. Мы заходим в кафе, и он тоже, садится рядом, пьет чай. Вначале это раздражало, а потом мы перестали обращать на него внимание.

На всех улицах, на каждом шагу висели огромные американские флаги. Перед входом в конторы и магазины можно было увидеть маленькие флажки с белыми звездочками. Их количество соответствовало числу мобилизованных в армию, а отдельные золотые звездочки означали погибших. Говорили, что тогда от автомобильных катастроф гибло больше американцев, чем на войне.

Завтракать мы ходили в одну и ту же аптеку. В американских аптеках, оказывается, можно выпить чай, закусить и купить что угодно.

Сахарный песок на каждом столе, как у нас соль. Все едят аккуратно. Страна богата еще и потому, что все бережливы. Никто после себя не оставляет недоеденных кусков хлеба.

Нью-Йорк уже порядком надоел. Целыми днями валяемся на диване в номере гостиницы и читаем Чехова. Книгами снабжал один зубной врач. Познакомились случайно и стали ходить к нему на пытку бормашиной. Однажды, показывая две готовых челюсти, старик сказал:

— Это для одной дамы, она выходит замуж.

— А жених знает об этом?

— Конечно, нет.

Зубные протезы скалились типичной американской улыбкой. Этот добрый еврей лечил нас бесплатно и даже водил в ресторан.

...Новость! Официально объявлено, что мы не моряки, а фронтовые кинооператоры. Вот когда познали мы, что такое американская паблисити. С утра появился фотограф, симпатичный парень, и повез нас по городу, снимая на фоне нью-йоркских улиц. Потом мы оказались в огромном здании «Радио сити». Шла пе-

редача в эфир. Оркестром дирижировал Леопольд Стоковский. Дирижер с венком седых волос на голове был так же красив, как в фильме «Сто мужчин и одна девушка». Откинув голову, почти не двигаясь, он стоял, вытянув вперед руки, чуть шевеля длинными пальцами. Слаженный, многолюдный оркестр казался инструментом, на котором играл сам дирижер. Исполнялись «Картинки с выставки» Мусоргского. Все мы были взволнованы финалом, где как бы слышались пророческие слова: «Победим! Мы победим...»

После концерта фотограф повел нас за кулисы. Мы оказались в толпе поклонников прославленного дирижера. Стоковский привычно и милостиво расписывался на программах, и мы совершенно неожиданно оказались обладателями его автографов.

Вечером нас повезли в роскошный ресторан на Таймс-сквер. Во время ужина было показано шоу довольно высокого класса. Да, доллары здесь не платят даром. Помню удивительный номер. На сцене танцует одинокая пара под звуки большого оркестра. Он — огромный дядя, она — худенькая, хрупкая. Танец имеет свой сюжет. Она его любит, он ее нет. Она умоляет его, он грубо отталкивает ее. Вдруг музыка резко меняется, меняются и их роли. Теперь она горда и неприступна, он пресмыкается, и вдруг чудо: хрупкая женщина двумя руками поднимает этого дядю, как штангу, крутит и бросает через всю сцену в угол. Рев восторга, свист, аплодисменты. Как это сделано?

И вот, когда смотришь на этот блеск, этих жирно смеющихся, едящих и пьющих, вдруг обжигает мысль, что дома-то в это самое время каждый час гибнут, голодают и падают от усталости наши люди...

Сегодня большой день. Нам предстоит побывать на фабрике, где делают известные киносъемочные аппараты «Аккилей», и познакомиться с американскими кинохроникерами. С особым любопытством едем знакомиться с нашими американскими коллегами, ибо они известны как большие мастера съемок. Почти все кинохроникеры оказались старше нас по возрасту. Много интересного рассказал нам убеленный сединами Эл Брик, ставший знаменитым в первые дни войны Америки с Японией. Он находился тогда на морской

базе Пирл-Харбор в обычной командировке. Был тихий солнечный день. Эл Брик неторопливо готовился к съемке бухты. Снимал он большой стационарной камерой со штатива. Поставив нужный фильтр и определив экспозицию, он приступил к съемке в тот самый момент, когда японские самолеты налетели на эту базу. Как известно, японцы за два часа потопили там почти весь тихоокеанский военный флот США. Эл Брик не прекратил съемку. Мы видели все это на экране. Огромные корабли, крейсеры, линкоры медленно поднимались из воды, вставали почти на попа, взрывались, опускались и исчезали в воде. Они двигались и бились, как живые рыбы. Брик рассказал также, как еще до войны он снимал в Японии спуск на воду крупнейшей авиаматки, а недавно снимал с самолета, как топили эту самую авиаматку.

Новый приятель, кинооператор Майкл, возил нас на машине по Нью-Йорку.

— Как вы отчитываетесь в расходах на съемках? — задал я давно интересовавший меня вопрос.

— Очень просто. Я записываю расходы в мою книжку, а когда приезжаю на студию, звоню в бухгалтерию и читаю девушке все, что я записал. А потом она звонит мне и говорит: «О'кей».

С удивительной откровенностью он продолжает:

— Нам полагаются деньги на носильщиков, а мы таскаем аппараты сами. Вот эту машину я купил на деньги, которые должен был отдать носильщикам. Только, пожалуйста, не говорите это мистеру Херсту! — засмеялся Майкл. Газетный король Херст был владельцем и киностудии «Дейли Ньюс».

Напоследок расскажу о смешном случае, происшедшем с нами в Нью-Йорке.

Магазины полны дешевой стандартной одежды. Нас занимало, а где же продаются нарядные вещи, которые мы видим в толпе. Покупать мы много не собирались, не было денег. Видим витрину, где висят красивые спортивные куртки. Входим внутрь. Пробравшись между тесными рядами вешалок с куртками, я пытаюсь объясниться с девушками в белых халатах, а тем временем мой приятель уже шурует: рассматривает куртки, изучает подкладки, щупает карманы, собирается их примеривать. Девушки испуганно переглядываются, и тут каким-то чудом у меня, никогда

не бывавшего в подобных заведениях, возникает догадка:

— Да ведь это чистка!

Мы быстро вышли на улицу, а те девушки, вероятно, еще долго вспоминали о странных посетителях!

Наступил день отъезда из Нью-Йорка. Такси доставило нас к вокзалу Пенсильвания стейшен. В Чикаго мы пересели на другой поезд, в чем нам помог небольшого роста человечек по фамилии Абрамчик, выходец из России. Он успел показать нам центр города — набережную на озере Мичиган, где среди потока машин скакали конные полицейские. Мистер Абрамчик говорит:

— Вон посмотрите, в том большом доме редакция газеты «Чикаго трибюн», хозяева этой газеты, евреи, поддерживают Гитлера.

Хочется отдохнуть, полежать, а тут сиди целый день, как в дачном поезде. Надо ждать до вечера. Нет, наши вагоны с полками удобнее для долгой езды. Дремлется. Старушка, сидящая напротив, протягивает маленькую подушку. Прислонившись к стене, слышу: «Индейцы, индейцы». Поезд замедлил ход, ремонт пути. На высокой насыпи вижу застывшие фигуры с перьями на головах. Они гордо опираются на длинные молотки, которыми забивают костыли в шпалы. Вот они, герои детских книг!

В стороне сидит какой-то субъект в полувоенной форме. Рядом с ним хмурый тип в шляпе. Случайно взглянув на их руки, я шепчу приятелям: «Смотрите, они прикованы наручниками». Тип улыбается, стараясь перехватить наши взгляды, видимо ища сочувствия. Мы стараемся на них не глядеть.

Вася Соловьев вспоминает Маяковского: «Америку пересекаю в экспрессном купе», а мы сидим в общем вагоне, полок нет. Неужели так и придется ехать все четверо суток? Наступил вечер, появились негры-проводники и с огромной скоростью вытащили из стен железные палки, надели на них толстые занавески, достали из стен полки с постелями — купе готовы. В вагоне остался только узкий проход. Утром все это исчезло, и мы опять едем, как в электричке.

Канзас, Арканзас, Нью-Мексико, река Колорадо, Аризона — мимо, все мимо.

Узнаем, что американские газеты подняли шумиху о том, будто бы советские власти скрывают от своего народа американскую помощь. Клевета возмущает наших спутников. Жаль, что не знаем языка, но слово «идиоты», произнесенное по адресу клеветников, мы поняли.

Наступил вечер третьих суток, и наш вагон опять превратился в спальный.

Утром мы просыпаемся, разбуженные русской речью.

— Вставайте, черти, вставайте. Если молоды, то еще поспите, а если нет, то уже поспали, хватит. Вставайте!

Это Леонид Антонов, наш представитель Союзинторгкино. Он еще ночью приехал на Лос-Анджелесский вокзал. Поезд «Санта Фэ» прибыл, а нас нет. Он долго недоумевал и волновался, пока не разыскал наш вагон где-то в тупике, ну а мы крепко спали, воспользовавшись хорошим американским правилом — не будить пассажиров на конечных станциях.

Едем по раннему Лос-Анджелесу, рядом с которым находится центр американского кинопроизводства, «фабрика снов» — Голливуд. Моросит дождь. Улицы пустынны, но машина всякий раз ждет зеленого сигнала светофора. Тепло, пахнет апельсиновыми деревьями и бензином.

В номере гостиницы «Никербоккер» — плакат, приветствующий советских кинохроникеров. Быстро устроив дела, едем на студию «Двадцатый век».

Нас встретил продюсер Борис Мороз, круглоголовый и веселый толстяк, хорошо говоривший по-русски. Он слегка озадачил и нас и Антонова: здороваясь, безошибочно назвал каждого по имени и фамилии. Через много лет он напишет о себе книгу: «Десять лет в контрразведке», а в Голливуде даже сделают фильм, в котором некий актер сыграет роль Бориса Мороза.

Было еще около восьми часов утра, а в буфете уже завтракали одетые и загримированные актеры. С нами за столом сидела героиня экзотических фильмов актриса Джен Терней.

Нам показали наружные декорации. Под открытым небом стояли безлюдные улицы разных городов мира. Появилось солнце. Меньше минуты ехали мы че-

рез Париж и оказались в Лондоне, который сразу, конечно, узнали. Дальше были китайские фанзы, индийские дворцы, ковбойские таверны дикого Запада. Эти прекрасные декорации так и переходят из фильма в фильм с маленькими изменениями.

В павильоне знакомимся со старым, известным еще по лекциям во ВГИКе, режиссером Эрнестом Любичем. Он снимает сцену в декорации, изображающей, по его словам, библиотеку дьявола. Жалуясь на то, что съемка на цвет требует много света, он, показав на полки с огромными и толстыми книгами, сказал:

— В этих книгах записаны грехи всех людей.

— Значит, там записаны и наши с вами грехи? — спросил я его без всякой задней мысли.

Эрнест Любич густо покраснел и ничего не ответил.

Позднее узнали мы, в чем дело. Я попал в точку. Этот режиссер оказался постановщиком антисоветского зубоскальского фильма «Ниночка». В главной роли снималась Грета Гарбо.

На студии «Братья Уорнер» нас принял один из братьев — Гарри. Еще на улице мы увидели, как какой-то маляр хлопнул старика по плечу и сказал: «Хелло, Гарри!» Возможно, это был спектакль для нас. Гарри угостил нас ланчем и был очень радушен. Студия «Братья Уорнер» славилась новинками в технике кино. Здесь были сняты первые в мире звуковые и цветные фильмы.

Мы наблюдали, как снимается фильм «Песнь о России». Декорация изображала Кремлевскую стену. Во время перерыва к нам подошел невысокий, худощавый актер в форме сержанта Красной Армии и спросил: «Москвичи?» Получив утвердительный ответ, сказал с грустью:

— Я тоже был когда-то москвичом.

Его лицо кажется мне удивительно знакомым. Спрашиваю фамилию.

— Шаляпин.

Я не удержался и сказал:

— Как вы похожи на своего отца.

Константин Коровин пишет в воспоминаниях о поразительном сходстве этого Феди Шаляпина со своим отцом.

Фильм «Песнь о России» шел у нас с большим успехом.

В тот же вечер режиссер фильма Григорий Ратов пригласил нас к себе в дом и угощал в маленьком баре, где вместо стульев были цветные бочонки, показывал разные редкости. Вот серебряный поднос с надписью: «Его Императорскому Величеству от верноподданных города Саратова». Вот рояль, на котором играл Рахманинов незадолго до кончины. В последние дни он говорил: «Живу от газеты до газеты, до известий о новых победах Красной Армии». По словам Ратова, Рахманинов оставил завещание, где просил, чтобы после войны его тело перевезли на родину, для этого он купил свинцовый гроб за три тысячи долларов.

— У меня десять тысяч граммофонных пластинок,— предлагает хозяин,— заказывайте, что хотите!

Прошу поставить увертюру к опере «Руслан и Людмила».

А за открытыми окнами теплая калифорнийская ночь.

Сильное впечатление на нас произвел фильм Ратова «Интермеццо». Позднее он создал еще много фильмов, в том числе «Мужчины в ее жизни», который в нашем прокате шел под названием «Балерина».

Обнаружилось, что я забыл в Нью-Йорке в гостинице туфли. В «Одноэтажной Америке» Ильфа и Петрова их спутник мистер Адамс постоянно забывал свою шляпу в гостиницах, и всякий раз ее присылали, едва они прибывали в очередной город. Это восхищало авторов, не заметивших, что их разыгрывали. Так рекламировалась Америка. Мои туфли никто не прислал, хотя там следили за нами и знали, куда мы уехали.

Режиссер Франк Капра руководил производством документальных фильмов о войне. Нам показали его новую работу «Битва за Россию», смонтированную из нашей кинохроники. Получилась картина большой, впечатляющей силы. Быстрый темп, напряженный ритм монтажа — и все это без риторики и трескучих фраз, без длинных, затянутых кусков. Фильм показывал сотрудник Капры, хмурый и сдержанный А. Литвак. Зажегся свет, мы вышли покурить, а когда возвратились, Литвака уже не было. «Знаете, что сказал

Литвак о вас? Он говорит, придет время, когда и нам придется воевать с Советским Союзом!»

И это было сказано в 1943 году, когда Красная Армия один на один вела кровопролитные бои, когда только что были разгромлены немцы под Сталинградом, когда мы спасали от коричневой чумы весь мир, в том числе и Соединенные Штаты.

Мы побывали и в консерватории Лос-Анджелеса на концерте популярного тогда дирижера Пола Уайтмана. На сцене был обычный оркестр, но дирижер держал в руках не палочку, а длинный хлыст. Размахивая им, он чуть не доставал до лысин музыкантов.

Туристов, приезжающих в Голливуд, возят по улицам и показывают дома, где живут кинозвезды. Путеводители, открытки, планы Голливуда полны фотографий и описаний этих особняков, обнесенных заборами.

Конечно, нельзя было не заметить и одной любопытной особенности Голливуда. Там необыкновенно много красивых девушек. Продавщицы в магазинах, официантки в ресторанах и кафе, даже лифтерши в гостиницах были одна красивее другой. Объяснялось это просто. Поверив ловкой и навязчивой рекламе в дешевых журналах, сотни девушек из всех Соединенных Штатов и даже из других стран, как бабочки на огонь, мчались в Голливуд. Большинство возвращалось разочарованными. Оставались те, у кого не было денег на обратный путь или кто еще на что-то надеялся. Они соглашались на любую работу в Голливуде или в прилегающих к нему районах, в разных заведениях неподалеку от него. А хозяева заведений были довольны, ибо имели постоянную возможность обновления штата за счет новых, согласных на любые условия искательниц славы.

У ворот каждой студии мы видели толпы таких искательниц счастья, зазывно улыбающихся, вращающих глазами и хихикающих.

В один из вечеров голливудские кинооператоры устроили с нами встречу в ресторане «Графиня Соня». Хозяйка ресторана, еще не старая женщина (говорили, что она настоящая графиня), была любезна и гостеприимна, пригласившие нас — мастера высокой квалификации. У них свой профсоюз, свой печатный журнал. Не стесняясь, они иронизируют по поводу продюсеров и фильмов, которые сами же снимают.

Режиссеров называют «операторами без головы».

Спрашиваю соседа, чем бы он хотел заниматься, когда ему уже трудно будет снимать фильмы.

— Я хотел бы сидеть продавцом в магазине кинофотопринадлежностей, следить за новинками, давать советы.

Самуэль Голдвин раньше был компаньоном фирмы «Метро Голдвин Майер». Теперь он создал новую фирму под своим именем. Нам он казался настоящим олицетворением капиталиста-хищника: высокий, хмурый, с большим острым носом и властным ястребиным взглядом. Не стесняясь нас, он грубо разговаривал с композитором Темкиным, а когда тот пытался возражать, стал кричать на него, хвастаясь перед нами своей властью.

Позднее, когда мы курили на лестнице, Темкин сказал:

— Вот, видели, в каких условиях мы работаем? Это и есть капитализм.

Композитор Темкин с удовольствием вспоминал о письме председателя Кинокомитета СССР И. Г. Большакова, в котором высоко оценивалось музыкальное оформление фильма «Большой вальс». Мы узнали, что именно он, Темкин, придумал эпизод, где Штраус создает свой вальс в венском лесу.

Позднее на студии «Метро Голдвин Майер» нас приветствовала актриса, игравшая роль жены Штрауса. А исполнительница главной роли, эстонка Милица Корьюс, лежала в те дни в больнице после автомобильной аварии.

Советское консульство в Голливуде устроило прием в честь фронтовых операторов. Приглашенные, как принято, прислали подтверждение о согласии быть на приеме. Не было известия лишь от Чаплина. Жаль, если мы его не увидим. Мы много слышали о его выступлениях на митингах и в печати, где он призывал открыть второй фронт против фашистской Германии.

Стоим при входе вместе с консулом, приветствуем гостей так, как нас научили:

— Как вам нравится Америка?

— О, это прекрасное место.

— Как вам нравятся американские девушки?

— О, это прекрасные девушки.

На встречу с советскими фронтовыми операторами был приглашен «весь Голливуд». Неподвижные улыбки кинозвезд. Они кажутся нам очень похожими на манекены в магазинах готового платья. Оказалось, что манекены по всей Америке действительно скопированы с самых крупных звезд экрана.

Я знал, что в подвале есть бильярд, и решил тихонько туда удрать.

Когда я спустился, Соловьев уже играл с каким-то стариком, которого я принял за работника нашего консульства.

— Разрешите, папаша, нам поиграть с приятелем!

— Пожалуйста, пожалуйста,— и старик передал мне кий обеими руками.

Когда мы поднялись наверх, прием был в полном разгаре. Заметно усилился шум, говор, смех. Гости находили знакомых, разговаривали группами, подходили к большому столу с закусками. На таких приемах решаются и деловые вопросы. К любому влиятельному лицу можно запросто подойти без секретарши, референтов и записи на прием.

Разговариваем с режиссером Жаном Ренуаром, сыном художника. Седовласый толстяк говорит простуженным голосом:

— У вас в Москве самое большое количество картин моего отца.

Ренуар был постановщиком многих известных фильмов: «Нана» с Анной Стэн, «Мадам Бовари», «Большие иллюзии» и других.

На днях он показывал нам свой фильм «Моя Земля». Фильм о Франции, о борьбе с немецкими оккупантами. На просмотре был писатель Лион Фейхтвангер, видимо, не очень здоровый. Он часто испуганно оглядывался на пустой темный зал и нам не сказал ни одного слова.

Случайно заглянув в пустой холл, где мы раньше стояли и приветствовали гостей, я увидел невысокого, плотного седого человека и мгновенно догадался, кто он. Впервые увидев его без усиков, без котелка, короткого пиджака, широких штанов, больших ботинок и тросточки, я по его улыбке, по тому, как он ловко снимал с себя легкое пальто, понял, что это Чаплин.

Быстро отыскиваю своих товарищей и шепчу им: «Ребята, Чаплин приехал». Гости смолкли, расступились, и мы слышим чей-то иронический пьяный голос:

— Знакомьтесь, это наш голливудский комиссар Чаплинский!

К нам, улыбаясь, подходит седовласый Чаплин:

— Гайда, тройка, снег пушистый. Это все, что я знаю по-русски.

Плотно окружив Чаплина, мы почти зажали его в угол. Спрашиваем, почему он не был в Москве.

— Я очень боюсь путешествовать. В Японии, где мой пароход встречало несколько тысяч человек, меня хотели убить. Да, да! Вместо меня все же убили отца моего переводчика. Возможно, японцы еще тогда хотели начать войну с Америкой,— говорит он, продолжая улыбаться.— Вот было бы смешно, когда бы они узнали, что я английский подданный, а не американец. Кончится война, и я приеду к вам обязательно. Извините, я хочу посмотреть, кто здесь есть.

Мы расступились. Чаплин надел очки. Он молча смотрел на притихшую толпу гостей, никому не улыбнулся, ни с кем не поздоровался, казалось, что он смотрит на восковые фигуры.

Мы почувствовали неловкость, только тут заметив его спутницу, экзотическую красавицу, невысокую, стройную, в розовом платье, похожем на купальник, с вырезом на животе, без чулок, с крашеными ногтями ног. Ее черные прямые волосы, губы и большие глаза казались влажными. Она все время молчала, влюбленно поглядывая на Чаплина. Это была Уна, дочь драматурга О'Нила, молодая жена Чаплина, которая впоследствии родила ему восемь детей.

Когда мы напомнили об Эйзенштейне и Александрове, Чаплин вздохнул:

— Ах, какое хорошее было время!

Еще в Нью-Йорке я заметил странную моду американцев носить очень старые рубашки, такие старые, что на воротничках торчали ниточки. Это, вероятно, означало, что и мы, мол, несем тяготы войны. Удивило, что и на Чаплине была такая же старая рубашка. Думалось: зачем ему это надо? Но мода есть мода.

Чаплин сказал, что на днях он выступит на ми-

тинге перед грузчиками в Сан-Франциско. Будет говорить о том, чтобы скорее открывали второй фронт в Европе. Он достает платок, и из кармана падает бумажка. Ловко поймав ее, он читает и объясняет, что это поздравление ему от одного из членов Верховного суда Америки.

— Я такое скажу на митинге, что и этот судья может пригодиться,— говорит он, пряча телеграмму в карман.

Переводчиком был американец Володя. Переводил он совершенно синхронно, а когда было что-нибудь очень смешное, лицо Володи судорожно подергивалось, но он успевал перевести и смеялся вместе с нами.

Мы приглашены на студию Чаплина.

Наконец все гости ушли. Остались работники консульства. Тот самый старик, который отдал мне кий в бильярдной, рассказывает что-то очень интересное о Голливуде. Прислушиваюсь и понимаю, что он не служащий консульства. Всматриваясь в бритого худощавого рассказчика, я смущенно догадываюсь, что это артист Михаил Чехов.

По памяти он стал читать рассказ своего дяди Антона Чехова «Как я сделался помощником письмоводителя». Вскочив с места, он засеменил ногами вокруг стола, запел петухом. Лицо его покраснело, глаза блестели, казалось — он забыл всех присутствующих.

На следующий день вечером мы пришли на студию к Чаплину. Помещения пустуют. Съемок не ведется. Все уволены, кроме сторожа, открывшего нам ворота. Чаплин встретил нас в маленьком просмотровом зале. Он что-то проиграл на рояле, мы не поняли, что именно; потом засмеялся и, вскочив на спинку кресла, стал кричать в окошечко киномеханику, чтобы тот начинал фильм.

На экране кинокомедия двадцатилетней давности «Праздный класс». Чаплин играет две роли: рассеянного аристократа, алкоголика, от которого ушла жена, и бедного бродягу. В фильме много смешного. Вот, например: аристократ стоит спиной к зрителям и смотрит на портрет жены. Плечи его вздрагивают, полное впечатление, что он рыдает, а когда он поворачивается, видим, что он взбалтывает бутылку с

вином. Иногда от хохота мы сползали со стульев, Чаплин смеялся с нами. Потом я пожалел, что не догадался попросить у Чаплина разрешения показать этот фильм у нас в стране. Радостный смех, который он вызывал, был бы хорошим лекарством в госпиталях. Хотя едва ли он мог бы передать нам ленту, ведь право проката фильмов принадлежит коммерческим фирмам.

Далее был показан наш документальный фильм «Черноморцы». В те дни Севастополь был оккупирован фашистами, но на экране еще шла битва за Севастополь. Матросы стояли насмерть...

Зажегся свет. Чаплин долго сидел, опустив голову. Все молчали. Наконец он произнес:

— Надо, чтобы о войне знали в каждом американском доме.

Затем Чаплин повез нас в ресторан кинозвезд «Коричневая шляпа», где угощал пивом и плавленым сыром. На стенах в одинаковых рамках висели карикатуры на кинозвезд. Был там и Чаплин. Запомнился еще кто-то такой носатый, что часть его носа была рядом в отдельной рамке.

За столом мне вспомнились стихи Маяковского о Чаплине. Оказалось, что он их не знает. Хотя и не очень удобно было называть Чаплина «мятым человечишком из Лос-Анджелеса», но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Я помнил только начало и далее своими словами пересказал содержание стихотворения.

Чаплину перевели. Он заметно расчувствовался и спросил меня, есть ли у меня дети. Показываю фотографию маленькой дочки. Не говоря ни слова, Чаплин надел очки и написал на обороте карточки «Любовь», левой рукой нарисовал очень похожую на себя карикатуру и опять правой расписался — «Чарли Чаплин». Я заметил, что руки его покрыты желтыми пятнышками, вроде веснушек. Такие же пятна были и на руках Маяковского.

Тут и мои друзья попросили у него автографы.

Улыбнувшись, Чаплин сказал, что теперь мальчишки меняются автографами так: за один автограф Шерли Темпл дают пять его.

Он спросил, как мы обходимся без знания языка, и тут же очень смешно показал, как голодные ино-

странцы пришли в ресторан и пытаются объясниться с официантом.

Конечно, мы не могли не спросить Чаплина, над чем он сейчас работает.

— Пишу сценарий. Комедию, что-то вроде «Синей бороды». Мой герой влюбляет в себя богатых старух, забирает деньги и убивает их. На суде он скажет: почему меня приговорили к смертной казни за убийство бесполезных старух, а тех, кто посылает на смерть миллионы молодых людей, вы не судите? — Это был план фильма «Мсье Верду». Нам, видевшим столько убитых молодых людей, была понятна идея Чаплина, но до суда народов в Нюрнберге еще было далеко.

Через несколько лет он скажет репортерам: чтобы достичь мира на земле, надо призывать в армию людей старше пятидесяти лет. Готов пойти сам, если такой закон будет принят всеми странами мира.

Двадцать шесть лет спустя по шведскому телевидению я смотрел прямую передачу из Швейцарии. Осенний дождливый день, ветер рябит воду на озере. По берегу медленно бредет человек, кутаясь от холода во что-то похожее на старый капот. Его догоняют две маленькие девочки и протягивают ему мокрые цветы. Старик плачет. Это был восьмидесятилетний Чарлз Чаплин.

...Вернемся в Голливуд. Здесь во время войны кинематографисты на общественных началах создали особый клуб «Голливуд кантин» для солдат и матросов. Всем другим и даже офицерам вход туда был запрещен. Нам показали это своеобразное патриотическое заведение, похожее на цирк шапито. Гостей приветствовал дежуривший при входе известный актер. Кинозвезды первой величины давали автографы, актрисы танцевали с посетителями. Жены режиссеров, операторов и старенькие актрисы вроде Мери Пикфорд работали на кухне, готовили бутерброды и мыли посуду. Некоторые гости были заметно навеселе, хотя здесь спиртных напитков подавать не полагалось. В стороне мы заметили отдельные незанятые столики, там лежали объявления: «Ужин со звездой стоит 300 долларов». Это для богатых, сборы идут на нужды войны. Вот пример американской деловитости!

Вот уже более двух недель, как мы ежедневно завтракаем с одними американцами, обедаем с другими, ужинаем с третьими, и всем отвечаем на одни и те же вопросы: как нам нравится Америка и как нам нравятся американские девушки. Все это хорошо и мило, но второй-то фронт еще не открыт, и вот этого-то мы не могли забыть ни на минуту.

За одним обедом нас спросили: «Сколько денег получает русский солдат?» Василий Васильевич Соловьев сердито, но хорошо ответил:

— Русский солдат за деньги не воюет, а получает, как и у вас, меньше генерала!

Усталые от приемов и угощений, мы валялись на диванах в гостинице «Никкербокер». Вбегает Рува Халушаков:

— Ребята! Там внизу в вестибюле Мери Пикфорд.

Мы переглянулись с Васей Соловьевым и поняли друг друга без слов. Нам было неинтересно смотреть на старушку, торгующую косметикой. Но вспомнились старые немые фильмы «Длинноногий дядюшка», «Дороти Вернон» (Мери Пикфорд в главной роли). Мальчишкой, влюбленный в нее, я чуть было не послал ей письмо, но в журнале «Экран» прочел, что такие письма она получает сотнями в день и отвечает типографскими бланками.

Наконец пришло время отъезда. Предстояло ехать поездом до Сан-Франциско, а там пересесть на наш пароход. В день отъезда мы обедали в консульстве за общим столом. Один из молодых сотрудников рассказал, как на днях к нему пришла одна русская женщина. Она положила на стол узелок с драгоценностями, сняла кольца с пальцев и сказала: «Я Анна Стэн, прошу принять это в фонд Красной Армии. Это все, что я имею». А сотрудник ей говорит: «Красная Армия не нуждается в вашей помощи, госпожа Стэн». И заставил ее взять обратно драгоценности. Она заплакала и ушла.

Вспомнив, как в Лондоне посол Майский со слезами на глазах принимал собираемые в кинотеатре фунты стерлингов и как он сердечно благодарил публику, я сказал молодому дипломату:

— Вы не правы. Надо было принять ее подарок, дать расписку и поблагодарить.— Он зло покраснел

и переглянулся с одним человеком. Все молчали, настроение мое было испорчено.

Анна Стэн в двадцатые годы, когда кино еще не звучало, была известной актрисой. Картину с ее участием «Девушка с коробкой» иногда еще показывают по нашему телевидению.

Последнее американское чудо техники мы увидели в поезде. Это был невероятно длинный вагон-ресторан. Только на поворотах стало заметно, что он состоит из трех вагонов, соединенных резиновыми стенками.

Явившись на пароход «Трансбалт», подходим к капитану Гаврилову, и я, стараясь быть серьезным, говорю:

— Это специальная морская комиссия из Вашингтона.

Внимательно оглядев наши сшитые в Лондоне мундиры, капитан заметил желтые ботинки и засмеялся:

— Вижу, вижу, что не моряки!

Нас гостеприимно встретил и прекрасно устроил старший помощник капитана Факторович.

Вот мы и возвращаемся домой — четыре советских кинохроникера, впервые в истории попавшие в Англию и Соединенные Штаты и не снявшие ни одного метра пленки. Только тут на корабле нам удалось кое-что снять.

Это было так. Корабль наш шел между Камчаткой и Командорскими островами.

Мы с Микошей решили снять его на ходу, со стороны. Уговорили капитана. «Трансбалт» замедлил ход. Спустились на спасательной шлюпке. Договорились, что корабль сделает около нас большой круг. Матрос сидел на веслах. Корабль тронулся. Над нами очень низкие облака на сером небе, но волны с палубы казались маленькими. Снимать можно, если стоять во весь рост. По очереди держим друг друга за ноги. Шлюпку бросает в разные стороны. Гребни свинцовых волн временами закрывали корабль. Снимаем, прикрывая объективы от холодных и соленых брызг. В шлюпке полно воды. Вдруг подул сильный ветер и полил дождь. Кричим матросу, что съемку мы закончили, но где корабль? Кругом стена дождя; кажется, что нас покинули. Насквозь промокшие, дро-

жим от холода. Ветром отнесло дождевую тучу, и мы оказались около темного, высокого борта. Сверху опустили штормтрап. Веревочная лестница болтается. Матрос старается, чтобы шлюпку не разбило о борт корабля. Привязываю к руке ремни аппарата. Надо выбрать точный момент, чтобы ухватиться за мокрые веревки, повиснуть над качающейся лодкой, над волнами и подняться наверх. Это был цирковой номер. Наконец мы на палубе. Микоша утопил объективы и фильтры. «Трансбалт» пошел. Соловьев и Халушаков ругают нас за молодечество и хвастовство. Но капитан Гаврилов сказал:

— Вот теперь вы настоящие моряки.

У нас же было чувство удовлетворения — хоть немного поработали.

Моряки говорили, что их старый капитан очень любит игру в домино. Зная его слабость, они иногда шутили так: в кают-компании устраивали треск фишками об стол и прятались. Капитан спускался из своей каюты и удивлялся, что никого нет.

Во Владивостоке прощаемся с моряками, с «Трансбалтом». Как потом узнали — навсегда. Этот корабль потоплен японцами.

Последний этап нашего путешествия — поезд Владивосток — Москва.

Много раз я двигался по этой длинной сухопутной дороге, знаю на память все города и многие станции. После блеска и роскоши Америки вижу, как победнела наша страна. Раньше во всякое время года поезд окружали сибирячки, продающие всякую вкусную снедь: горячее картофельное пюре с маслом на капустных листах, байкальские жареные омули, яйца, пельмени, а теперь бросались в глаза грустные лица эвакуированных, голодные дети, просящие у вагонов.

Моим соседом по купе оказался актер Владимир Москвин. Он рассказывал любопытные истории о своем знаменитом отце. Слушая мои рассказы об Америке и Англии и понимая мое настроение, он прочел мне стихи забытого поэта Павла Васильева. Стихи мне так понравились, что я записал их со слов Москвина. Они начинаются словами:

Когда тебя спросят, откуда ты родом,—

и поэт советует:

Скажи лучше просто, что ты из России,
Где рядом с цветами навозная гать,
Где крепкие зимы, где степи большие,
Где можно устать и легко отдыхать.
Где лучшее средство от печени — деготь,
Где верят улыбкам и лучшего ждут,
Где люди, как дети, но страшно их трогать.
Не то подожмут и как сноп разотрут.
Скажи лучше просто, что ты из России,
Прекрасной России, каких не найти.
И каждый поверит, что ты что-то значишь,
Что с детства упрямым огнем одержим.
От бурь не согнешься, от бед не заплачешь
И что ни захочешь — все будет твоим!

На каком-то перроне замечаю пристальные взгляды летчика. Знакомое лицо. Пытаюсь вспомнить, где я мог его видеть. Он подходит ко мне:

— Вы кинооператор Лыткин? Не узнаете? Я летчик Мариненко, которого вы снимали на Камчатке. Вот еду на войну. Вы тогда меня так прославили в картине «День нового мира», что я стал получать письма с таким адресом: «Камчатка, летчику Мариненко».

Подъезжаем к Москве, к Ярославскому вокзалу, от которого в прошлом году и началось наше кругосветное путешествие.

СНОВА ВОЙНА

За время, пока я находился в Англии и Соединенных Штатах, положение на фронтах заметно изменилось. Сталинградская битва повернула движение войны на запад, но еще предстояло много боев и сражений.

Калининский фронт был на том же месте. Я возвратился в ту же фронтовую группу. Рассказы мои о загранице все слушали с большим интересом, а хозяйка дома, где размещалась наша база, сказала:

— Ну, теперь вам уж будет что вспомнить на том свете.

Ни я, ни те, кто меня тогда слушал, и не представляли, что самые-то необычайные приключения ждут меня еще впереди.

Новым начальником киногруппы стал один из студийных администраторов. Не успел я осмотреть-

ся, как начальник объявил, что есть указание выделить одного оператора в распоряжение командующего фронтом. Мы прибыли с ним на командный пункт, где он представил меня генералу армии А. И. Еременко.

Командующий фронтом, герой гражданской войны, был доброй души человек. Не знаю, записаны ли его рассказы, как он с автоматом в руках отстреливался от немцев на улицах Сталинграда. Он любил поэзию, говорили, что сам пишет стихи.

Начал я с того, что снял беседу командующего с молодыми солдатами и пробу щей из походной кухни, а закончив съемки, решил выбраться из оврага, где был замаскирован командный пункт фронта, и возвратиться на нашу базу. Меня предупредили, что назавтра предстоит важная съемка.

Рано утром два «виллиса» отправились в путь. На первом был командующий, на втором его охрана и я. Машины мчались с огромной скоростью по бездорожью. Куда? С трудом держусь на железном сиденье, прижимая к груди «Аймо». От толчков и тряски болят бока. Часа через три остановились на контрольном пункте, потом подъехали к разбитой деревне. Входя в уцелевший домик, командующий сказал мне:

— Вас вызовут, ждите.

Среди сидевших в кустах вижу фотокорреспондента. Знакомимся — Борис Вдовенко, его я знаю по «Известиям». Пытаюсь понять, что здесь происходит, и вдруг вижу Берию в стороне у машины. Догадываюсь — здесь Сталин. Это было 5 августа 1943 года около Ржева в селе Хорошево.

Наверное, именно эту съемку и имели в виду, когда меня выделили в распоряжение командующего фронтом.

По шоссе двигались машины, шли какие-то люди, и никто не подозревал, что вот в этом маленьком домике находится сам Сталин. Начинаю различать охрану, незаметную на первый взгляд. Светит солнце, за домиком лежит подбитый танк — вот и фон! Время идет. Эх, была не была! Я встаю, беру «Аймо», иду к домику.

— Я прибыл с командующим фронтом, я кинооператор.

— Вам сказано, что вас вызовут, сидите и ждите!

Возвращаюсь в кусты. Борис Вдовенко говорит, что со съемкой ничего не выйдет.

Солнце светит, время идет. Но вот возникло движение. Заработали моторы машин. Одна из них, «эмка», с двумя ведущими осями, подошла вплотную к дверям домика. Кто сел в машину, мы не видим. Машины уезжают, а мы с Вдовенко остаемся. Недолго думая, я влезаю на какой-то «виллис» и кричу шоферу: «Гони!»

Мы с Вдовенко догнали колонну, как вдруг с задней машины охранники стали махать нам ручным пулеметом, да так выразительно, что мы остановились, развернулись и опять оказались у того же домика, где, как позднее стало известно, Сталин действительно совещался с командующими фронтами.

Снимаю для кинолетописи этот домик.

Возвратился генерал армии. Наверное, никто никогда таким тоном не упрекал командующего фронтом, как я, кинооператор с капитанскими погонами. Мой голос срывался, я кричал, что история не простит того, что я не снял Сталина. Вижу, он с пониманием относится к огорчению кинохроникера. Опустив голову, он тихо сказал:

— Товарищ Сталин не согласился сниматься потому, что не был одет в маршальскую форму.

Понимаю, что мои попытки снять Сталина были, конечно, безрассудны. Но кто знал, что потом все это обернется страшным для того времени слухом: «Лыткин не снял на фронте Сталина и за это попал в штрафную роту».

На командном пункте мне нечего было больше делать. Побывав на «базе», я направился ближе к передовой.

В деревне располагалась полевая почта. У меня и раньше возникало желание снять, показать, что такое полевая почта. Тут мне повезло. Рассказали, что совсем недавно через эту почту на имя одного старшины за короткое время пришло более тысячи писем. Это случилось после радиопередачи о герое, гвардии старшине Афанасии Антипине. Между прочим, там говорилось, что в последнее время старшина загрустил. Ему перестала писать любимая девушка. Был указан и номер его полевой почты. И вот на

имя Афанасия Антипина посыпались письма — десятки, сотни, чуть ли не каждый день. Удивление старшины сменилось недоверием, ему казалось, что его разыгрывают. Показав работу почты, я разыскал и часть, где служил Афанасий Антипин. Старшина с друзьями раскладывали на плащ-палатке огромное количество девичьих фотографий. Боевые товарищи Антипина помогали ему справляться с такой перепиской. Кто знает, может, там решалась и чья-нибудь судьба, да и не одна. Эти съемки вошли в документальный фильм «Комсомольцы», выпуск 1943 года.

Неожиданно знакомлюсь с фотокорреспондентом «Правды» Михаилом Калашниковым. Это был высокий, скромный, интеллигентный человек, несколько медлительный, никак не похожий на юрких фоторепортеров, обычно вызывающих улыбки у публики.

Невдалеке постреливала артиллерия. Дело было к вечеру, саперы восстанавливали мост после бомбежки. Я пригласил озябшего Калашникова переночевать в свою машину. Это была та самая полуторка с крытым кузовом, внутренность которого напоминала двухместное купе спального вагона.

Моего напарника в тот раз не было, а шофер, он же и повар, спал у себя в кабине. Кругом было картофельное поле. Накопав картошки, мы хорошо поужинали и, конечно, разговорились.

Меня очень интересовала поездка Калашникова в Берлин незадолго до войны на переговоры Молотова и Риббентропа. Жалею, что не записал его рассказы. Но кто знал, что через месяц он погибнет на Южном фронте, под Киевом.

Поездка в Берлин готовилась секретно. За сутки до отъезда у Калашникова украли специально сшитый ему костюм. Новый костюм сшили за одну ночь.

На перроне Белорусского вокзала готовился к отходу специальный поезд. Фоторепортеры вздыхали: ах, если бы и нам-туда поехать. Калашников сказал: «А я еду». У всех вытянулись лица от изумления, когда он действительно вошел в вагон.

О том, как шли переговоры, тогда подробно сообщалось в газетах. Калашникову было трудно снимать, у него не было вспышки-«блица». Приходилось угадывать моменты, и снимать с выдержкой на «тик-так». Фотографии в «Правде» были отличные.

— После каждого приема,— рассказывал Калашников,— едва уходили официальные лица, я видел, как охрана набрасывалась на еду, пожирая ее и пряча в карманы. В Берлине был голод.

Рано утром мы распрощались. Калашников уехал, взяв с собой маленький узелок картошки.

Меня не покидает одна мысль: хочется снять что-то необычное, заметное и этим как бы компенсировать то время, которое я провел в Англии и Америке.

Вдохновлял и пример операторов Ивана Панова и Зиновия Фельдмана. Они решили, по их словам, «пострадать с народом», решили проследить судьбу одного солдата в штрафной роте.

Рано утром они снимают митинг перед боем. Задача — взять деревню. Панов снимает крупные планы «своего» солдата. Кончилась артподготовка, солдаты вылезли из щелей, пошли вперед. Панов и Фельдман с ними. Наш солдат не обращает внимания на киносъемку. Вот взяли в плен немца-радиста. Вдруг осколок снаряда смертельно ранит этого солдата. Операторы снимают, как ему оказывают помощь. Последние слова умирающего:

— А в Туле меня увидят?

— Увидят, увидят.

Операторы сняли и похороны этого солдата, а когда узнали, что весь взвод представлен к награде, написали в Москву, на студию, чтобы сняли, как в Туле будут вручать орден Отечественной войны семье этого погибшего солдата.

Больших событий тогда на нашем участке фронта не было. Я решил показать будни войны и выехал на Витебское направление. Съемки мои удались. В старой записной книжке я нашел несколько фамилий тех, кого снимал. Вместе с минерами инженерного батальона лейтенантом Николаем Михайловичем Цымболовым и рядовыми Дмитрием Егоровичем Михеевым и Семеном Петровичем Ермошкиным я ползал на нейтральную полосу, снимал, когда они делали проход для разведчиков. Они обезвредили тысячи немецких мин. Вечером я пил чай у них в блиндаже. Они с любопытством рассматривали мой паспорт, куда была вложена отсрочка от призыва в армию до конца войны.

— Ну мы-то уж что? Нам уж так положено. А ты-то вот зачем лезешь с нами?

Не знал я тогда, что «отсрочка» моя уже закончилась.

Снимаю артиллеристов, полковника Петра Ивановича Чайковского. Сам полковник награжден орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда». В монтажном листе я назвал грохот орудий «музыкой Чайковского».

Тяжел был Северо-Западный фронт, потом Калининский и, наконец, все три Белорусских — леса, болота, дожди, грязь. Тяжел и для солдат, и для кинохроникеров, и цель моя была показать все это.

Фронтовым кинооператорам редко, но все же удавалось побывать в Москве, на студии. Получаю и я разрешение поехать в Москву. Везу с собой восемьсот метров пленки, снятой в окопах под Витебском. Настроение прекрасное. Правда, я заметил что-то странное в поведении заместителя начальника киногруппы. Провожая меня, он был чем-то смущен, отводил глаза, но, радуясь поездке, я как-то не обратил на это внимания.

По дороге в Москву у меня созрело твердое решение пробраться к партизанам, создать фильм о народных мстителях. Теперь надо, думал я, подъезжая к Москве, договориться о съемках с председателем Кинокомитета И. Г. Большаковым и с П. К. Пономаренко, командующим всем партизанским движением.

— Тебя ищут! — сказали мне в Москве.

— Кто?

— Начальник Главкинохроники.

Его кабинет находился в здании студии.

— В чем дело? Что случилось? — спрашивает он меня, тревожно закрывая дверь.

Я не понял вопроса.

— Да разве вы не знаете, что уволены из операторов, что вас приказано отправить рядовым на передовую? Это правда, что вы не сняли товарища Сталина? — прошептал он, бледнея.

Если бы в этот момент на полу кабинета началось извержение вулкана, я бы меньше удивился.

Мчусь в Кинокомитет к И. Г. Большакову.

— Да, такой приказ есть, изменить его невозмож-

но, хотели наказать другого, не снято освобождение Смоленска.

— Но ведь там другой фронт, другая киногруппа!

— Знаю, что вы тут ни при чем. Должны были наказать другого. Поезжайте в армию, я о вас буду помнить.

Потом стало известно, что Большаков объявил мне только выговор, понизил в категории, но отменить приказ свыше он не мог.

В военкомате мне вручили предписание следовать в такой-то запасной полк. Работник удивленно шепчет:

— Ведь сталинские лауреаты и академики от призыва освобождены!

Делаю вид, что его не слышу.

На студии сдаю аппаратуру. От меня шарахаются, как от чумного.

В это время выходил на экран «Союзкиножурнал» № 76, где весь кинорепортаж с фронтов Отечественной войны был заполнен моими съемками «На Витебском направлении». Журнал был выпущен без указания фамилии оператора.

Уезжаю на фронт. Замерзшие окна трамвая освещались цветными огнями: салют в честь освобождения какого-то города.

Запасной полк. В углу двора группа солдат кавказцев образовала кружок. Лиц не видно. Они кружились, обнявшись, тихо напевая что-то грустное. Тут появился офицер, тоже кавказец. Он что-то приказал солдату, тот пошел.

— Почему пешком? Надо бегом!

Утром я в маршевой роте. Днем были в расположении штаба 11-й армии. Построились, речи напутствия. Вдруг команда:

— Повара, сапожники, фотографы: шаг вперед! — Ко мне никто не обратился. Пошли дальше. Кто-то из офицеров подскочил ко мне и прошептал: — Тебя взять не могли, есть секретный приказ — только на передовую.

Фронтовые кинооператоры и многие, кто меня знал, до сих пор убеждены, что я был в штрафной роте. Это неправда. В штрафные роты попадали по суду. Провинившихся судили в их присутствии, можно было оправдаться. Осужденный имел определен-

ный срок, который сокращался в случае ранения. По окончании срока штрафнику возвращалось звание, должность и все остальное, снималась судимость. Меня же отправили на передовую, не задав ни одного вопроса, тайным приказом.

Только потом я узнал о той «рубке леса» в верхах, от которой и полетели на передовую «щепки» — я и редактор фронтовой газеты. Нужно было отстранить командующего фронтом. Для этого и было подстроено мое назначение — а командующего обвинили в том, что он «окружил себя подхалимами, которые расхваливали его в газете и снимали в кино».

...Тяжелые бои в марте 1944 года. Однажды наш наблюдатель корректировал стрельбу минометчиков, приданных стрелковой роте. С ним порвалась телефонная связь, где-то был перебит провод. Мы оказались под сильным обстрелом. Послали солдата восстановить связь. Солдат не вернулся. Послали другого — тоже. Лейтенант Забавный спрашивает:

— Ребята, добровольцы есть?

— Есть!

— Давай, Лыткин, давай!

Вылезаю из щели. Мины рвутся рядом, со звоном. Снег черный. Теперь я знаю, порох не пахнет, пахнет горячий металл — окалина, как в кузнице. Все эти выражения: «нюхал порох», «порохом пропах» вычитаны из старых книг.

Нашел обрыв, устранил; притащил раненого товарища.

Немцы были быстро накрыты нашими минами и замолчали. Стало тихо, вот и все. Осколками мне только поцарапало руки и губу, все лицо в крови. От меня шарахались, посылали на перевязку в землянку ППМ (полковой пункт медпомощи). Там осмотрели, помазали и дали справку о ранении. Вытираюсь снегом, ничего серьезного, идти в санбат незачем.

Рядом с нами штрафники — оказывается, это был их особый ППМ. Тут выдавали справки раненым штрафникам. Такая справка давала раненому право немедленно уйти в тыл. Вот одного царапнуло осколком. На моих глазах он давит из руки несколько капель крови и получает справку о ранении.

Опять обстрел, все полезли в щели, и тут я увидел неповторимую, незабываемую сцену. Получив-

ший справку штрафник не стал ждать затишья. Он вылез из щели, встал во весь рост, обернулся плащ-палаткой и, не пригибаясь, зашагал в тыл.

Затаив дыхание, мы смотрели ему вслед. Мины рвались у него под ногами. Он скрылся за гребнем холма. Ждем, появится ли еще. И вот опять сквозь дым видим: идет так же...

Фронт стабилизировался. Я в тылу, но это относительно. Еще вчера повар с кухней за холмом казался нам в тылу, а сегодня штаб дивизии — это уже глубокий тыл, от передовой километра два.

В нашей роте появился инструктор политотдела. Он беседует с бойцами. Командир роты лейтенант Забавный направляет его ко мне.

— Вы, говорят, кандидат партии? Теперь вам надо оформить переход в члены, как отличившемуся в бою.

— Видите ли, я солдат особый. Могут подумать, что я ищу способ избавиться от наказания, хотя ни в чем и не виноват.

— Какая ерунда! Вы же отличились в бою. Командир роты вас рекомендует. Мы вас вызовем.

Прошло несколько дней, и меня вызвали на дивизионную партийную комиссию. Довольно долго идем в полной темноте. В большом подвале многолюдно и тепло. Я прислонился к теплой печке и задремал. Слышу свою фамилию, подхожу к красному столу, вижу опущенные лица членов комиссии. Один встал и, глядя куда-то сквозь меня, сказал:

— Мы не знаем, что такое с вами произошло, поэтому дивизионная партийная комиссия воздерживается от приема вас в члены партии.

Пришло пополнение, занимаемся боевой подготовкой.

Командира нашего полка минометчики прозвали Суворовым. Невысокий, худощавый, с бледным интеллигентным лицом, светлоглазый, он часто появлялся на передовой в самых опасных местах. Однажды мы оказались вдвоем. Он улыбнулся и вполголоса сказал: «Держись, солдат, кончится война, приду к тебе помощником». Это запомнилось на всю жизнь. Лучшего утешения для меня тогда быть не могло. Звали его Виктор Георгиевич Кривич.

Прошло много лет. Как-то, находясь в больнице, я услышал, что меня хочет видеть какой-то генерал. В палату быстро вошел военный. Я сразу узнал Виктора Георгиевича. Он почти не изменился, такой же шустрый, а не виделись мы около сорока лет. Начались воспоминания. Судьба Кривича удивительна. Всю войну он провел на передовой, поднимая солдат в наступление, и не получил ни одного серьезного ранения. О нем рассказано в книге генерала Галицкого «История восемнадцатой дивизии», в книге Медведева «Под гвардейскими знаменами». Вот перечень его военных наград: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны первой и второй степени, два ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и многие другие.

«Помощником» моим так он и не стал. После войны его успехи не менее удивительны: он двадцать четыре года был председателем колхоза, начав с самого отстающего, и вот его новые награды: два ордена Ленина, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции.

Он интересовался моей судьбой, пытался разыскать меня, но всякий раз я оказывался за рубежом. Как выяснилось, тогда, в войну, он был в курсе моей «истории» и в один из своих приездов в Москву даже встречался с нашим министром Большаковым, беседовал с ним обо мне. Возможно, это и повлияло на мое возвращение во фронтовую киногруппу.

Живет теперь В. Г. Кривич в Тульской области.

В июне 1944 года фронт был прорван, и мы зашагали по освобождаемой Белоруссии. Почти каждый день продвигаемся километров на пятьдесят почти без потерь. Все воодушевлены, такая война нам нравилась. Я тащу минометную плиту (хорошая защита от осколков).

Тяжелая была плита, но когда обстреливали с воздуха и все ложились, когда самолеты, пикируя на нас, казались неподвижно висящими, надежда была только на нее.

Теперь я не слишком-то верю рассказам очень много знающих солдат. В бою солдат находится в полном неведении того, что происходит вокруг. Он за-

нят своим делом: стреляет, делает перебежки, выполняет приказы, оказывает помощь товарищу, заботится о еде, о куреве, ругает старшину и не запоминает мелких населенных пунктов.

Мы шли и шли вперед, не всегда останавливаясь при обстрелах. Второпях однажды начали было воевать через холм со своими,— было и такое. Дошли до большой реки. Берега покрыты хвойным лесом. Кажется, это Неман. Кто на том берегу — неизвестно, нужна разведка. Вызывают добровольцев. Плаваю я хорошо. Даю согласие, но меня не посылают. На другом берегу никого не оказалось. Наши части остановились. Закончилась операция «Багратион».

За мартовские бои я был представлен к ордену Славы III степени, но вручили мне его уже после Белорусского похода. Всегда с гордостью вспоминаю о том, что принимал участие в освобождении Белоруссии, в знаменитой операции «Багратион».

В походе много говорили о погибшем молодом командующем фронтом Черняховском. Солдаты утверждали, что именно он разработал такой план наступления, по которому каждая дивизия, полк знали, когда и где они должны быть с точностью до часа, как расписание поездов. Все так и было. Наши части, не завязывая упорных боев, обходили противника точно по плану. В тылу оказались сотни тысяч немцев с генералами, потерявшими управление войсками. Это они потом дефилировали по Москве, а за ними двигались машины с цистернами, смывая грязь на улицах.

Операция «Багратион» прошла почти без потерь, вот когда и мы научились воевать.

...Неожиданно меня назначили фотографом при политотделе дивизии. Разрешили съездить в Москву, дали деньги на необходимое оборудование и материалы. В Москве я повидал только одного Александра Петровича Довженко. Он сказал по поводу моего «разжалования»:

— Вы наехали на мину.

На студии я не был.

Довженко всегда был собеседником, которому я даже мысленно не мог ничего возразить. Но на этот раз слова его мне ничего не объяснили.

После этого у меня началось, пожалуй, самое

беззаботное и благополучное время. Я делал снимки для партийных билетов. Но каждый просил сделать ему лишнюю карточку, разве солдату откажешь! Грустно было видеть те же фотографии на окровавленных партбилетах погибших.

Я никуда не писал, ничего ни у кого не просил и не ждал никаких перемен. Но вот совершенно неожиданно меня вызвал начальник политотдела гвардии полковник Иван Афанасьевич Пастухов.

— Внизу стоит моя машина. Она отвезет вас в политотдел армии. Есть приказ отправить вас в тыл. Теперь уже я отвечаю за вашу жизнь. Поторопитесь!

Через много лет, работая представителем Совэкспортфильма в Англии, я встретил в Лондоне И. Г. Большакова, заместителя министра Внешней торговли. Наше объединение подчинялось этому министерству, и Большаков стал опять моим начальством. За ужином очень хотелось расспросить его о подробностях моей фронтовой истории, но я сдерживался. Большаков сам заговорил на эту тему. Он рассказал, как, отдыхая в Барвихе, встретился с Еременко. Когда речь зашла обо мне, Еременко встал, ударил кулаком по столу и очень нелестно выразился «об одном руководителе».

И вот я снова в той же киногруппе, в тихом домике и опять инженер-капитан. Отдыхаю, отсыпаюсь, примеряю новое обмундирование. Теперь у нас новый начальник — режиссер А. Медведкин.

Из тех, кто начал войну с киноаппаратом, почти третья часть погибла. В дело стали активно включаться новые операторы и корреспонденты. Совсем недавно командующий 3-м Белорусским фронтом генерал Черняховский беседовал с журналистами и киногруппой. Кто-то из новеньких пожаловался, что ему не выдают пистолет. Черняховский сказал:

— А зачем вам пистолет? Если немец допустит вас на расстояние пистолетного выстрела, это значит, что он хочет сдаться в плен.

У нового нашего начальника, известного режиссера Александра Медведкина, возникла идея обучить киносъемке самых смелых солдат из разведчиков. Командование фронта пошло навстречу. Отбирая ребят в частях, им говорили, что они будут осваивать новый вид оружия. Мне было поручено зани-

маться с первой группой сержантов, обучать их технике съемки.

Солдатские киноаппараты внешне были похожи на автоматы ППШ. Во время съемки надо было целиться, как из ружья, в котором вместо ствола была толстая трубка с объективом. Внешне это выглядело очень эффектно, по-военному — кинопулемет!

В моей группе оказалось пятнадцать отличных парней, имевших более полусотни правительственных наград, у некоторых за плечами были многие годы заключения. После первых практических занятий мои операторы с хохотом рассказывают, как бледнеют генералы в проезжающих машинах, видя, что солдаты целятся в них. Конечно, я запретил им так шутить. Запрещать приходилось многое. Все они были похожи на обыкновенных мальчишек.

Размещались мы в маленьком домике в роще, в стороне от литовских хуторов. Старшина группы Саша Емельянов однажды докладывает:

— Товарищ капитан, «языка» достали!

— Какого «языка»?

— Барана!

Продуктов у нас было достаточно, и я запретил им добывать таких «языков».

Ребята говорили, что самая трудная кража — «украсть» живого немца. Делалось это и так. Ночью на определенном участке фронта артиллеристы устраивают отвлекающую стрельбу, а дивизионные разведчики ползут в это время за «языком». Саперы открывают им проход. Вот они уже на нейтральной полосе прижимаются к земле при свете немецких ракет. Вот и вражеский блиндаж. Из трубы идет дым. Часового убирают бесшумно, ножом. Из блиндажа слышна немецкая речь, смех. Разведчик ползет к трубе и опускает туда противотанковую гранату. Сразу же после взрыва в блиндаж врываются ребята, в дыму находят живого немца, суют ему в рот кляп и волокут к себе. Тут начинается главный переполох: светят ракеты, летят трассирующие пули, а наши артиллеристы теперь искусно прикрывают отход разведчиков. «Язык» обычно не сопротивляется. Все хотят жить.

Да, все мечтали о главном: остаться живыми. Их рассказы были похожи на сказки со счастливым концом, которого и ждали слушатели.

— Один офицер сомневался, все думал, кто его больше любит: жена или та, с которой он связался перед самой войной. Решил проверить. Ему предстояла командировка в тыл, в родной город. Он написал обеим, что ранен, остался без ног и прибудет таким-то поездом. На перроне видит только свою жену и веселый выбегает из вагона с золотой медалью Героя Советского Союза.

На опыте занятий с сержантами я убедился, что обучить технике киносъемки человека можно за 2—3 месяца. Все остальное — общая культура, вкус и мастерство — приложатся.

На границе с Восточной Пруссией кто-то установил щит с надписью: «Вот она, проклятая Германия». После разгрома немецких войск в Белоруссии и Прибалтике Восточная Пруссия превратилась в сплошной укрепленный район. Наконец страшная буря вернулась на землю, с которой был посеян ветер — войска 2-го и 3-го Белорусского фронтов перешли в наступление. Двинулся и я с операторами.

У моих ребят много удали, тщеславия и полное презрение к смерти. Снимая, они пробирались к немцам в тыл и устраивали засады. Один бросал гранаты в проходящие машины, другой это снимал, потом менялись ролями.

Иван Василенко и Георгий Солпухов сняли, как наши солдаты брали немецкую траншею. Алексей Комаров снял, как «Фердинанд» подавил нашу пушку вместе с расчетом. За два дня наступления они израсходовали всю пленку.

Режиссер Александр Медведкин, когда берется за какое-либо дело, увлекается и заражает всех своим энтузиазмом. В одной статье он пожалел о том, что поздно, только в конце войны, дали солдатам киноаппараты. Но снимающие солдаты, конечно, не могли заменить профессиональных кинохроникеров. Просматривая позднее съемки сержантов, я обнаружил, что ни одного куска, ни одного метра нельзя было использовать в кинохроникальных фильмах. Все ими снятое казалось на экране скучным, натуралистичным, «не живым», хотя специалисты поняли бы, что снято это было в очень опасных условиях. Тут я понял, что сама затея сделать кинохроникеров из храбрых солдат не удалась, потому что война —

это не совсем то, что мы показываем в киножурналах или видим на картинах художников-баталистов.

Когда-то, еще до войны, я снял, как забивают морских котиков на Командорских островах. Алеут орудует длинной палкой с шариком на конце. Размахнувшись, он точно попадает в нос намеченного котика. Когда смотрели это на экране, некоторым стало дурно. А на войне? Тут не котики, живые люди.

Мы с сержантами заняли чистенький домик на окраине какого-то немецкого городка. Мне было интересно и весело заниматься с сержантами-операторами, но все же тянуло снимать самому. Я стал просить, чтобы меня заменили.

Почти всю войну был фотокорреспондентом армейской газеты оператор Владимир Крылов. В составе нашей киногруппы находился его брат Анатолий — самый отчаянный кинохроникер, единственный из всех фронтовых операторов, дважды награжденный орденом Боевого Красного Знамени. Владимир был откомандирован к нам, ему и поручили продолжать занятия с моими сержантами, а я выехал на другой участок фронта. И вот судьба: на домик, откуда я накануне выехал, падает немецкая авиабомба. Погибло и ранено много сержантов-операторов, а от Владимира Крылова были найдены только его очки.

В конце 1944 года мы объединились с кинооператором Василием Дульцевым. Когда-то мы учились на одном курсе во ВГИКе и жили в одной комнате студенческого общежития. В начале я рассказывал, как был удивлен, увидев в списке студентов нашего курса фамилию Л. Троцкий. Это было осенью 1929 года. Потом Троцкий стал Дульцевым — нашлась его сестра, и Леонид стал Василием. Оказалось, что после революции он воспитывался в детском доме, где и получил фамилию Троцкий.

Буквально накануне известной операции «Багратион» немцы захватили раненого разведчика Юрия Смирнова. На допросах он молчал, зная, что через сутки начнется наступление. Его пытали и распяли на кресте. Через несколько дней солдаты из той части, где служил Юрий Смирнов, нашли тело своего товарища в полутемном немецком блиндаже. Это было 27 июня 1944 года под Оршей.

Мы с Дульцевым снимаем Марию Федоровну

Смирнову, приехавшую из города Макарьева в часть, где служил ее сын, Герой Советского Союза. Здесь она усыновила лучшего друга своего сына, солдата Юрия Абравского, сироту, уже трижды раненного.

Наступление наших войск продолжается. Немцы бросают много разного оборудования.

Наши части с двух сторон обошли город Тильзит. В первую ночь в безлюдном городе был только военный комендант, с ним двадцать автоматчиков и мы с Дульцевым. Рано утром снимаем. Вот на площади немецкий плакат «Мы никогда не сдадимся!» и рядом реклама кока-колы. Снятые нами боевые эпизоды, герои наступления и все остальное войдет в документальный фильм режиссера Я. Посельского «В логове зверя».

Командование 3-го Белорусского фронта награждает меня, как фронтового оператора, орденом Отечественной войны I степени.

Василия Дульцева перебрасывают на другой фронт. Теперь я работаю со звукооператором Михаилом Соболевым. Снимаем синхронные интервью с беженцами. Вот две исхудалые женщины: Евдокия Степановна Кускова из города Луги Ленинградской области и полька Станислава Кашевская. Обе работали у помещика Курта Энгельда в местечке Эленгрундт в районе Гумбинена. Помещик успел удрать. Кускова вспоминает, как ее везли в Германию, как морили голодом. Станислава Кашевская призывает бойцов к мщению.

Рядом солдатская кухня, окруженная толпой голодных немцев. Повар наполняет котелки. Дети жадно едят.

Вот усатый 78-летний старик Отто Бельц, по профессии кирпичник, из Егерцфагена. Нам помогает переводчик старший лейтенант Анатолий Иванович Сатрицкий.

Бельц говорит:

— Гитлер принес нам много тяжелой работы, мало хлеба и гибельную войну. Я, старый человек, должен теперь, благодаря Гитлеру, бродить по дорогам, как бездомная собака.

Был и такой случай. Мы оторвались от наших частей. Идет наступление. На опушке леса горит дом. Надо снять и записать на звук шум пожара. Устано-

вили тяжелый аппарат на штатив. Сквозь шум огня слышу треск рвущихся патронов и думаю: а вдруг в огне рванет что-нибудь и покрупнее. Поворачиваю голову и не верю глазам. Метрах в ста на нас между деревьев медленно движется цепь немецких солдат в маскхалатах, идут во весь рост и постреливают из автоматов. Так вот какой треск я слышал в шуме горящего дома!

— Немцы! — кричу я Соболеву.

Торопливо бросаем аппарат в кузов, разворачиваем машину и удираем.

Через несколько дней увидели железную сетку между деревьями. За сеткой по снегу бегали кабаны. Никто не стрелял. Оказалось, что рядом находится охотничий домик Геринга.

Кто-то сказал, что здесь, в ремингтенском лесу, в начале войны была ставка Гитлера. Неожиданно встречаем наших операторов. Все вместе вбегаем в дом. Внизу большой зал. Над камином и кругом по стенам оленьи рога. Поднялись на деревянный балкон. Все двери открыты. В кабинете два телефона, один белый. Внизу появились наши кавалеристы в казачьих бурках. Снимаем полковника, гвардейца Степана Кравченко, имеющего семь наград.

Работаю, не зная, что жизнь готовит мне очередной «зигзаг».

САН-ФРАНЦИСКО

Горизонт выровнялся, и Москва уплыла под крыло самолета. Летим в сторону светлого края неба, на восток, навстречу апрельскому утру. Гудят винты. Пассажиров всего шесть человек: два кинооператора, фотокорреспондент, журналистка Наталья Соколова и работники Наркоминдела: Подцероб и Потрубач. Середина холодной кабины занята большой бочкой с бензином.

Многие дремлют, а мне не спится. Два дня назад я снимал в Восточной Пруссии, как добивают фашистского зверя. Кенигсберг обречен, вот-вот он будет взят. Из окруженного города просачиваются небольшие группы перепуганных стариков и женщин, одетых в черное, с маленькими узелками в руках.

Наша пехота их пропускает, даже дают им провожатых. Ночью слушал радио из осажденного города. Звучала прощальная, трагическая музыка. Моя машина прячется за белой толстой стеной разрушенного склада на окраине города. Рядом наши артиллеристы. С утра началась дуэль. Рядом рвется снаряд. Меня сбило взрывной волной. Из кучи земли и снега вылезает перемазанный сержант, отряхивается. Плохо слышу его из-за стрельбы:

— Вы кинооператор? Ваша фамилия? Вам телеграмма!

Кусок серой бумаги, грубо оборванный, захватанный масляными пальцами.

Читаю: «Кинооператору Лыткину немедленно прибыть в Москву. Большаков».

Через два часа я нашел ближайший аэродром и в тот же день прилетел в Москву.

В кабинете директора вижу оператора Халушакова. Нам говорят, что предстоит поездка за границу, в Сан-Франциско, снимать международную конференцию по созданию Организации Объединенных Наций. Сегодня ночью мы должны быть у наркома иностранных дел Молотова.

В Наркоминделе нам выдают паспорта. Рассматриваю свой красный паспорт с фотографией, с американской и канадской визами. Удивляюсь, когда все это успели сделать.

В. М. Молотов знакомится с каждым, говорит о цели поездки и заканчивает так:

— Сами понимаете, время военное, раньше вас предупредить не могли. Вы улетаете через час, а я, возможно, догоню вас в Якутске.

...Первая посадка — Омск. В безлюдном зале аэропорта длинный стол, уставленный закусками и бутылками. Так было и в Новосибирске и в Иркутске.

В Якутске нас перегоняет В. М. Молотов, направляясь сначала в Вашингтон, знакомиться с новым президентом США Труменом.

Летим над белым, окаменевшим океаном. Самолет ведет известный военный летчик «ночник» майор Таран, летавший всю войну к партизанам.

В самолете оказалась старая карта Аляски. Читаю русские названия рек, гор и заливов: остров

Павлова, пролив Шелихова, остров Чарикова, мыс святого Ильи, мыс Чичагова и какой-то поселок со странным названием Кое-как. Это следы первых землепроходцев, отважных предпринимателей, рыбаков и охотников.

Летим уже над зелеными, желтыми и бордовыми квадратами фермерских угодий. Над нами солнце в синем небе. В самолете стало тепло. Вот наконец засверкал Тихий океан. Под нами бухта, мосты, большой город. Делаем круг над Сан-Франциско и касаемся колесами бетонной дорожки аэродрома Гамильтон филд Приехали! Еще раз здравствуй, Фриско! Вот ведь как бывает.

Мчимся в город на машине Госдепартамента. За рулем немолодая, жилистая американка в темных очках. Спрашивает, как у нас отнеслись к известию о смерти Рузвельта.

— Очень сочувственно. В тот день в Кремле проходила сессия Верховного Совета. Делегаты встали и минутой молчания почтили память президента. На улицах были вывешаны траурные флаги. Простые люди выражали сочувствие.

Она внимательно выслушала и сказала:

— А Трумен не тот человек.— И еще быстрее погнала машину.

Руководители и министры иностранных дел более сорока государств собрались на первую конференцию, чтобы создать Организацию Объединенных Наций. Пленарные заседания начались в здании Оперы, а комитеты и комиссии разместились в Доме ветеранов. Около двух тысяч журналистов, кинооператоров и фотокорреспондентов съехались сюда на эту историческую конференцию.

Открытие конференции состоялось 25 апреля 1945 года в 4 часа 30 минут дня по местному времени. В Москве в это время было уже 26 апреля, половина третьего ночи. Конференция открылась минутой молчания или, как писали, «минутой печального и сосредоточенного размышления». Многое и мне вспомнилось в ту минуту.

В течение многих дней ораторы один за другим говорили о необходимости создания Организации Объединенных Наций.

Как делаются новости американскими газетами?

Запомнилась сцена. Из дверей Опера-хауз выходит В. М. Молотов, идет к машине. За ним бежит журналист и спрашивает что-то по-английски. Молотов оглядывается, ищет глазами переводчика, но Павлова близко не оказалось. Дверца машины была уже открыта, Молотов садится и уезжает. Вот и все событие, что тут напишешь? Вечером выходит газета с жирным заголовком: «Молотов промолчал». Далее сообщается длинный текст вопроса, с которым обращался к нему корреспондент: «Скажите, правда ли, что...»

Как-то выдался свободный вечер, и я решил поиграть в пресс-клубе на автоматах. «Однорукие бандиты» за минуту высыпали мне около 30 долларов. Сидевшие у стойки бара американские журналисты удивлены, такого крупного выигрыша они раньше не видели. Все вскочили с мест и стали уговаривать меня больше не играть.

Там мне показали камин, огонь в котором поддерживается с 1905 года, когда было землетрясение и пожары. Конечно, в конце вечера я вернул «бандитам» выигрыш и еще прибавил.

К нам пристал мальчик лет 11—12. Он должен был помогать маме торговать газетами, но почти все время проводил с нами, таскал штативы, сумки с кассетами и собирал автографы у глав делегаций. Наши пропуска в зал заседаний были приколоты к лацканам пиджаков, но охрана быстро запомнила нас. Пропускала она и мальчика, увешанного нашими сумками. Мы привыкли к нему, он был очень доверчив и наивен. Как-то я сказал ему:

— Давай поедем с нами в Москву. Мы тебя спрячем в самолете под скамейку, и никто, даже сам Молотов, не узнает, пока мы не прилетим в Москву. Там ты будешь учиться с советскими ребятами, станешь инженером, а то здесь, в Америке, тебе, вероятно, так и придется торговать газетами.

Глаза его заблестели, вижу, что ему действительно хочется удрать в Москву. Каждый день он напоминал мне о нашем секрете. Мне его стало жаль, я уже ругал себя. Вспомнился рассказ Чехова, как наши мальчики собирались бежать в Америку.

В одно из воскресений делегация осматривала знаменитую рощу редких, самых долговечных пород

деревьев стометровой высоты. Диаметр секвойи достигает семи метров. Одно такое дерево лежало поперек дороги, и в нем была вырезана арка для проезда двух машин. В другом месте я снимаю укрепленную на дереве дощечку с надписью: «Это дерево старше Иисуса Христа».

Наша делегация занимала десятый этаж гостиницы Сент Фрэнсис. На других этажах жили представители разных стран. Внизу, в холле у лифта, иногда творилось что-то невероятное. На всех, кто выходил из лифта, набрасывалась кричащая толпа желающих иметь автографы.

Даже мне, увешанному сумками с киноаппаратурой, всегда спешащему, не раз приходилось обращаться к полиции, чтобы выбраться из тесного плена энергичных американок.

Прошло несколько дней. Почти ежедневно мы встречались с корреспонденткой «Ассошиэйтед пресс». Не заметить ее было невозможно: внешне это была настоящая «секс-бомба». Однажды она просила меня узнать, можно ли ей побывать на нашем пароходе «Смольный». На этом пароходе, еще раньше нас, прибыла часть нашей делегации. Местные газеты выдумали, что на этом пароходе как-то по-особому оборудована радиорубка, туда, мол, часто ездит Молотов и чуть ли не по системе телевидения разговаривает со Сталиным.

Спрашиваю у наших товарищей, могу ли я поехать с ней на пароход «Смольный». Мне отвечают:

— Конечно.

— А радиорубка?

Все смеются.

На следующий день мы поехали на пароход. Машину ведет наш постоянный шофер, русский американец, матрос Миша. Раза два-три он приглашал меня и Халушакова поехать в недалекий маленький городок к его двоюродной сестре актрисе Дине Дурбин, которая у нас была известна по фильму «Сто мужчин и одна девушка». Всякий раз мы обещали, но так были заняты, что, к сожалению, столько же раз невольно и обманывали.

Наша машина остановилась у самого борта парохода. Представляюсь капитану, знакомлю его с моими спутниками. Нас проводят в радиорубку. Спутни-

ца получила ответы на все свои вопросы и была, видимо, разочарована.

Из радиорубки мы направились к выходу, но капитан преградил нам дорогу.

— Властью капитана я вас задерживаю!

— В чем дело? — удивился я. Опять сюрприз?

— А вы знаете новость? Война кончилась! В Москве был залп из тысячи орудий!

Так я узнал об окончании войны.

Наступило время отъезда. Наш знакомый мальчик провожает нас на аэродром. Поздняя ночь. В автобусе сидим рядом, я вижу его взволнованное лицо. Он делает мне таинственные знаки.

Мне его жалко, но пришло время сказать правду. Говорю потихоньку, что теперь ехать ему нельзя, он приедет, когда подрастет, а я его встречу. Он молчит, на глазах слезы. Мы грузим нашу аппаратуру и пленку на самолет. Перед самым отлетом всех удивил вопрос американских властей: «Нет ли с вами мальчика?» У меня замерло сердце. Не залез ли он, думаю, и в самом деле в самолет под скамейку?

Домой мы летели тем же маршрутом. На первом ночлеге мальчика с нами не оказалось, я успокоился, но еще долго ругал себя за такую шутку.

...Еще две незабываемые съемки остались в памяти о 1945 годе: «Белорусский вокзал» и «Парад Победы».

Мы снимаем встречу первых поездов с нашими солдатами-победителями. Невозможно рассказать, что делалось на перроне и на площади перед Белорусским вокзалом. Сколько радостных встреч, счастливых слез и грустных лиц! Теперь, в каждую годовщину Победы, я вижу на экране телевизора, как обнимаются и плачут от счастья те, которых я снимал, узнаю их.

Одна сцена попадет потом на обложку всех двадцати серий фильма «Великая Отечественная»: солдат целует свою жену на фоне колокола.

Парад Победы на Красной площади снимали только фронтовые кинооператоры. Сталин на трибуне Мавзолея. Войска замерли. Раздались удары курантов на Спасской башне. Парад начался.

Идет сильный дождь. С седой бороды Калинина стекает струйка воды. Среди гостей на трибуне вижу

венгерскую актрису Франческу Гааль, героиню известных тогда фильмов «Петер» и «Маленькая мама». Снимаю ее, снимаю взволнованные лица в те напряженные секунды, когда наши солдаты бросали фашистские знамена к подножию Мавзолея.

После парада площадь сразу опустела. Примчалась большая ватага мальчишек. Они осматривают валяющиеся немецкие знамена. Потом окружают трижды Героя Советского Союза летчика Покрышкина и нас, укладывающих в чехлы съемочные аппараты.

Вскоре я был командирован на Восток, опять снимать войну. Квантунская армия уже капитулировала, навстречу нам двигались длинные эшелоны с пленными японцами. Побывал я в Харбине, Чинчуне, в Пхеньяне (тогда он назывался Хэдзио).

Устроившись в Хэдзио в гостинице, я вышел посмотреть город. Подходит старый кореец, прилично одетый, и спрашивает:

— Вы свободны? Если да, то пойдемте со мной в один дом.

По дороге старик рассказал, что еще до революции он жил в Петрограде и работал там в каком-то корейском представительстве.

Перед входом в дом лежала обувь тех, кто находился внутри. Снимаю сапоги и вхожу в большую полутемную комнату. На полу сидели корейцы за низенькими столиками. Было очень тихо. В углу комнаты у окна, за обычным столом, сидели на стульях наши офицеры. Они жестами приглашают к себе. Сажусь. Подошел очень молодой симпатичный кореец в белой рубахе. Он выпил с нами и ушел к сидящим за низенькими столиками. Было много вкусных национальных блюд. Осторожно спрашиваю соседа, куда я попал и что здесь происходит.

— Вы в доме национального героя Кореи Ким Ир Сена. Это он сейчас подходил к вам.

Оставалось пожалеть, что в доме было темно для съемки.

В конце 1945 года возвращаюсь в Москву. Управляющий Союзинторгкино Петр Гаврилович Бригад-

нов предлагает мне на несколько лет поехать представителем киноэкспорта в Индию и Китай. Ну, а как же быть с романтической профессией оператора-кинохроникера?

Делюсь своими сомнениями с нашим министром И. Г. Большаковым. Он был не лишен чувства юмора:

— Поезжайте, по крышам полазить еще успеете...

ИНДИЯ И КИТАЙ

Шла первая послевоенная зима.

— Давайте проедем через Красную площадь,— говорю я шоферу такси по дороге в аэропорт. Жена и дочки взволнованно молчат. Что-то нас всех ждет?

Я выезжаю за границу представителем Совэкспортфильма, надеясь при любом удобном случае снимать кинохронику.

Вот и Красная площадь. Пасмурное, холодное утро. Мавзолей, стены Кремля и деревья, казалось, были покрыты червленным серебром инея. Все запомнилось мне как бы изображенным на старинной гравюре.

Совсем недавно, несколько месяцев назад, я снимал здесь парад Победы. Думалось о войне, вспоминались бои, фронтовые съемки. Меня не покидает мысль: как я решился сменить профессию? Конечно, главной причиной моего согласия была муза дальних странствий. Утешало и то, что многие из видных мастеров занимались делами киноэкспорта. Режиссер Михаил Калатозов был представителем Совэкспортфильма в США, оператор Петр Ермолов — на Ближнем Востоке, некоторые мои коллеги-кинохроникеры согласились на такую же работу в других странах.

...Аэропорт Внуково. Объявлена посадка на самолет по маршруту Сталинград — Баку — Тегеран. Устраиваемся в холодном самолете на длинных железных скамейках. В войну на них, вероятно, сидели десантники-парашютисты.

Теперь наши туристы странствуют без хлопот. В разных странах их встречают и обслуживают, а тог-

да, через несколько месяцев после войны, путешествие с семьей далось мне нелегко. Перед отъездом я изучил маршрут: Иран, Ирак, Аравийское море, Индия, Индийский океан, Бенгальский залив, Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море и, наконец, Шанхай.

...Через четыре часа полета сели в Сталинграде. Города не видно. В безлюдном снежном поле стоит новая избушка — это аэропорт. Имеется однокомнатная гостиница с одной кроватью. Тепло, белье чистое. Старуха топит печь и не спеша рассказывает, как на этом самом месте она просуществовала всю войну. По радио сообщают о снижении цен. За окном снег, тишина, звездное небо и наш одинокий самолет.

Утром долго освобождают примерзшие колеса самолета. Поднимаемся над занесенными снегом обгоревшими коробками домов, над безлюдным городом. Гудят винты. Ползет земля, покрытая шрамами воронок и окопов. Летим через Баку в Тегеран.

В Тегеране — теплый весенний ветер, зеленая трава. Нас встретил скромный человек небольшого роста и устроил в гостиницу «Надери» в центре города. Это — Петр Васильевич Ермолов. Он начал работать в кино еще в 1911 году. После революции стал кинооператором при фотокиноотделе Наркомпроса. Снимал на фронтах гражданской войны. Сохранились снятые им кадры Василия Ивановича Чапаева. В 1921 году он снимал Ленина в Доме Союзов на съезде по внешкольному образованию. Затем Ермолов снимал известные в свое время картины: «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Медвежья свадьба», «Праздник святого Йоргена», «Тимур и его команда», фильмы о Горьком. В Отечественную войну он снова стал фронтовым кинооператором.

Вечером Петр Васильевич предложил показать нам Тегеран. Решили осмотреть знаменитый персидский базар, взяли извозчика и поехали. Оказалось, что надо спуститься глубоко под землю. Мрак, блики огня, дым, бегающие тени. Оглушающий звон в тазы. Туннели и переходы освещаются дымящими факелами. Казалось, мы попали к разбойникам, к пиратам. Крики, оскаленные зубы, выпученные глаза и груды золотых и серебряных изделий. Все про-

дается только на вес. В поисках выхода попадаем в катакомбы ковров. Продавцы перекидывают штабеля своего товара, кричат, сверкая глазами. Скорей в гостиницу!

Наш путь лежал в Багдад. Караван «Левант экспресс» состоял из трех машин: впереди ехал англичанин с двумя дамами, за ним мы, за нами грузовая машина с вещами. В посольстве мне помогли купить билеты на английский гидросамолет до Индии, но чтобы сесть на него, надо проехать девяносто километров до озера Хабания. Едем по выжженной солнцем пустыне. Где-то рядом развалины древнего Вавилона.

Самолет «Корделия» похож на летающую яхту: каюты с большими зеркальными окнами, стены отделаны красным деревом с блестящими медными полосками. Кресла кожаные, мягкие. Все время летим над рекой, над мокрыми от дождя пальмами. За три дня, с посадками и ночлегами, гидросамолет доставляет нас в Калькутту.

...Такой густой толпы на улицах я еще нигде и никогда не видел! У регулировщиков длинные палки.

Мы привыкли видеть цветы на кустах или в горшках на подоконниках. А здесь они — на деревьях! Представьте себе большие деревья вроде наших тополей, сплошь увешанные яркими, крупными цветами. Одни деревья — синие от цветов, другие — желтые, третьи — красные, их называют «пламя леса».

В Москве, перед отъездом, друзья мне говорили: ну куда ты везешь детей, ведь там, в Индии, ожидаются кровавые события, газеты пишут об этом. Я вспомнил эти предостережения, когда увидел из окна гостиницы, как во дворе вдруг забегали и стали что-то кричать толпы индусов. Их белые рубахи были в красных пятнах. Что это? Как быть? К кому обратиться? А если сейчас ворвутся к нам? В дверь постучали: нас приглашают обедать. Оказалось, что наступил весенний праздник и рубахи кричавших были не в крови, а в красной краске.

Входим в большой, старинный, с мраморными колоннами зал ресторана и садимся за столик. Мгновенно за каждым стулом возникли и застыли высо-

кие, мрачные, бородатые, босые старики. В одеяниях, расшитых золотом и серебром, они были похожи на святых, нарисованных во весь рост на больших иконах, или на колдунов из страшных сказок. Девочки испугались и заплакали, жена не могла есть. Такие же суровые и молчаливые старики появились и за другими столиками. Это были нищие.

Трудно есть, когда вам смотрят в рот голодные старые люди. Потом мы обедали только в номере.

Оставалось добраться до Бомбея, где находилась фирма,— место моей работы, а для этого нужно пересечь на поезде всю Индию.

К нам в номер явился невысокий толстый пожилой человек в шортах, в рубашке с короткими рукавами и пробковым шлемом на голове. Это был Иван Петрович Ельцин, наш торговый агент. Он предложил переехать к нему. Было решено, что в Бомбей я поеду один, а жена и дети пока останутся в гостеприимной семье Ельцина.

...В индийских вагонах нет коридоров, дверь каждого купе выходит прямо на перрон. Еду один. Хотелось курить, а спичек не было. Вот наконец какая-то станция. Торговли на перроне нет, и я не знаю, сколько времени тут стоит поезд. У моего окна появился мальчик-нищий. Даю ему рупию и говорю «мэтчэс!». Мальчик убежал. Дают звонки. Вероятно, любой мальчишка на его месте не вернулся бы, получив рупию от какого-то чудака, которого он никогда и не увидит. Поезд трогается, набирает скорость, и вот тут я вижу, как тот мальчик изо всех сил догоняет мое окно. Он успевает передать мне спички и всю сдачу, целую горсть серебра и медных монет. Деньги отдаю ему и долго смотрю на удаляющуюся станцию и мальчишку, машущего мне руками.

Бомбей насквозь продувается морскими ветрами, здесь не так жарко и душно, как в Калькутте.

Генеральный договор на прокат советских фильмов в Индии, Китае и странах Южных морей имела фирма «Эйжиа филмз оф Чайна». Вот и контора прокатной фирмы. За столами тихие служащие. Жарко. Лопасти крутятся над головами, гоняют горячий воздух. У одного индуса сдувает со стола бумажку. Вместо того чтобы самому наклониться и поднять ее,

он нажимает кнопку звонка. Подбежавший бой кладет бумажку на стол.

Тогда наибольшим успехом пользовался наш фильм «Зоя» режиссера Арнштама. В Индии даже создавались общества имени Зои Космодемьянской. Во время войны они собирали деньги в фонд помощи Красной Армии.

В самой же Индии уже тогда выпускалось около трехсот фильмов в год, но все они были примерно одного содержания. Вот типичный фильм. Бедный, красивый пастух любит девушку, но ее выдают за богатого князя. На украшенных цветами носилках невесту доставляют жениху. Здоровенный пастух идет за носилками и долго поет и рыдает. Каждую ночь он приходит к дому князя и поет о своей любви. Наконец его возлюбленная покидает дом и скрывается с пастухом в лесу. Они терпят всякие лишения, голодают. Пастух вырезает кусок своей ляжки, жарит мясо на костре, чтобы накормить любимую. Потом они долго поют трагические арии и, спасаясь от погони, гибнут в реке. В конце фильма появляется могильный холмик.

Вот некоторые бомбейские «кадры», сохранившиеся в моей памяти.

...По чистым улицам бродят тощие, пыльные коровы. Их здесь считают священными. Если такая беспризорная корова начнет жевать товар у продавца зелени, то бедняк будет улыбаться от счастья на зависть соседям.

Есть перекресток, где стоит остановиться машине, как с окружающих деревьев на капот и крышу начинают прыгать обезьяны. Сначала люди испуганно поднимают стекла. Обезьяны протягивают лапки, просят пищу. Детеныши, сидящие на спинах матерей, тоже тянут лапки.

Ночью по главным улицам города нельзя ни проехать, ни пройти. Вся проезжая часть занята спящими бездомными.

Мои окна в гостинице выходят на залив. Вдали, почти на горизонте, в любое время можно видеть как бы застывшую цепочку парусных кораблей. Они ка-

жутся неподвижными. Кто-то сравнил их с почерком Пушкина.

Набережная Бомбея выходит острым углом в море. Прямо у моря кладбище. В небе постоянно висят грифы. Каста неприкасаемых оставляет своих покойников непогребенными, грифы поедают их.

Каждый день, в определенный час, когда спадает дневная жара и море дышит прохладой, на набережной появляются яркие фигуры богатых индусских женщин. Они одеты в сари разных цветов. Сари — это кусок узкой материи, длиной до пятнадцати метров. Индуски так искусно обертываются этим сари, что им не требуется ни крючков, ни пуговиц, ни булавок. На этих гуляющих много золота, у некоторых кольца и в носу, и на пальцах ног.

Изогнутая подковой набережная отражается фонарями в море, как бриллиантовое ожерелье на фоне бархатной, теплой ночи.

Это было в Индии (в то время английской колонии) в 1946 году. Я был первым советским кинематографистом, попавшим туда, но, к сожалению, без съемочного аппарата.

Через два месяца мы отправились на норвежском пароходе «Серебряное облако» в Шанхай, к месту моей постоянной работы. Море спокойное, движемся, как по тихому озеру, мимо берегов Суматры, мимо Сингапура. Здесь, на экваторе, небо и море перед закатом так необычно окрашены сиреневым, золотым и красным, что это можно сравнить разве что с картинами Рериха. Зрелище незабываемое.

Знакомимся с попутчиками. Рядом в каюте элегантная китаянка-косметичка из Парижа, мадам Лотос с дочкой Рокси. В другой каюте жена норвежского капитана. Она разыскивает своего мужа, который, плавая в Южных морях, уже несколько лет не был дома. Через неделю плавания мы узнаем, что наш капитан связался по радио со своим соотечественником, к которому едет жена. Они сговорились встретиться в море, это произошло ночью. Зажглись прожекторы, осветив довольно крупные волны. Спущена шлюпка. Матросы доставляют жену к мужу.

Прошла еще неделя нашего путешествия. Рано утром мы почувствовали, как наш корабль замедлил

ход, загремела якорная цепь. Выйдя на палубу, я увидел, что мы еще в море. Кругом огромные желтые волны. Это значило, что мы недалеко от устья реки Янцзы. Море было желтым от глины, которую выносит эта самая большая в Китае река. Пароход окружили маленькие парусные суденышки. С этих суденышек китайцы предлагали продукты, фрукты и даже свою национальную мебель. Появился лоцман, и мы двинулись к берегу, чтобы далее по реке Вампу добраться до Шанхая.

Что же я знал тогда о Шанхае? Из книг и газет было известно, что это самый крупный порт в Азии, морские ворота Китая. Долгое время там хозяйничали англичане, французы, японцы. На воротах в городских парках были надписи: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Грабившие страну иностранцы жили в особом районе города, куда китайцам, кроме слуг, вход был запрещен. Это было давно. Сейчас мы прибываем в гоминьдановский Китай.

...Пароход медленно движется в мутной воде среди маленьких лодочек с бамбуковыми крышами. В лодках среди привязанных за ноги живых куриц ползают дети, взрослые готовят какую-то пищу. С правой стороны у причалов грузятся океанские корабли. На берегу ни одного крана: мешки таскают на спинах кули. Мы причалили в деловом центре города, здесь пароходные компании, таможня, банки, страховые общества, представительства торговых фирм. Плотно прижатые друг к другу дома вызывают в памяти лондонскую набережную.

Этот многомиллионный город можно разделить примерно на три района. Наибольшую площадь занимают китайцы-бедняки, обитающие в глинобитных домиках на грязных, вонючих улицах. Кроме того, огромное количество шанхайцев постоянно живет на воде, в лодках. Наконец наиболее благоустроенная часть города — бывший международный сеттльмент — теперь заселена богатыми китайцами, англичанами, французами и русскими.

От набережной Банд в глубь города идет широкая улица с универсальными магазинами, лавками и торговлей на тротуарах. Это Нанкин-роуд. Торгуют всем, даже сигаретами из собранных окурков. Тут же на панели штопают чулки. Проезжая часть — густое

месиво из автомобилей, рикш и пешеходов. Много нищих. Однажды я дал бедняку какую-то мелочь. Мгновенно как из-под земли возникла густая толпа грязных, больных и старых китайцев. Они хватали меня, кричали, валялись в ногах, я с трудом вырвался.

Наше посольство и торгпредство находятся в Нанкине, столице гоминьдановского Китая.

В первое время я был обескуражен, узнав, что здесь, в Шанхае, показ фильмов не считается солидным занятием, что кинотеатры не являются рассадником культуры, а относятся к категории увеселительных заведений наряду с ресторанами, ночными клубами и публичными домами.

Я познакомился с директором фирмы «Эйжиа филмз оф Чайна» Владимиром Георгиевичем Саяднцем. Это был человек лет шестидесяти, владеющий многими языками, остроумный, умеющий к себе расположить. В Китае его знали все министры, а в Индии он был знаком с Неру и Десаи. Выступая как посредник в международных торговых сделках, он мог в неделю заработать десятки тысяч долларов и пустить их, как фейерверк, на богатые приемы гостей.

Саядянц как-то рассказал, как он покупал американскую кинопленку. Чтобы рассчитаться и перевезти в США доллары, надо внести в китайский госбанк по официальному курсу соответствующее количество юаней, то есть уплатить за пленку примерно в тысячу раз меньше ее рыночной стоимости. Такие переводы разрешались только с согласия министра финансов. Саядянц является на прием к министру, и тот, конечно, ему отказывает. Саядянц снимает с руки часы «Ролекс» с тяжелым золотым браслетом, которые тут же исчезают в широком рукаве министра. Кисточка рисует иероглиф: «Разрешаю».

Здесь часто повторяют: «В стране дракона нет закона».

Хочу рассказать о шанхайских русских, их там было около сорока тысяч. Они делились на две группы. Одни — те, кто получил советские паспорта в 1945 году. В отличие от нас, они назывались «местными советскими гражданами», но без особой визы не могли возвратиться на родину. Другая группа быв-

ших подданных Российской империи отказалась получать советские паспорта. Обе группы жили обособленной жизнью, имели свои клубы, читали свои газеты. Богачи держали в своих сейфах по нескольку иностранных паспортов.

По-всякому жили эти русские люди. Рассказывали, что один был даже рикшей. Александр Вертинский жил там в очень тяжелых условиях. Известная наша журналистка, автор романа «Возвращение», Наталья Ильина, перебивалась грошовыми литературными заработками. В ресторане «Седьмое небо» каждый вечер играл маленький оркестр Олега Лундстрема.

«Местные советские граждане» читали газету «Новости дня». Издавал ее Василий Васильевич Чиликин, еще до революции редактировавший газету «Копейка», любимое чтиво извозчиков. В. В. Чиликин лояльно относился к Советскому Союзу, печатал много тассовского материала и умел его интересно подавать. Жалею, что не сохранил ни одного номера этой газеты. Рассказывали, как этот талантливый редактор каждую ночь спускался в кальсонах в подвал, где была типография, и придумывал заголовки к статьям и заметкам для очередного номера. В. В. Чиликин вернулся потом на родину, получил пенсию.

По-другому сложилась судьба Саядянца. После падения гоминьдановцев он переселился в Индонезию и развернул там, по обыкновению, бурную предпринимательскую деятельность. При нашем содействии он начал строительство стекольного завода и был отравлен китайскими агентами.

В 1964 году в Джакарте я встретил дочь Саядянца, работавшую в местном представительстве Аэрофлота. Она рассказывала, как сама сжигала труп отца (этого требовали местные законы). Собрав несколько обгоревших косточек, она их где-то похоронила.

Казалось, я никогда не привыкну к шанхайской жаре. В конце лета становится чуть прохладнее, а потом снова жара — «осенний тигр». Каменные стены комнат пышут жаром всю ночь, как натопленные печи.

Зимой в этом сыром городе температура падает до минус четырех градусов. Газеты сообщают о рикшах, умерших от холода.

Работать нелегко. Против меня выступают восемь американских прокатных фирм. Они объединились и держат в страхе владельцев крупных кинотеатров. Большинство китайцев не понимали содержания американских фильмов, а рассматривали кино, как единственную возможность увидеть полуголых белых женщин.

Показ советских фильмов за рубежом, особенно там, где нет в продаже наших книг, газет и даже граммофонных пластинок, имеет неоценимое значение. В Китае же наши фильмы смотрело только русское население Шанхая. Копии фильмов поступали из Москвы на русском языке. Саядянца винить было нельзя, ему не под силу было организовать дубляж или перевод фильмов на китайский язык. Я понял, что если все оставить по-старому, то мне в Китае просто нечего делать.

В это время из Москвы прислали проект типового договора на прокат наших фильмов, составленный мудрецами объединения. В этом проекте было много пунктов, где говорилось: «дистрибютор обязан», «дистрибютор должен», «дистрибютор не имеет права» и т. п. В. Г. Саядянц сердито и остроумно сказал: «В конце договора не хватает еще одного пункта: «дать дистрибютору десять лет тюрьмы, а потом его расстрелять». Такой договор он подписать отказался, зато я освободился от монополии его фирмы.

Что делать, чтобы наши картины были понятны зрителям? Дублировать фильмы на китайский язык было бы дорого, да тогда и невозможно. Делать закадровые комментарии также не имело смысла. Другое дело субтитры. Иероглифы понятны всем. Хотя это дело долгое. Но, как говорится, на ловца и зверь бежит.

Мне сказали, что меня хочет видеть какой-то немец. Он оказался инженером-изобретателем. Мы поехали в его мастерскую, и я впервые увидел субтитровальный аппарат в работе. Это была новинка. Эмульсия на пленке размягчалась особым раствором, лента поступала в аппарат, где по очереди на каждый кадрик давила медная матрица с китайскими иеро-

глифами. Аппарат стучал, как швейная машинка. Субтитры получались четкие и легко читались на экране.

Быстро пришло разрешение на покупку этого аппарата. Чертежи и описание процесса были посланы в Москву, и там, при Совэкспортфильме, была создана субтитражная мастерская, оборудованная такими же аппаратами.

Позднее китайцы стали выпускать маленькие книжки по нашим фильмам. На страницах были фотографии кадров с надписями. Такие книжки появились в киосках.

Производительность нашей шанхайской мастерской была десять копий фильмов в месяц. Теперь, имея фильмы, понятные зрителям, я уже мог конкурировать на кинорынке. С большим успехом пошли наши картины: «Клятва», «Здравствуй, Москва», «Сказание о земле сибирской», удача сопутствовала документальному фильму «Физкультурный парад на Красной площади в 1947 году». Об этом фильме стоит рассказать особо.

В те годы лучшим кинотеатром Шанхая был «Гранд». Там было воздушное охлаждение. Таких огромных (на тысячу мест) и прекрасно оборудованных кинотеатров тогда не было еще и в Москве. Рассказывали, что в «Гранде» пел Шаляпин.

Фильм о физкультурном параде был назван «Чудо 1947 года». Документальная картина была талантливо смонтирована режиссером Сергеем Юткевичем.

Почти каждый день я прихожу к кинотеатру и вижу огромные очереди к кассам. В очереди много русских. Слышу, как один громко рассказывает другому о какой-то сделке. «Дело сделано, дура замуж выдана!» Это означает, что договор подписан, деньги получены. Оба хохочут. Здесь сохранились старые пословицы.

— Ваше сиятельство! — услышал я в толпе.

Вижу двух стариков. Говорят серьезно, не смеются. Один другого величает сиятельством. А я сначала подумал, что это шутка,— у нас такое услышишь только на сцене. Мне показали племянницу бывшего царя. Старуха была в костюме наездницы со стеком. Тоже пришла смотреть советский фильм.

...На огромном экране залитая солнцем Красная

площадь. Она кажется живым цветным ковром. Все движется, подчиняясь какому-то волшебству, и вдруг тысячи юношей и девушек превращаются в гигантскую сказочную вазу.

Китайцы, сидящие в зале, замирали от восторга. Слышалось характерное цоканье языками: цы-цы-цы-цы!

Демонстрация этого фильма стала большим общественным событием. Хозяева «Гранда» стали получать письма с угрозами, кто-то разбил витрину кинотеатра. Через неделю, несмотря на большой успех, фильм сняли с экрана.

Однажды ко мне пришел скромный интеллигентный китаец. Он назвался учителем, поговорил о кино, потом зашел к нам с женой и ребенком. Наконец выяснилось, что он коммунист-подпольщик. Партия поручила ему организовать фирму по прокату советских фильмов в Гонконге, Макао, Сиаме, Сингапуре, Малайе и Индонезии. Через месяц мы встретились с ним в Гонконге, где и был подписан договор с новой фирмой.

С грустью вспоминаю теперь товарища Янга. Позднее, после образования Китайской Народной Республики, он был управляющим кинопрокатом по всему Китаю и за границей. Мы не раз встречались в Москве. Последняя наша встреча состоялась в 1959 году на Московском международном кинофестивале. Он погиб в самом начале «культурной революции».

Через несколько месяцев после подписания договора я отправился в страны Южных морей проверить, как работает новая фирма, и решить ряд практических вопросов.

Первая страна — Сиам, или, как теперь ее называют, Таиланд. Много веков лежит она на пересечении дорог, связывающих народы Индии и Китая. В Европе о Сиаме знали давно. Еще при Людовике XIV французы обменялись послами с этой далекой сказочной страной. В конце девятнадцатого века установлена связь с Россией. В музее я увидел фотографию молодого Николая Второго, снятого в Бангкоке на пути в Японию на крейсере «Аврора». Сиам никогда не был колонией.

Я летел рейсовым самолетом. Перед посадкой в Бангкоке пассажирам сообщают о температуре на

земле. Мои попутчики — американцы удивленно переглядываются. Когда самолет приземлился и открыли двери, они долго не решаются выйти. До здания аэровокзала было около ста метров. Все шли очень медленно. Солнце палило прямо над головой, воздух обжигал огнем, термометр показывал 80° С. На верхней полке деревенской бани не так жарко и влажно.

Целый этаж гостиницы «Ратанакасин» занимала недавно прибывшая советская миссия, ожидая, когда будет закончено строительство дома. Там нашлась комната и для меня. Кровать под балдахином из марли. Прилипшие к стенам крупные ящерицы. Кажется, вот сейчас они прыгнут на тебя. Мне объяснили, что они не опасны и питаются только мошкарой.

Здесь я встретился с товарищем Янгом. Друзья показывали город. Везде оживленная торговля разными изделиями из шкур крокодилов. Говорят, американские летчики увозят домой целые мешки туфель и дамских сумочек. В толпе много монахов с непокрытыми бритыми головами, обернутых желтыми тряпками. По местному обычаю все молодые люди должны год или два быть монахами, питаясь подаянием.

Вдруг останавливается все движение, замирают пешеходы. Из репродукторов раздаются звуки государственного гимна. Это повторяется каждый полдень.

Вечером мы смотрели таиландский бокс. Зрелище отвратительное. Противники бьют друг друга не только перчатками, но и подошвами голых ног.

В загородном ресторане меня угощали национальными блюдами и фруктами. На столе тарелка с мелко нарезанным зеленым луком. Разговаривая, я поддел несколько кусочков этой зелени и, когда нес вилку ко рту, по удивленным глазам собеседников понял, что делаю что-то не то. Но уже было поздно. У меня во рту оказалась раскаленная железная гайка. Я вскочил. Оказалось, что это такое растение, над кусочками которого нужно только подержать мясо. Были еще фрукты, похожие на приторно сладкое пирожное. Растут они только в Сиаме, экспортировать их невозможно. Говорят, что они полезны некоторым больным. Многие и приезжают сюда только ради этих фруктов.

В одном из лучших кинотеатров Бангкока состоялась премьера фильма «Клятва». Зал был переполнен. В фойе экспонировалась фотовыставка о Советском Союзе. Фильм шел с большим успехом.

Затем мой путь лежал в Сингапур. Еще из самолета я увидел знакомый ковш Большой Медведицы. Он лежал вверх дном на самом горизонте. Это значило, что мы на экваторе. Сосед показал на россыпи цветных огней: это три квартала, в которых сосредоточена ночная жизнь города. Они называются «Светлый мир», «Великий мир» и «Новый мир». Самолет сел. Таможенник, рыжий англичанин, долго рылся в моем чемодане. Было уже поздно, когда я устроился в гостинице «Адельфи» в центре города.

Наутро разыскиваю контору прокатной фирмы. Привыкнув за два года к Шанхаю, я чувствую себя свободно в любом городе юго-восточной Азии. Вот и главная торговая улица. По сравнению с Шанхаем здесь все кажется миниатюрнее и заметно чище. Улица полна рикш, велосипедистов, мотоколясок и малолитражных машин. Низкорослые люди в белых, чистых рубашках с короткими рукавами.

Отыскиваю нужный номер дома. Открываю дверь и останавливаюсь, радостно удивленный. Стены большой комнаты завешаны плакатами советских фильмов, рекламными фотографиями, портретами наших актеров. Я попал как бы в советский уголок в стране, где еще не было наших представительств. Когда я назвал себя, показал визитную карточку, появились дружелюбные улыбки. Ко мне отнеслись, как к желанному гостю. Начались деловые переговоры. Из этого отделения фирмы наши картины посылались в Малайю и Индонезию.

В тот же вечер новые друзья показывали мне город. Видел я и ночные «миры». Там среди увеселительных заведений всю ночь шла торговля самыми разнообразными товарами. Это удобно для моряков и пассажиров, которые только ночью и могут побывать на берегу. Сингапур привлекает покупателей потому, что здесь импортные товары не облагаются таможенной пошлиной и стоят дешевле, чем в других странах. В «Новом мире» было интересное представление. На сцену выходит огромного роста индус. В

вольной борьбе, где допускаются любые приемы, он побеждает любого соперника. Но вот коронный номер. На силача одновременно нападают семь английских военных матросов, индус раскидывает их как щенков. Зрители ревут от восторга, одобряя символику представления. Индия была все еще английской колонией.

Меня познакомили с богатым малайцем, владельцем каучуковых плантаций. Он хотел торговать с нашей страной и пригласил меня посмотреть его хозяйство. Мы отправились на Малайю.

Сингапур, как известно, отделен от Малайи узким проливом. Мы проехали мост, через который во время войны японцы с суши захватили Сингапур. В стороне ржавело огромное количество военных грузовиков.

Каучуковая плантация представляет собой ровные ряды невысоких деревьев с серыми стволами. На коре каждого дерева сделаны косые надрезы, из них в привязанные консервные банки каплет сок, густой, как сметана. Застывший сок прокатывают между железными валиками. Получается мягкая белая лепешка размером с овечью шкурку. Такие «лепешки» много дней коптятся в высоком железном сарае. Мы поднялись на самый верх такого сарая по наружной лестнице. Там я узнал, что такое ад. Под раскаленной солнцем железной крышей, в едком дыму, двигались плохо видимые силуэты голых людей. Они молча перекладывали каучуковые «лепешки» на железных колосниках. Время от времени люди выскакивали на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха и, шатаясь, исчезали в дыму. Снаружи было более шестидесяти градусов, а там, под железной крышей, и еще жарче. Хозяин заметил, что эти рабочие, хотя и неплохо зарабатывают, но живут на белом свете не более 30 — 40 лет.

Внизу у входа в сарай висели плакаты с красными китайскими иероглифами. Хозяин сказал, что это «коммунистическая пропаганда».

Окна моего номера выходили на север. Солнце поднималось справа точно в конце улицы, днем чуть светило в окна и садилось в другом конце той же улицы. Оно двигалось непривычно — справа налево. На столе был глобус: полюса по бокам, а Сингапур

сверху. Рассматривая глобус, я не заметил, как в номере неслышно появился индус. Номер убирали малайцы, и я был несколько удивлен.

— Вы русский? — спросил он на хорошем английском языке.— Советский русский? Тогда вы должны быть очень осторожны.

— А в чем дело?

— Внизу у выхода стоит машина. Она вам может принести несчастье.

— Какой номер машины?

Пока я записывал номер на клочке газеты, индус исчез так же таинственно, как и появился.

Что это значит? Может, решили меня попугать? Спускаюсь вниз. Рядами стоят машины. Названного номера не вижу. Возвращаюсь, купив сигареты, и чуть не носом упираюсь в машину с названным номером. Из машины на меня бесцеремонно смотрят три здоровенных китайца. Лица их в шрамах. Щека одного чем-то заклеена. Прямо кадр из бандитского фильма.

Это уже пахнет приключениями. Делаю вид, что их не вижу. Ухожу к себе. Думаю, что в самой гостинице, где полно европейцев и индусов, они не посмеют на меня броситься. Но если попадусь где-нибудь в переулке? А я собирался пойти погулять. Как быть? Дела мои закончены, надо выбираться из этого Сингапура.

Вскоре ко мне явились работники фирмы и сообщили важную новость: сегодня ночью в Малайе началась гражданская война, компартия ушла в подполье. Прошу друзей узнать, нет ли на рейде советского парохода. Из гостиницы не выхожу. Нашего парохода не оказалось. Надо выбираться самолетом, но чтобы оформить билет, приходится выйти из гостиницы в сопровождении друзей. Я заметил, что они вооружены. Машина с китайцами дежурит возле гостиницы. Наконец представители фирмы проводили меня до самого трапа самолета. Следующая посадка — Бангкок.

Там мне передали письмо из Шанхая, от дочки. Она пишет: «Папа, привези мне райскую птичку». Что же ей привезти из Сиама?

Утром около такси, перед самым отъездом в аэропорт, ко мне подбежали мальчишки. Они торговали

маленькими обезьянками и щенками. Я купил обезьянку, такую маленькую, что она поместилась в кармане.

И вот уже привычный Шанхай.

Не успел я показать дочкам крошечную мартышку, как она выскочила из моих рук и тут же исчезла. Всем показалось, что она вспорхнула и растворилась в воздухе. Мы искали ее везде, где можно, но без результата. Часа через два совершенно неожиданно она была обнаружена под животом кота,— висела там вниз головой, уцепившись лапками за шерсть. Ей, видимо, было холодно. Кот ходил по своим делам, а она продолжала под ним висеть. Только через несколько дней она начала бегать одна, но в случае опасности всякий раз пряталась под котом.

...Субтитражная мастерская работает полным ходом. По данным объединения, наше представительство в Шанхае стало самым доходным. Новая фирма нашу часть доходов в Макао, Гонконге, Сиаме, Малайе, Сингапуре и Индонезии пересчитывала с местной валюты на английские фунты и аккуратно отсылала в Лондон, в Московский Народный банк. Под залог за фильмы мы получали даже золотые слитки — бары.

Между тем война гоминьдановцев с войсками Народно-освободительной армии, наступавшей с севера, продолжалась. Гоминьдановцы уже оставили Пекин, война приближалась к Шанхаю. Сроки моего пребывания в Китае уже прошли, и мне стало ясно, что никто не хотел ехать ко мне на замену.

Почти год я провел без семьи. Все это время в моей комнате жила обезьянка Чита. Она заметно подросла. Когда жена и дочки уезжали, они взяли Читу с собой, но во Владивостоке сказали, что обезьяны не выдерживают московского климата, и ее оставили на пароходе. Месяца через два этот пароход снова пришел в Шанхай. Разыскали меня. Капитан потребовал, чтобы я забрал Читу к себе. Она оказалась большой хулиганкой, таскала у матросов зубные щетки и мыльницы и прятала их, а главное случилось в одном иностранном порту. В тот момент, когда капитан встречал представителей местных властей, перемазанная в саже Чита, прыгнув

ему на плечо, испачкала белый парадный китель. Жалела Читу только одинокая уборщица, она даже плакала, но приказ капитана — закон. Так Чита опять поселилась у меня.

На первом этаже был зал для просмотра фильмов, где почти ежедневно проверялось качество субтитров. Всякий раз, когда внизу раздавались звуки, Чита сбегала вниз по лестнице и, устроившись в зале, не отрываясь смотрела на экран. Теперь я знаю, что собаки и кошки не реагируют на изображение на экране, но Чита верила в то, что там происходит. Ей особенно нравились мультфильмы. Когда коварная лиса подкрадывалась к утке, Чита тревожно кричала и прыгала на месте и наконец бросалась на экран, чтобы спасти бедную утку.

Иногда обезьяна часами болталась на проводах, которые тянулись от кинобудки к уличному столбу. За забором собиралась толпа восхищенных китайцев, а она была тщеславна.

Чита любила плавать в ванне, двигая лапками, как лягушка. Я доставал ее, обертывал полотенцем, и она тут же засыпала, как ребенок.

Когда наступила шанхайская зима, похожая на нашу холодную осень, Чита не выходила из комнаты, она грелась или у чугунной печки, или на животе у моего кота.

...Я познакомился с американскими кинохроникерами. Вспомнилась мне веселая американская комедия о кинохроникерах, которую я видел лет десять назад, еще до войны в московском Доме кино. Там тоже дело происходило в Китае на фронтах войны с Японией.

На этот раз американские кинохроникеры в Шанхае. Они снимали, как воюют гоминьдановцы, как используется военная техника и всякая другая помощь, присылаемая американцами. Правда, в Шанхае они бывали не часто, жили в хорошей гостинице и пили с утра до вечера виски. Ехать на фронт? Зачем? Это делали за них китайские кинооператоры, прекрасные мастера инсценировок, более квалифицированные и удачливые. Они прекрасно знали, что нужно американцам.

Готовясь снимать надвигающиеся события, я купил у американцев съемочный аппарат.

А война приближалась. Вот уже освобожден Нанкин.

Американцы вывезли всех своих граждан, включая и моих конкурентов. В кинотеатрах идут только наши фильмы. Те из русских, кто не пожелал возвратиться на родину, вывезены американцами на один из безлюдных Филиппинских островов. Газеты пишут, что они там голодают, сидя на голом песке.

Когда фронт был уже на подступах к Шанхаю, в городе оставались наш генеральный консул Петр Парфенович Владимиров, несколько сотрудников консульства, торгпредства и корреспондент ТАСС Владимир Николаевич Рогов. Из Москвы я получил телеграмму: «Вам разрешено выехать в Кантон вместе с посольством». И все же я решил еще раз испытать судьбу и ответил, что считаю целесообразным остаться в Шанхае, чтобы сохранить имущество Совэкспортфильма.

В городе началась паника, все запасаются продуктами и водой. Бочки с бензином зарывают в землю. Против нашего дома готовится долговременная огневая точка. Ночью с крыши видно зарево пожаров на северной окраине города. Слышна стрельба, пулеметные очереди. На домах иностранцев и на наших воротах появились иероглифы: «Иностранная собственность».

Все ждут уличных боев, пожаров. Запасаются свечами, боятся, что прекратится подача воды. Гоминьдановцы объявили в газетах, что Шанхай будет вторым Сталинградом.

Напряжение росло, и вот настала незабываемая ночь. Спать я не ложился, надеясь увидеть главные события. Увы, все оказалось просто и буднично. Около четырех часов утра за нашим забором замелькали тени солдат без знаков различия. Без единого выстрела Народно-освободительная армия вступила в Шанхай. Свет и вода были в полном порядке, так что можно было спокойно ложиться спать.

А утром я увидел тысячи красных флагов, многие с серпом и молотом. Шанхай стал неузнаваем. Основная часть города была занята без единого выстрела. Только на севере, за каналом, где находится наше консульство и телеграф, еще сидели гоминьда-

новцы. Телефон работает, звоню в консульство. Наши товарищи живы и здоровы.

Шанхай освобожден. Можно сказать, пережита еще одна война, но на этот раз я видел ее из окна нашего представительства.

Ко мне явились китайские студенты в солдатских одеждах. Некоторых я знал раньше. Я показал им фильм «Секретарь райкома» с китайскими субтитрами. Все были в восторге. Увидав у меня книги, они спросили, не могу ли я подарить их университету? На радостях, что все кончилось так благополучно, я, конечно, согласился. Книг было около трехсот, хорошо подобранная библиотека. Они приобретались года три в нашем торгпредстве на складе «Международная книга». Складом этим ведал местный писатель Павел Северный, с которым мы подолгу беседовали. У меня хранилась с дарственной надписью его очень интересная книга «Косая мадонна» о жене Пушкина. К сожалению, я поздно обнаружил, что книга эта оказалась среди тех, которые с большой благодарностью были увезены китайскими студентами. А Павел Северный возвратился на родину, был принят в Союз писателей.

Оказавшись единственным иностранным кинохроникером, присутствовавшим при столь важных событиях, я начал снимать в первые же часы после освобождения Шанхая. Улицы расцвели тысячами красных флагов с пятью звездами, с серпом и молотом. Снимаю радостные встречи населения с солдатами, митинги, народные празднества. В Москву, в адрес Центральной студии документальных фильмов, вместе с пленкой были посланы и новые граммофонные пластинки с китайскими революционными песнями и маршами.

Через три дня освобожден весь город. Фронт передвинулся на юг. Наш государственный флаг уже не развевается над зданием консульства. Мы превратились в частных граждан. Китайская Народная Республика будет образована еще только через три месяца, а пока наше посольство в Кантоне при Чан Кайши. Между нами линия фронта.

В кинотеатре, где идет наш фильм «Сталинград», установлен большой щит: «Гоминьдановцы обещали

устроить в Шанхае второй Сталинград — это не вышло. Смотрите настоящий Сталинград».

На телеграфе у окошечка появилось объявление: «Говорить только по-китайски». Сидит там всем известный китаец, прекрасно говорящий по-английски и по-французски. Теперь, когда к нему обращается европеец, он молча показывает на объявление. Тут же толпятся переводчики-китайцы, предлагающие за плату свои услуги.

Однажды, входя во двор представительства, я увидел, что в саду сидят солдаты с пулеметами, а весь дом окружен войсками. Еду в консульство. Петр Парфенович Владимиров просит, чтобы я подготовил хороший фильм для просмотра. После фильма состоится прием китайских товарищей. Все нужное для приема будет мне доставлено. Возвращаюсь к себе и опять вижу солдат с пулеметами. Они не обращают на меня никакого внимания.

Вечером приехал П. П. Владимиров. А вслед за ним в дверях появился Чэнь И. Надо было видеть, как обнялись и прослезились старые товарищи, генеральный консул и новый мэр Шанхая, будущий министр иностранных дел КНР. В этот момент ко мне на плечи прыгнула Чита. Увидев гостей, она отдала честь (я давно научил ее этому). Чэнь И, щелкнув каблуками, ответил ей тем же.

Первого октября 1949 года была образована Китайская Народная Республика. Наша страна первой признала новое государство. Через несколько дней за каждым из нас стал неотступно следовать солдат. Говорили, что это необходимо для нашей безопасности. Удовольствия мало, когда постоянно видишь человека с каменным лицом, чувствуешь, как он дышит тебе в затылок.

Приехала большая группа наших кинематографистов. Режиссер Сергей Герасимов со своими операторами приступил к работе над фильмом о революционной истории Китая, а Леонид Варламов с кинохроникерами начали снимать документальный фильм «Победа китайского народа». Я присоединился к этой группе, сдав представительство приехавшей, наконец, замене.

В Пекине сажусь в вагон, еду по уже знакомой КВЖД. Я очень люблю отъезд. Именно сам отъезд,

когда перевертывается очередная страница бытия, когда хлопоты уже кончились, а впереди отдых в пути и неизвестность.

В 1940 году я оказался первым пассажиром Гражданвоздухофлота, оплатившим свой перелет от Камчатки до Москвы (побывал и в Нерчинске, и в Усть-Орде). Во время войны плыл на английском пароходе в Атлантике, в караване судов, атакуемых немецкими подводными лодками, потом пересекал Америку «в экспрессном купе». Ходил и пешком. В июне 1944 года, освобождая Белоруссию, прошагал более пятисот километров с тяжелой минометной плитой на спине, катался на слоне в Индии, передвигался на педикепе по Шанхаю, лежал над облаками на стеклянном полу штурманской кабины первого реактивного бомбардировщика.

Еще я передвигался на собаках, на нартах, но не по снегу, а по мокрой траве (ехали мы на лежбище котиков, на остров Беринга). Бывал на паровозах, летал на одном из первых самолетов Р-1, цеплялся за подножки вагонов, плыл на байдарках по Татарскому проливу (снимал поход), поднимался на бате вверх по реке Хор (бат — это удэгейская лодка, выдолбленная из бревна), на корейском кунгасе штормовал в Японском море, на катере с пограничниками курсировал по Амуру...

Однажды, во время войны, сидел в передней застекленной кабине бомбардировщика, летевшего бреющим полетом, не выше 50 — 100 метров над землей, от Вологды до Москвы. Вот это была скорость!

Но я, кажется, увлекся.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Четыре года я не был на родине. Радостно было встретить старых друзей. В первые минуты казалось, что все они как бы слегка загримированы. Да и сам я тоже изменился за время отсутствия.

Гудит вестибюль на Центральной студии документальных фильмов. Среди цехов, редакций, различных отделов и служб, где работает более тысячи человек, это самое оживленное место на студии. Когда-то в

этом здании с кафельным полом был синод русской православной церкви. В этом вестибюле всегда полно операторов — уезжающих, приехавших, ожидающих съемку.

Выезжающие на съемку осветители с трудом протискиваются со своей громоздкой аппаратурой. Кого здесь только не увидишь: молодая известная балерина, циркач, гонщик на мотоцикле по вертикальной стене... Их пригласили на просмотры фильмов, где они снимались.

Вестибюль переполнен еще и потому, что по новому приказу директора все операторы, независимо от их занятости, обязаны быть на студии с самого утра и до конца рабочего дня.

Среди тех, кто здесь толчется, уже много лауреатов и заслуженных деятелей искусств. Но обращаются здесь друг к другу уменьшительными именами: «Алик», «Стасик», «Жора», «Сеня», хотя всем им давно перевалило за пятьдесят.

С деловым видом, ни на кого не глядя, проходят к лифту какие-то хмурые люди.

— Кто это? — спросил я.

— Это авторы.

Неторопливо направляются они в кассу, на четвертый этаж. Сценарии пишут почти всегда одни и те же никому не известные авторы. Даже на фильмы, события которых повторяются из года в год, как празднования 1 Мая или 7 Ноября, заказываются сценарии. Операторы таких сценариев не читают, они даже и не знают об их существовании.

Вот разговаривают, держа друг друга за пуговицы, автор сценария и режиссер, и кажется, будто они принюхиваются друг к другу. Быстро и одновременно оглядываются в разные стороны, видимо боясь, чтобы кто-нибудь не подслушал их творческие и иные замыслы. Много смешных историй и анекдотов услышишь за день на студии в табачном дыму. Вот рассказывают еще довоенную историю, когда директором был Михаил Бессмертный. В его кабинете телефонный звонок:

— Бессмертный! С вами будет говорить товарищ Могильный.

— Бросьте валять дурака!

Снова звонок:

— Бессмертный! Это серьезно, с вами будет говорить товарищ Могильный.

— Идите к чертовой матери! — Бессмертный бросает трубку.

Позднее ему говорят:

— Могильный? Да ведь это один из помощников товарища Молотова!

Бессмертный, вероятно, подумал: вот и конец! Но все обошлось.

Много вспоминали о фокусах оператора Бориса Цейтлина. Он хватал у кого-нибудь часы, обертывал их платком, топтал до хруста и возвращал невредимыми удивленному владельцу. Цейтлин снимал войну в Абиссинии. Говорили, что если император Хайли Селасия видел из палатки случайно проходившего Цейтлина, он прекращал военный совет и требовал, чтобы Цейтлин показывал ему фокусы.

Постороннему может показаться, что операторы целыми днями только стоят и болтают. Но это неверно. Все они работают напряженно, не считаясь со временем, иногда ночами, в дальних командировках: в шахтах, в цехах заводов, в море, везде, где страна залечивает нанесенные войной раны, снимая все то, что зрители видят в киножурнале «Новости дня». Это они сохранили для грядущих поколений неповторимые мгновения Великой Отечественной войны. На стене вестибюля укреплена мраморная доска. Золотыми буквами горят на ней имена фронтовых кинооператоров, оставшихся на полях сражений...

Живущие теперь и будущие поколения вечно будут обязаны фронтовым кинохроникерам, сохранившим на века живые документы неслыханного в истории героизма и горя советского народа.

И вот я снова на Центральной студии документальных фильмов, где по-прежнему главенствуют режиссеры. Режиссер документального фильма: нет ли здесь противоречия? Разве можно режиссировать документ? Когда делает событийный фильм большая группа операторов, понятно, что кто-то должен ими руководить. Но это скорее организатор производства фильма, редактор, «продюсер», знающий свое дело подрядчик. Если же документальный фильм снимает один оператор, а кто-то стоящий рядом дает ему ука-

зания, что и как делать, то не лучше ли тому самому научиться снимать?

Мое отношение к авторским фильмам не изменилось. Когда автор-оператор все делает сам — от сценарного плана, съемок, монтажа до дикторского текста и озвучивания,— он создает что-то свое, новое, оригинальное. Это современный художник — кинематографист, техник и журналист одновременно. Свойства пленки, оптики, цвет, звук, ракурсы — все это подчиняется ему, как кисть и краски живописцу.

Когда мы начинали снимать, нас было мало. Теперь увлекаются съемками миллионы любителей, и техника стала другой. Теперь есть телевидение. Уже появляются авторы-операторы со своим индивидуальным почерком, распространяется то, что удавалось лишь одиночкам на периферийных студиях кинохроники. Так что боролся я, можно сказать, не зря. Но вернусь к своему повествованию.

В 1950 году снимался фильм об авиационном празднике. Мне предложили снимать с реактивного самолета. Тогда это была новинка, никто из операторов на реактивных самолетах еще не летал.

Подмосковный аэродром. Мы с летчиком лежим в густой траве, покуриваем. В стороне стоит реактивный бомбардировщик. Километрах в ста от нас идет репетиция воздушного парада, после которой одно звено таких же самолетов поступит в наше распоряжение. Вдруг очень низко, почти над нами, проревели и мгновенно исчезли три самолета. Прибежавший дежурный закричал:

— Что вы тут лежите? Вас ждут в воздухе!

Оказалось, что именно нас «ждет» эта тройка. Торопливо занимаю свое место в «фонаре», в передней штурманской кабине. Сложные приборы убраны, и я ложусь на стеклянный пол. Необычно гудят турбины, самолет набирает скорость. Ощущение такое, будто подо мной ничего нет и лежу я ни на чем. Вижу, как отрываемся от бетонной дорожки. Возникает дикая головная боль, начинаю терять сознание. Прихожу в себя, понимаю, что лежу лицом вниз на стекле, ни на что не опираясь, как во сне. Боюсь своей тяжелой кинокамерой коснуться стеклянного пола. В

моих наушниках слышу какие-то голоса, и вот уже рядом с нами появились те три самолета. Прошу пилота сделать так, чтобы они были точно под нами. Снимаю их на фоне мелькающего леса, пока не кончилась пленка. Возвращаемся, сели. Когда отошли от самолета, летчик спросил, как я себя чувствовал при взлете. Я сказал, что хорошо. Летчик остановился, удивленный, и я, конечно, сознался во всем. Он объяснил, что мы сделали «свечу» на четыре тысячи метров.

Позднее мы летали вместе с главным оператором фильма Михаилом Ошурковым на большом винтомоторном самолете и снимали через открытый бомбовый люк. Чтобы края люка не попадали в кадр, я с аппаратом висел вниз головой, а М. Ошурков держал меня за ноги.

Как-то меня предупредили, что предстоит командировка в Италию, в город Турин, снимать международную промышленную выставку, а для этого надо сначала познакомиться с министром машиностроения Н. Н. Смеляковым. В министерстве узнаю, что к поездке готовится целая группа специалистов и меня известят о дне отъезда.

Проходят недели две-три, и вдруг говорят, что лететь в Италию надо завтра. И вот я снова в самолете, лечу над дымной землей и зелеными лесами, освещенными солнцем. Это Западная Германия. Следующая посадка в Париже, там ночлег. В моей груди жжет от радостного чувства — через два часа я впервые увижу Париж!

Поздно вечером мы приземлились в аэропорту Орли. Гостиница Д'Орсей. Хочется скорее на улицу. Портье объясняет, как пройти в центр. Иду вдоль темной набережной Сены и поворачиваю направо на второй мост. Вот и площадь Согласия. Мной овладевает какое-то странное чувство. На голой площади вокруг колонны бесконечной каруселью кружатся молчаливые машины. Кругом огни. ...Возникает ощущение какого-то тоскливого одиночества. Я поворачиваю обратно в гостиницу.

Позднее мне вспомнились стихи Маяковского о Париже:

Обшаркан мильоном ног,
исшелестен тыщей шин,
я борозжу Париж —
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.

И меня в первый вечер охватила эта самая жуть.

Но на следующий день (самолет в Рим уходил только во второй половине дня) я еще успел подняться на Эйфелеву башню, взглянуть на Венеру Милосскую и Джоконду в Лувре и пробежать по международной автомобильной выставке.

...Римские таможенники дружески мне улыбаются, они были у нас в плену и знают несколько русских слов. Багаж мой почему-то задержан, и я налегке еду в наше посольство.

— Как? Вы приехали снимать выставку в Турине? Да ведь она закрывается, а завтра делегация ваша возвращается в Москву.

Министр Н. Н. Смеляков сначала не узнает меня, а узнав, хмурится и удивляется, почему я приехал так поздно. Усталый и огорченный, возвращаюсь в свою гостиницу «Альберто имперро» и ложусь спать.

Наутро говорю министру, что человек я бывалый, смогу и один снять на выставке все, что интересует наших специалистов. Министр соглашается, и я записываю с его слов около двадцати сюжетов для съемки.

— Не забудьте,— просит помощник министра,— снять на стенде оборудования для электросварки рукавички.— Записываю и про рукавички.

Делегация улетает в Москву, а я в тот же вечер, выручив из таможни съемочную аппаратуру, пленку, осветительные приборы, выехал поездом в столицу Альп — город Турин.

В ворота гостиницы «Рим», рядом с вокзалом, въехала тележка носильщика, груженная пятнадцатью деревянными ящиками моего багажа. Разместившись в номере, я немедленно направился на выставку.

На выставке были представлены образцы последних промышленных достижений — от станков с программным управлением до машин, делающих пластмассовые тазы на глазах у публики.

Все шло хорошо. Во время перерыва на обед я засовывал руки в зарядный мешок и менял пленку в кассетах. Снимал я по тысяче метров цветной пленки в день.

А вот и рукавички. Внешне они похожи на замшевые, но надев их, можно брать в руки раскаленные куски железа.

Обращаюсь к итальянцу — стендисту. Говорю, что хочу купить эти рукавички.

— Сколько?

— Пять тысяч лир (около семи рублей).

Даю деньги. Он говорит, что сам положит рукавички в футляр аппарата. Потом я забыл о них и неожиданно обнаружил уже в Москве, так ловко запрятал их догадливый стендист.

Два дня, пока не закрылась выставка, я работал «не разгибаясь», не теряя буквально ни одной минуты. На третий день снял экспонаты, выставленные под открытым небом перед самой их отправкой с выставки.

Еще два дня я был занят съемками видового фильма о Турине, где главная магистраль называлась «Улица Советского Союза».

Наступил день отъезда. В ресторанчике, где пекут пиццу, я угощаю переодетых полицейских, неустанно за мной следивших. Поужинав и хорошо выпив, они проводили меня к поезду.

Кондуктор, увидев такое большое количество багажа, начал было протестовать, но мои провожатые что-то ему шепнули, и он молчал, пока они через окно передавали мне в купе все пятнадцать ящиков.

Был конец года, когда я на студии сел за монтажный стол. Фильм «Международная промышленная выставка в Турине» я собирался делать в трех частях, на полчаса показа. Но в монтажную комнату вошел солидный человек, один из руководителей студии, и спросил:

— Можете сделать пять частей?

— Могу.

— Делайте пять.

Коэффициент расхода пленки получался почти один к одному. Под модную музыку, переписанную с привезенных пластинок, фильм смотрелся легко. Мне, конечно, выгоднее делать фильм длиннее — я полу-

чаю больше «постановочных». Это выгодно и для выполнения годового плана студии и, конечно, означает, что администрация и все остальные получат премии за перевыполнение годового плана. Такая странная система существует и на других киностудиях. Производственные планы измеряются количеством частей фильмов. Именно по этой причине иногда и вынужден зритель смотреть затянутые многосерийные фильмы.

...Я был рад, когда после просмотра фильма Н. Н. Смеляков и его спутники заявили, что в фильме они увидели больше, чем на самой выставке.

У меня был для них сюрприз.

— Кто-то,— сказал я,— говорил о «рукавичках», так вот они!

Второй фильм, видовой киноочерк «В Турине» был смонтирован и озвучен в январе. Сценарист Леонид Браславский написал интересный дикторский текст, но этот фильм был «зарублен» Главком. В начале года уже никого не интересовала «внеплановая единица в одной части». Прошло много лет, и всякий раз, встречаясь с Браславским, мы с сожалением вспоминаем о том коротком видовом фильме, так никем и не увиденном.

НА ОСТРОВЕ ЦЕЙЛОН

Снимаем документальный фильм о Цейлоне.

Первое, что привлекает внимание,— это улыбка цейлонцев. Ни в одной стране я не видел, чтобы люди улыбались так искренне и сердечно. Когда А. П. Чехов, возвращаясь с Сахалина, побывал здесь, он записал: «Рай, вероятно, был на Цейлоне».

Не касаясь всего того, что было снято и включено в фильм, я расскажу о самой трудной из съемок.

Много лет назад в журнале «Вокруг света» я читал о самых диких людях, живущих до сих пор на земле,— веддах. В статье было сказано, что лица их выражают или страх, или злость, или безразличие. Живут они на острове Цейлон.

Я выяснил, что ведды обитают в самом центре ост-

рова, окруженные широким поясом джунглей, пробраться к ним невозможно. Только один английский ученый прожил у них около двух лет, питаясь одними дикими кореньями. Книга, которую он написал, получила хороший отзыв и от нашей Академии наук. В Коломбо я снял ее автора.

Шофер, возивший меня по всему острову, заверил, что к веддам мы проберемся. Я не очень этому верил, пока не узнал, что его брат, учитель, живет почти в самом центре острова и имеет связь с веддами. На машине мы добрались до какого-то далекого охотничьего домика, где действительно жил брат шофера, учитель. Дальше дороги не было.

Утром, до восхода солнца, учитель, шофер и я отправились к веддам. Надо было к полудню дойти до места, пробыть там не более часа и успеть возвратиться до захода солнца. При слове «джунгли» в моем воображении возникали картины непроходимых тропических зарослей. Здесь джунгли были другими. Мы шли без всякой дороги, перелезая через мертвые, без листьев, деревья. Под ногами трещали пересохшие от жары сучья. От пота щипало глаза, как от мыла. Я решил было уже заявить, что дальше не пойду, как мои проводники остановились и стали делать мне какие-то знаки. В нескольких шагах от нас сидела группа голых людей. С виду больные и слабые, они молча прижимались друг к другу, как испуганные звери. В стороне стоял молодой парень с повязкой на бедрах, но когда он повернулся, я увидел старика с седой бородой. Они жевали какие-то коренья, лица и руки их были вымазаны чем-то похожим на кровь. Как тут будешь их снимать? Я пожалел, что пошел сюда. Мой «Конвас» нагрелся так, что обжигал пальцы. Аккумулятор сел, чтобы начать съемку, надо было рукой пускать аппарат в ход.

Все-таки я начал снимать. Ведды оживились — вероятно, поняли, что ничего плохого делать с ними мы не собираемся. Мой шофер, проявляя режиссерские способности, стал командовать веддами. Приходилось постоянно выгонять его из кадра. Двое веддов показали танцы. Одному мальчику я дал в руки букварь (прихваченный из дома учителем). Маленький ведд вертел его в разные стороны. Возникла мысль о дикторском тексте: «Этот мальчик

впервые видит букварь, но скоро наступит время и т. д. Однако пора было возвращаться. Вечер здесь длится всего несколько минут, затем наступает темная тропическая ночь. Обратно мы шли очень быстро, никому из нас не хотелось оказаться ночью в лесу среди змей и шакалов.

Фильм монтировали в мое отсутствие. Монтажный лист с описанием съемок, как это часто бывает, утеряли, и мои несчастные дикари получились в картине какими-то пригородными бедняками, читающими букварь. Ничего исправить было невозможно,— фильм на «На острове Цейлон» был уже сдан в прокат.

Работа на Цейлоне подходила к концу. Снимаю улицы Коломбо, молодых ребят, собирающих деньги, чтобы послать делегацию на международный молодежный фестиваль в Москву. Снимаю, как они дают маленькое представление и объясняют зрителям, с какой целью собирают деньги. Люди бросают деньги в кружку. Стоящий рядом со мной рикша роется в карманах и не видит, что я его снимаю. Оставив коляску, он идет к сборщику и отдает ему свои гроши. Этим кадром был впоследствии особенно доволен режиссер Михаил Слуцкий, автор фильма о молодежном фестивале.

В последний день моего пребывания на острове уже из самолета я наблюдал необыкновенный закат. Половина неба была красная как кумач. На этом фоне замелькали черные силуэты пальм, и мы взлетели. За окном самолета появилась луна — рожками вниз.

В НЬЮ-ЙОРКЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На этот раз — в связи с двенадцатой сессией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, где с важной речью должен был выступать министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

У здания ООН большое оживление. Снимаю приезд делегатов. Вот выходит из машины Джон Фостер Даллес. Заметив, что его снимают, он идет не спеша, останавливается, с кем-то говорит и исчезает в две-

рях. Некоторые делегаты приезжают на обыкновенном такси.

Снимать я могу независимо от освещения в любом месте. В момент съемки на «Конвасе» вспыхивают три автомобильные лампочки, вызывая и удивление и зависть моих американских коллег. Но аппарат мой имеет один недостаток. В газете «Нью-Йорк Таймс» отметили, что он трещит, как трактор.

Выступает А. А. Громыко. Теперь я снимаю тихой синхронной камерой. Мне помогает звукооператор из киноотдела ООН. В конце речи А. А. Громыко говорит:

— Вместо соревнования в области вооружений мы предлагаем соревнование в деле преобразования природы и подчинение ее сил воле и мирным интересам людей. Именно такое соревнование, а не гонка вооружений, должно решить спор о преимуществах и недостатках той или иной общественной системы.

Через два часа я держу в руках хороший негатив. Но как доставить его в Москву? Обычный путь долог. Упаковываю негатив в коробку, кладу туда же монтажный лист и текст, завизированный министром, и еду в аэропорт. Там обращаюсь к представителю САС (Скандинавская авиатранспортная компания):

— Скажите, когда летит ваш первый самолет в Европу?

— Через сорок минут.

— В какой город?

— Копенгаген.

— Вот коробка с пленкой, на которую снято выступление в ООН нашего министра иностранных дел. Можно ли ее передать в Копенгагене представителю Аэрофлота?

— Я сейчас узнаю.— На минуту представитель САС уходит, а потом говорит: — Сделаем.

Еще по дороге в Нью-Йорк я сговорился на такой случай с представителем Аэрофлота в Копенгагене. На телевидение, которому предназначена пленка, даю телеграмму. Знаю, как четко работает САС, надеюсь, что все будет сделано. И все же гложут сомнения: я ведь даже не спросил фамилии представителя САС. Впрочем, если пленка потеряется, то что мне его фамилия...

Но расчет оправдал себя. Через два дня «Правда»

опубликовала речь А. А. Громыко, и в тот же день московское телевидение показало мою синхронную съемку. Тогда телевизионные спутники связи еще не существовали, поэтому оперативность телевидения многих поразила.

...4 октября 1957 года. Вечером слышу по радио потрясающую новость. Одеваюсь, бегу в номер к нашим журналистам Николаю Грибачеву и Вадиму Кожевникову, кричу:

— В нашей стране запущен спутник!

Они включили телевизор.

В первые дни в газетах наш спутник назывался «бэби-луна», а потом привилось русское слово «спутник». Американская пресса, радио, телевидение обсуждали вопрос, почему Советский Союз опередил Соединенные Штаты.

Интервью с американцами — вот что я должен теперь снимать. Но все мои попытки кончались неудачей. Американцы давать интервью отказывались, так как были запуганы (последствия так называемой «эпохи маккартизма»). Даже в магазине кинофототоваров, где меня хорошо знали, и там отказались сниматься. Вот тут и вспомнились мне симпатии, которыми во время войны были окружены советские кинохроникеры. Куда все это девалось?

Наконец удалось договориться с профессором Хассиалисом. Приезжаю в Колумбийский университет. Разговариваю со студентами прямо на лестнице. Отношение разное. Одни поздравляют, другие зубоскалят. Над лестницей огромная, во всю стену, таблица периодических элементов. Спрашиваю: «Кто автор?» Не знают. «Это русский — Менделеев»,— говорю им и поднимаюсь к профессору Хассиалису.

Вот что он сказал:

— Я не уверен, могу ли я должным образом говорить от имени всех моих коллег. С некоторыми из них я неофициально беседовал. Их единогласное мнение, что это выдающееся достижение русской науки. Это будет стимулировать и другие нации добиваться таких же результатов. Когда один ученый достигает чего-либо, это всегда стимулирует его коллег добиваться того же. В этом смысле запуск спутника дал нам следующее: во-первых, он является значительным достижением в области знания, во-вторых, это сти-

мулирует развитие науки во всем мире и в-третьих, мы добавили к своему словарю новое слово — спутник...

Это осторожное высказывание профессора Хассиалиса и восторженные слова знаменитого певца Поля Робсона вошли в фильм режиссера М. Славинской «Первые советские спутники Земли». Но о съемке Поля Робсона надо рассказать подробнее.

Сначала я встретился с его сыном и обо всем договорился. Синхронный киноаппарат взял в прокатной фирме, а звукооператора обещали прислать из киноотдела ООН. Он должен был приехать на квартиру Робсона в определенный день и час.

Поль Робсон жил в негритянском районе Нью-Йорка — Гарлеме, на улице Терраса. Длинный ряд плотно прижатых домов был похож на сплошную трехэтажную террасу.

Квартира певца, как, вероятно, и другие квартиры в этих домах, располагалась вертикально. Вот комната в нижнем этаже, там же и кухня. Маленькая комната на втором этаже служила столовой, гостиной и кабинетом. На третьем этаже маленькая спальня. Приветливый хозяин не знал, куда сдвинуть мебель, чтобы поместилась наша громоздкая съемочная техника и осветительные приборы. Жены дома не было. За час до нашего прихода Робсон пел по телефону для английских горняков, выезд в другие страны ему был запрещен.

Уже пора снимать, а звукооператора все нет. Ждем еще час — нет. Как быть? Начинаю догадываться, что он испугался и даже не предупредил об отказе участвовать в съемке. Звоню в фирму, где получил аппарат, и заявляю, что использовать его не могу.

— Почему?

— Потому что не явился звукооператор. Пришлите кого-нибудь, кто поможет хотя бы разобраться в аккумуляторах.

Приехал мастер по ремонту аппарата, но он никогда не бывал на съемках. В роли осветителей были два работника из нашего представительства, но ни за светом, ни за мной они не следили, устремляя все внимание на Поля Робсона. Нелегкая была работа!

Вот что сказал по-русски Поль Робсон:

— Дорогие советские друзья! Я и моя семья от души поздравляем вас с великим праздником сороковой годовщины Октябрьской революции. Это праздник всех нас. Я родился и рос в Америке. Первый раз я был в вашей стране в тридцать четвертом году, только тогда я почувствовал себя человеком, только у вас отнеслись ко мне как к равному, по-человечески. Это огромное завоевание Октябрьской революции.

Мой отец был рабом. Во многих частях нашей страны, как известно, и до сих пор негров не считают за людей. И большая благодарность, глубокая благодарность за ваш пример — равенство всех людей в вашей стране.

Всего хорошего, сердечный привет от вашего друга, настоящего верного друга, и от всей моей семьи.

Поздравление Поля Робсона было передано по нашему телевидению в день сорокалетия Октября и полностью вошло в киножурнал «Новости дня» и в кинохронику социалистических стран.

Он говорил это с огромной эмоциональной силой, дружелюбно улыбаясь, глаза его сияли. Зрителям и в голову не приходило, что он совершенно не знает русского языка: слова он выучил с помощью своего сына.

Мы возвращались, закончив съемку. Такси вел старый негр, сиплый, как Луи Армстронг. Я сказал ему, кого мы снимали. Шофер пришел в восторг.

— Поль Робсон великий артист! Мы все друзья Советского Союза. Я даже не сообщу полиции о том, что вез вас.

Таймс-сквер. Сажусь к чистильщику обуви. Негр старается. Из его дырявых ботинок торчат голые грязные пальцы. Я был без аппарата, но если бы и снял — не поверили бы, сказали бы, что организовал... Но на днях я все же снял одного нищего, он рылся в мусоре, а было это на фоне здания ООН. Но этот кадр никуда не вошел.

Перед самым отъездом из Америки снимаю толпу на Бродвее. Сквозь визир аппарата вижу великана. Он приближается ко мне. Первая мысль: а, знаю, как это делается! Надел на свою голову еще плечи с головой, а сам смотрит сквозь пуговицы на груди. Продолжаю снимать. Великан приближается, он почти в

два раза выше окружающих. Теперь я вижу, что голова у него настоящая. Вот он наклоняется ко мне, стоп!

— Вам от меня что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо,— отвечаю ему, несколько оробев.

Он пошел дальше, я снимаю и вижу на его спине привязанный гроб, и там покойник... Это была реклама нового фильма ужасов «Дракула», а великан — известный актер, исполнявший в нем главную роль.

Постоянно вспоминается мой первый приезд в Нью-Йорк четырнадцать лет назад, во время войны. Вспоминается студия кинохроники «Новости дня». Что там теперь? Где наши фронтовые коллеги? Мне захотелось побывать на этой студии.

Узнаю здание, напротив тот же бар. Но почему кругом так тихо и нет машин? Открываю дверь, вхожу. Гулко раздаются мои шаги в пустом помещении. Появляется человек. Мне повезло: это старый работник студии, он прекрасно помнит встречи с советскими хроникерами. Рассказывает, что почти все операторы перешли на телевидение, а в этом доме делают теперь только один киножурнал в месяц, да и тот идет на экспорт. Так прекратила свое существование кинохроника в Америке.

Теперь телевидение во многом уверенно заменяет кинохронику и у нас.

СНОВА ЛОНДОН И НЬЮ-ЙОРК

В августе 1958 года я приближался к новому месту работы: меня назначили представителем Совэкспортфильма в Англии. Самолет идет на посадку. Под нами вечерний Лондон. Еще светло, но уже горят уличные огни. Плотно прижатые дома делают улицы похожими на длинные товарные поезда. Окраина города напоминает бесконечно запутанную железнодорожную станцию. Самолет бежит по посадочной полосе.

Подземными путями привозят нас к зданию аэровокзала. Из репродуктора доносится голос: «Подданные ее величества проходят первыми!» Высокий нарядный негр, самодовольно на нас поглядывая, идет

вперед. Он раньше всех подошел к полицейским, проверяющим паспорта и визы. Пройдя все формальности, мы уже уходили из аэропорта, а таможенники все еще рылись в чемоданах «подданного ее величества».

Небольшая справка. Кинематография как отрасль промышленности и торговли состоит из трех элементов: производство фильмов, их прокат и кинотеатры. В западных странах руководящую роль в кино играют прокатчики. Они могут взять, а могут и не взять новый фильм в прокат. Они держат в страхе владельцев кинотеатров — могут им дать или не дать фильмы для показа. Объединившись, они держат в руках кинорынок, влияют на кинофестивали и играют в большой политике заметную роль.

Самое популярное имя в английском кино — Рэнк. Разбогатевший на мукомольных предприятиях Артур Рэнк стал владельцем студии, крупнейшим прокатчиком и хозяином лучших кинотеатров. Его имя носят и многие другие предприятия страны. Во всех районах Лондона, во всех городах Англии его кинотеатры — «Одеоны» и «Гомоны» — составляют замкнутую систему проката фильмов. В них демонстрируются только английские и американские фильмы. Крупным прокатчиком является и «Бритиш Лайон»,— организация, имеющая и свою киностудию. Далее идут фирмы помельче. Наиболее влиятельная из них — «Галла фильм», с которой у нас и был договор.

Мне дали совет: по приезде в новую страну в первый месяц не принимать никаких решений, а только присматриваться и знакомиться. Но с первых же дней приезда в Лондон у меня начались очень тяжелые, сложные переговоры с директором фирмы «Галла фильм» Кеннетом Райвом. Дело в том, что договор с его фирмой был нарушен нашей стороной. Райв имел право первого просмотра и отбора всех присылаемых в Англию советских фильмов. В Лондон был прислан фильм «Летят журавли», получивший первую премию на кинофестивале в Каннах. Наш инженер, замещавший представителя и почему-то невзлюбивший Райва, с согласия объединения продал этот фильм одной крупной фирме, так и не показав его Райву.

Начался скандал, о котором я знал еще в Москве.

В Лондоне знакомлюсь с Кеннетом Райвом. Он заявляет, что требует удовлетворения.

— Вы должны выложить на стол мне двадцать тысяч фунтов стерлингов, и я возвращу вам договор.

Ломаю голову, как быть.

Мы вышли из положения с помощью Вильяма Боксерна, фактического руководителя и финансиста фирмы «Галла фильм».

Подписав договор на покупку фильма «Путь в высшее общество», я продал наши фильмы «Судьба человека» и «Лебединое озеро». Это были первые советские фильмы, которые прошли через все тысячу двести кинотеатров Рэнка, а это значило, что их видела вся Англия.

С официальной цензурой я не сталкивался ни в одной стране. Роль цензоров выполняют сами прокатчики. Об идеологии и речи не было, обычно они говорили: «Это не коммерческий фильм».

Конечно, не все наши фильмы подходили для экспорта. Вспоминается разговор с прокатчиками после просмотра одной картины. Действие там происходило где-то в Сибири на лесозаготовках. Герой фильма сливал бензин из бака машины, чтобы обмануть начальство, увеличить количество поездок. Потом он становится положительным и даже спасает жизнь замерзающему корреспонденту, зная, что тот будет его разоблачать. Мне сказали: «Вместо того, чтобы вызвать полицию, вы делаете фильм. Зачем?» Отшучиваюсь, что лучше иметь дело с фильмом, чем с полицией.

В начале 1959 года наши кинематографисты стали готовиться к Первому Московскому международному кинофестивалю. В конце апреля получаю указание срочно встретиться с господином Уоткинсом, чтобы решить некоторые проблемы, связанные с организацией кинофестиваля. Кто такой Уоткинс? Этого я пока еще не знал.

В Лондоне издается ежегодный справочник «Кто есть кто в кинематографе». Нахожу там двух Уоткинсов. Об одном лишь несколько строчек, а вот там, где речь идет о другом, на двух страницах дан перечень международных организаций, членом которых он состоит. Значит, это тот, который мне нужен.

У деловых англичан есть традиция: для решения важных вопросов встречаться в ресторане в обеденное время. Расходы несет пригласивший. В нашем представительстве работала секретарем Нина, жена молодого дипломата. Она в совершенстве знала английский язык и лондонские порядки.

— Нина! Вот этого Уоткинса я приглашаю завтра на ленч в «Роял-кафе».

Через несколько минут Нина сообщает, что Уоткинс дал согласие на встречу.

«Роял-кафе» находится в центре города, около Пиккадилли. Это известное артистическое место, говорили, что там любил бывать Оскар Уайльд. Мы встретились с Уоткинсом в баре и направились в зал. Столик был заказан. За ленчем, когда мы разговорились, собеседник сказал:

— Очень сожалею, но я не тот Уоткинс, который вам нужен. Это бывает,— весело продолжал он,— нас часто путают. Если что-нибудь хорошее — я говорю, что это я, а если плохое, говорю, это — он!

Расстались мы по-дружески. Тороплюсь в представительство и прошу Нину пригласить на ленч уже другого Уоткинса.

На следующий день на том же месте я встретился наконец с вице-президентом международного союза продюсеров Уоткинсом. Сели за столик. Только в конце встречи я заговорил о деле. Я спросил его:

— Мистер Уоткинс, вам известно, что в Москве состоится кинофестиваль?

— Да, я слышал об этом.

— Как вы относитесь к его проведению?

— В нынешнем году это вряд ли целесообразно.

— Почему?

— Потому что и так состоится слишком много разных международных кинофестивалей: в Каннах, в Венеции, в Западном Берлине... наша организация просто не в силах будет принимать участие в Московском фестивале. И еще: ваша страна не подходит под устав международного союза продюсеров, у вас нет свободного рынка для фильмов. Вы не покупаете западные фильмы.

Когда он говорил, его верхняя губа не двигалась, потом я заметил, что это свойственно всем англичанам — такой уж язык.

— Это неверно, мы покупаем. Только что закуплен английский фильм «Путь в высшее общество», ведутся переговоры и о других лентах.

Мой собеседник озадачен, вижу, он колеблется. Официанты уже убирают другие столики, готовятся к вечеру. Я решил обратиться к самому вескому аргументу. Английские газеты в те дни нагнетали очередные страхи о «советской угрозе». Мы заговорили об этом. Спрашиваю Уоткинса:

— Вы допускаете, что может быть новая война?

Он грустно соглашается.

— Мистер Уоткинс! Если каждый из нас будет делать все, что в его силах, чтобы не было войны — ее может и не быть. Смотрите, как к организации фестиваля готовится Москва: предоставляется Кремлевский дворец, приглашаются гости, в том числе и вы. Там обязательно будет работать кинорынок. Сделайте и вы шаг навстречу...

— Передайте, я буду голосовать «за»!

Позднее мне стало известно, что заседавшие через несколько дней в Женеве руководители международного союза продюсеров приняли решение об участии в Московском фестивале.

Первый Московский международный кинофестиваль прошел с большим успехом. Из многих стран приехали актеры, режиссеры, представители фирм. Из Англии прибыла делегация во главе с Чарльзом Бромхэдом. Приехали Сильвия Симс и юный Клиф Ричард, он ходил с гитарой и распевал на улицах. Из Австралии привезли маленькую девочку, игравшую главную роль в одном фильме. Она то и дело терялась в Москве, и милиция доставляла ее в гостиницу к маме.

Был и казус, о котором писали западные журналисты. Элизабет Тейлор и Джина Лолобриджида появились в очень дорогих, но совершенно одинаковых кружевных платьях. Потом был скандал с парижской портнихой.

Когда призы были вручены и договора подписаны, министр культуры СССР устроил прощальный обед в ресторане «Прага». Я сидел за столиком с английскими гостями. Неожиданно увидел мистера Уоткинса (на фестивале нам встретиться не пришлось). Он сидел невдалеке и пытался поймать мой взгляд.

Открытие памятника В. И. Ленину. За спиной музыканта Н. Лыткин. Вологда, 7 ноября 1924 г.

На реке Хор в Уссурийской тайге.

Бывший политкаторжанин С. П. Бугайский показывает кандалы пионерам. Остров Сахалин, 1935 г.

Кадр из киножурнала «Задержание нарушителя на границе». 1937 г.

Доставка пушнины. Кадры из киножурналов «Советский Дальний Восток» и «Сдача пушнины».

Орел добывал рыбу и примерз крыльями ко льду. Таким его и застал удачливый охотник.

Кинооператоры Николай Лыткин и Михаил Посельский. На острове Беринга.

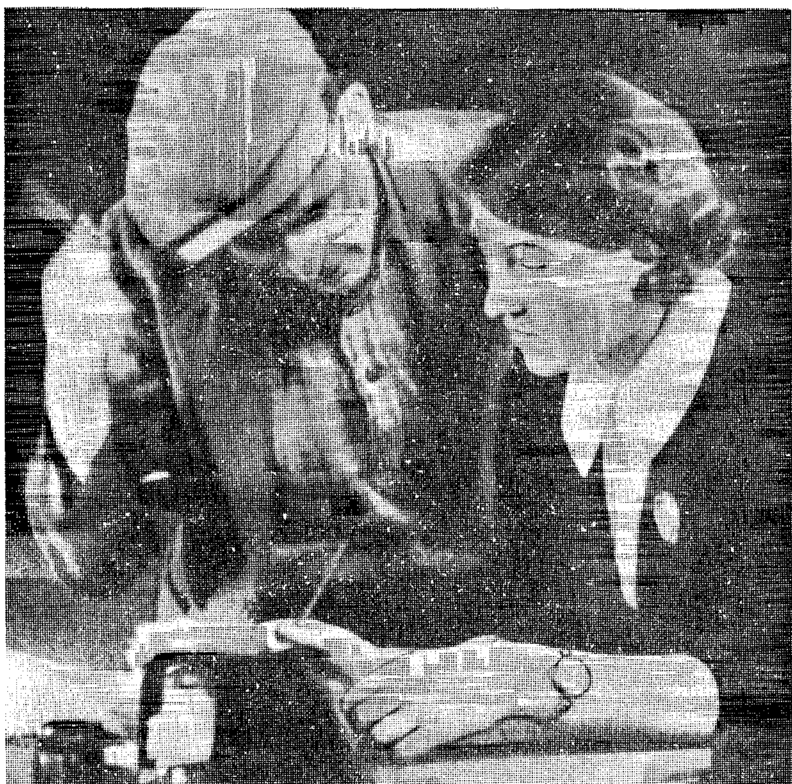
На съемках киноочерка «Тигроловы».

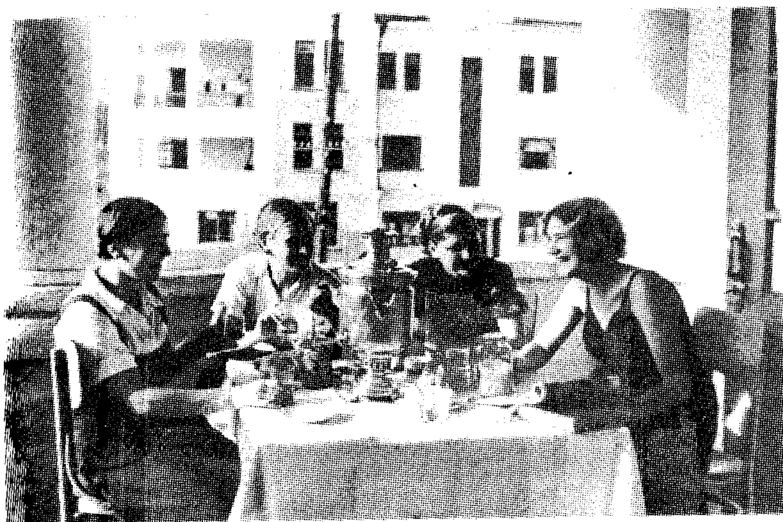
Кадры из киноочерка «Тигроловы».

Н. А. Лыткин и В. С. Хетагурова во время работы над киноочерком «Хетагуровки». г. Хабаровск.

Рабочий момент съемок киноочерка «Хетагуровки». За аппаратом кинооператор Иван Чешев.

Кадры из киноочерка «Хетагуровки».

Девушки-хетагуровки у нанайцев на реке Амур.

Урок в школе. Село Никольское, остров Беринга, 1940 г.

Н. Лыткин, 1939 г. Фото А. Штеренберга.

Перед полетом в Хабаровск.

Дорогами войны.

Н. Лыткин и В. Дульцев.
После взятия Тильзита.

Солдаты форсируют реку.

Восточная Пруссия.

Кинооператоры В. Ефимов и Н. Лыткин, журналист А. Ивантер и поэт С. Кирсанов.

Практические занятия с сержантами-кинооператорами.

Слева направо: кинооператоры В. Микоша, Н. Лыткин, В. Соловьев, Р. Халушаков. Нью-Йорк, 1943 г.

Чарли Чаплин, 1943 г. Справа его автограф и рисунок на обороте фотографии Наташи Лыткиной. (Фото слева внизу.)

Открытие конференции по созданию ООН. Перед зданием Опера-хаус. На переднем плане А. Громыко и В. Молотов. Сан-Франциско, 1945 г.

Лондон. Вид на Парламент.

М. Шолохов на площади Трафальгар-Сквер в Лондоне.
(На нижнем снимке письмо Шолохова Н. Лыткину.)

Дорогой т. Лыткин!

Фотографии получил. Спасибо. Продержал ты их 14 лет, да еще пишешь, что „теперь тебя уже не будет мучить совесть." Но я хочу, чтобы и меня помучила совесть, а потому книгу с автографом пришлю тоже через 14 лет, в 1988 г., не раньше...

С приветом М. Шолохов

17. 6. 74.

XII сессия ООН. Зал заседаний. Нью-Йорк, 1957 г.

На Бродвее. Нью-Йорк, 1957 г.

Интервью с Полем Робсоном, 1957 г.

Американец читает сообщение о запуске первого советского спутника. Нью-Йорк.

С новыми друзьями. Шанхай, 1949 г.

Реклама фильма «Клятва» в Бангкоке.

Бангкок — столица Сиама (ныне Таиланд), 1949 г.

Шанхай, 1949 г.

В центре острова Цейлон у веддов.

Король Норвегии Хокон XII и принцесса Астрид. Осло, 1955 г.

Посол СССР в Норвегии С. А. Афанасьев и писатель А. Фадеев. Осло, 1953 г.

Н. Лыткин, С. Бондарчук и И. Скобцева. Стокгольм, 1969 г.

Детская писательница Астрид Линдгрен и режиссер Олле Хэдбон с юными актрисами.

Отто Гримлюнд. (Внизу оборот фотографии с автографом.)

Till min vän Lytkin 20/11 68
Otto Grimlund

Перевод:

Моему другу Лыткину 20/11-68 г.
Отто Гримлунд

Фотография, подаренная Отто Гримлюнду В. И. Лениным (с автографом).

Н. Лыткин на съемке телерепортажа. США, 1959 г.

Когда наши взгляды встретились, Уоткинс встал, поднял бокал и громко крикнул:

— Мистер Лыткин, вы помните?

Раз в год англичане устраивают так называемый королевский просмотр фильма. Делается это с благотворительной целью, для оказания помощи больным и престарелым киноработникам. Билеты распределяются среди знати и руководителей крупных фирм.

Гвоздь мероприятия — присутствие королевы. Перед началом сеанса ей представляют небольшую группу известных кинодеятелей, актеров и режиссеров. Все они стоят в один ряд. Появляется королева и, милостиво улыбаясь, здоровается с каждым за руку. Мужчины кланяются, женщины приседают. Все это передается по телевидению, снимается кинохроникой, фоторепортерами и на следующий день распространяется газетами. Англичане говорят, что мировая слава кинодеятелей утверждается только после королевского просмотра. В начале шестидесятых годов среди тех, кто «прошел» через королевский просмотр, были Чаплин и Дисней.

Телевидение начинает передачу с того момента, как к кинотеатру «Одеон» подъезжает машина с королевой. Дверцы открывают два старика, организаторы просмотра Артур Рэнк и Чарльз Бромхэд.

Однажды Бромхэд мне сказал:

— Мы хотели бы наш очередной королевский просмотр сделать более представительным и пригласить ваших актрис Татьяну Самойлову и Майю Плисецкую, а также одного кинорежиссера по вашему усмотрению.

Вот это здорово, подумал я, ведь только на днях коллегия Министерства внешней торговли требовала улучшить положение с рекламой, а лучшего способа привлечь внимание к нашим фильмам и не придумаешь. В Москву полетели телеграммы. До просмотра еще целых полгода, но увы и ах! Наш Совэкспортфильм был в системе Министерства внешней торговли, а кинематография—в системе Министерства культуры. Кого послать и куда послать, там решали, не считаясь с интересами проката фильмов за границей.

Месяца через два Бромхэд спрашивает:
— Ну, как дела?
— Пока ничего не могу ответить.
Ответ пришел накануне очередного королевского просмотра: «Мы не имеем времени подготовить делегацию...»

В Москве не забыли, что я кинохроникер. Неожиданно получаю указание снимать для телевидения пребывание нашей правительственной делегации в США.
В Нью-Йорк я прибыл в семь часов утра, когда в Лондоне был уже полдень. Прилетевшие предъявляют паспорта и справки о прививках. Я и не знал, что потребуется такая справка. Меня провожают в комнату, где пахнет лекарствами. Ну, думаю, сделают сейчас какой-нибудь укол против холеры, три дня не разогнешься. Объясняю проверяющему документы американцу, что я оператор из Москвы. Тот смеется, достает желтую книжку, вписывает мою фамилию и говорит: «У вас есть все прививки!»
Иду вниз, туда, где выдают багаж. Зная, что американцы осведомлены о визите, объясняю таможеннику, зачем я приехал. В это время на ленте транспортера появляются чемоданы.
— Где ваш багаж? — спрашивает он. Я показываю, таможенник делает отметки мелом.— Пожалуйста.

...Прибываю в Вашингтон. Гостиница «Статлер», где я должен остановиться, совсем рядом с нашим посольством. Получаю ключ, поднимаюсь на лифте, вхожу в номер и вижу на столе большую корзину с фруктами и карточку с надписью: «Мы вас приветствуем, Николай Лыткин!»
На следующий день — сенсация. Ракета, запущенная с территории нашей страны, достигла Луны. Это впервые в истории человечества!
Надо срочно снять отклики на это событие. Вместе с прибывшим сюда оператором телевидения Борисом Соколовым едем в центр столицы. Я решил попы-

таться взять интервью на фоне Капитолия. Зная, как иностранцы любят снимать у нас на фоне Кремля или церкви Василия Блаженного, я тоже решил брать интервью на фоне самого популярного здания в Америке.

Не успели мы установить аппарат, как подошел полицейский и запретил снимать со штатива. Но с рук снимать, оказывается, можно. Пришлось Борису Соколову поднимать аккумуляторы на спину, а аппарат укрепить на груди. Теперь дело за теми, кто мог бы дать нам интервью. Конечно, хотелось бы поговорить с конгрессменами. Но как их вытащить из этого здания? Когда я обращаюсь к прохожим, они молча ускоряют шаг. Но тут неожиданно повезло. Недалеко от нас мы увидели уличного фотографа. Он снимал каждого проходящего и всем вручал талончики с номерами снимка и адресом, по которому можно заказать фото. Но его талончики выбрасывали в ящик для мусора. Я подошел к фотографу:

— Послушайте, мы с вами коллеги. Я из Москвы, снимаю для телевидения. Нам нужны конгрессмены.

— Конгрессмены? Идемте!

Он ведет меня в густые кусты сквера, открывает портфель и протягивает мне пачку фотографий.

— Это все конгрессмены, выбирайте!

Я вижу отличные снимки, сделанные в ресторанах: на коленях солидных мужчин сидят полуголые девицы, обнимаются, целуются, пьют вино. Объясняю, что это мне не нужно. Мне нужны живые конгрессмены для интервью.

— О'кэй! — И фотограф тут же на улице ловит одного и подводит к нам. Конгрессмен соглашается дать короткое интервью. Борис Соколов включает аппарат. Я представляю конгрессмена, спрашиваю, что он подумал, когда узнал, что советская ракета достигла Луны.

— Это великое достижение, если это правда. Говорят, что Никсон не верит этому, и я тоже сомневаюсь.

Фотограф подводит еще двух конгрессменов. Оказывается, он знает каждого и все они знают его. Задаю им тот же вопрос. Один из них отвечает:

— Как жаль, что Луна потеряла свои чары!..

Большинство конгрессменов, из тех, с которыми

нам удалось переговорить, высоко оценило достижение нашей страны. А шофер нашей машины, негр, сказал: «Это хорошо, но лишь бы не было войны».

Тем временем фотограф задерживал всех, идущих обедать, и собрал для нас большую группу конгрессменов. Что делать? Снимать каждого было невозможно, да и не нужно. Снимаем всю группу, благодарим. Моя память сохранила улыбающееся лицо конгрессмена Джона Кеннеди.

Затем Борис Соколов снимает меня. Я говорю в микрофон:

— Мы находимся в столице Соединенных Штатов Америки Вашингтоне. За моей спиной вы видите здание Конгресса. Сегодня утром американцы узнали, что советская ракета достигла поверхности Луны. Мы решили узнать, как американские конгрессмены отнеслись к этой новости. Беседуем с конгрессменом из штата Айова.

Теперь, когда я смотрю телепередачи из Америки, когда вижу нашего комментатора в Вашингтоне, на том же месте, на фоне Капитолия, я всякий раз вспоминаю ту первую передачу, уличного фотографа, смущенных конгрессменов и все свои волнения. Многое теперь кажется в той съемке наивным, зато мы с Соколовым оказались «первопроходцами» к стенам Капитолия.

После возвращения из Америки заметно изменилось отношение ко мне руководителей английских прокатных фирм. Дела пошли лучше.

С английским телевидением у меня установились хорошие деловые отношения. Оно охотно брало наши мультфильмы, утверждая, что ни одна страна не производит таких хороших детских лент.

В ночь на 1962 год вся Англия смотрела по програме Би-би-Си наш фильм «Карнавальная ночь».

Однажды я смотрел телепередачу о лесных обитателях. Материал был собран из разных стран. Вот появился медведь, и я оживился. Да ведь это «мой» медведь! Вот он заходит в речку, опускает голову в воду и с рыбиной на плече уходит в кусты. Да, это он, тот самый, несомненно. Я снимал его на Камчатке.

Это было так. Мы уже должны были отплыть на

маленьком судне из Петропавловска на Командорские острова, но море штормило, и мы ждали погоды. Случайно узнали, что в доме одного охотника живет медведь. Я решил снять, как медведь ловит рыбу. Купил на базаре у маленькой девочки две рыбины. Девочка пугливо озиралась, рыбой почему-то торговать было запрещено. В столовой я достал бутылку сладкой подливки. Нашли грузовую машину и поехали к охотнику. Медведь оказался довольно крупным, он давно жил у хозяина. Пока мы ехали в лес, охотник расчесывал ему следы ошейника. Нашли подходящую речку, медведь попробовал сладкой подливы, понюхал рыбу. Чуть побрызгав из бутылки подливкой в сторону речки, я показал ему рыбу, отнес ее в реку и засунул под камень. Приготовил аппарат и крикнул: «Пускайте медведя!» Начинаю снимать. Медведь не торопясь идет к воде, забредает в речку, опускает голову в воду и, с рыбой на плече, уходит в кусты. Съедает там рыбу. У меня была вторая. Снимаем дубль. Медведь, как актер, повторяет все в том же порядке. В награду отдаю ему сладкую подливку и снимаю, как он ее лижет, на всю оставшуюся пленку.

Медведь бродил и ловил рыбу в кадрах фильма «День нового мира» и, как оказалось, бродит до сих пор по экранам телевизоров в разных странах.

Хочу рассказать немного об английском телевидении, каким оно было в то время, в конце 50-х годов.

Меня всегда интересовало, как дикторы, читая последние известия, сыплют цифрами и именами, почти не заглядывая в бумагу.

Оказалось, это делается просто. Над объективом телекамеры установлено зеркало под углом 45 градусов, и диктор видит в нем отражение экрана телевизора, по которому медленно снизу вверх поднимаются строчки текста. Как же поступает текст на экран телевизора? В той же комнате, чуть в стороне, за столом сидит девушка и медленным вращением колеса протягивает бумажную ленту с напечатанным текстом. Над столом укреплена телевизионная камера, передающая текст на телевизор, который через зеркало и видит диктор. Любой умеющий читать может выглядеть перед зрителями как специалист по любому вопросу.

— Это не трудно,— спрашиваю девушку,— двигать текст так, чтобы диктор не мог ошибиться?

— Что вы! Я даже успеваю написать ему: «Поправьте галстук!»

Как-то, приехав в Москву в отпуск, я рассказал об этом на нашей телестудии, но зря старался. Один из техников сказал: «Для этого нужен отдельный канал», а руководивший совещанием при слове «канал» нахмурился и ничего не ответил. Но через двадцать пять лет и у нас стали читать, заметно поднимая голову.

...Вторая программа английского телевидения — «коммерческая», существует на деньги рекламодателей. Каждые полчаса прерывается передача и дается реклама, очень короткая, остроумная и запоминающаяся. Вот рекламируются кошачьи консервы. Появляется изображение двух одинаковых кошек. Голос спрашивает: «Которая из кошек бабушка, эта?» — «Нет, эта!» — и появляется банка консервов. Бутылка с канцелярским клеем «Энди». За кадром женский голос сладострастно шепчет: «Ты такой крепкий, Энди!»

Как раз в то время большое распространение получили телесериалы. Количество серий в одном фильме — как правило, 13, 26 или 39. Каждый телефильм дается раз в неделю, в определенный день и час. Телезрители так привыкают к программе передач, что знают время показа всех фильмов, как загородный житель знает расписание дачных поездов. Ежедневно передается три-четыре телефильма, а в течение недели — около двадцати пяти. Когда идет интересная серия, заметно пустеют улицы.

С большим любопытством смотрел я однажды фантастическую драму о первом полете человека в космос. Это был русский.

...Космонавта не слышит центр управления полетом. Но он спокоен. Пролетая над Канадой, слышит, как вызывают по радио врача к больному ребенку. Канадский врач далеко, мальчик умирает от скарлатины. Космонавт, будучи сам врачом, дает советы, как сделать трубочку из гусиного пера, как проколоть горло ребенку. На следующем витке он узнает, что ребенок задыхается, и он еще раз повторяет, что надо делать. Пролетая еще раз над Канадой, он узнает,

что ребенок спасен, слышит, как благодарят его родители, не подозревая, что тот находится в космосе. Герой гибнет, потеряв связь с землей.

Телеспектакль кончается тем, что советский генерал сообщает печальную весть жене космонавта.

Через три дня после демонстрации фильма мир впервые услышал имя Юрия Гагарина.

Еще мне запомнилась веселая серия телевизионных фильмов «Кандид камера». Ведет ее известный актер. Даются отдельные эпизоды «розыгрышей», иногда очень смешные. Всё «из жизни», снято скрытой камерой. В фильмах участвует актер, которого хорошо знают телезрители, но те, кого он разыгрывает, его не узнают.

В парке на скамейке сидит, задумавшись, пожилой человек. К нему подсаживается актер. Он одет во фрак, на голове цилиндр. Оба долго молчат. Вдруг из цилиндра на голове актера, как из фабричной трубы, начинает идти густой черный дым. Сосед, равнодушно взглянув на дым, отворачивается, все еще погруженный в свои мысли, и говорит:

— У вас из головы идет дым!

Настоящий английский юмор.

Изучив, как обстоят дела у англичан с кинохроникой и телевидением, я написал министру культуры Н. А. Михайлову о том, что надо объединить Центральную студию документальных фильмов с телевидением. Письмо было большое, примеры с расчетами страниц на двадцать — целый трактат. Ответа не было. Позднее, находясь в командировке в Джакарте, я встретился там с нашим послом в Индонезии, бывшим министром культуры Михайловым. Спрашиваю, помнит ли он это письмо.

— Да, конечно,— отвечает.— Предложение ваше меня заинтересовало, и я пригласил ваших деятелей Л. Варламова, А. Аванесову и еще кого-то, чтобы с ними посоветоваться. Они явились, увешанные лауреатскими медалями, и прямо с порога закричали: «Николай Александрович! Вы что, хотите ликвидировать завоевание революции, нашу ордена Красного знамени Центральную студию документальных фильмов и прочее и прочее». Я замахал руками, и все осталось по-прежнему.

В Лондоне мне довелось встретиться с двумя моими замечательными соотечественниками: Гагариным и Шолоховым.

Юрий Гагарин прилетел на советскую выставку, проходившую в Лондоне. Выставка имела большой успех. Мои знакомые присылали визитные карточки, фотографии первого космонавта, с просьбой раздобыть автографы героя.

Выбрав время, спросил Юрия Алексеевича:

— Какой самый трудный момент был в полете?

Гагарин засмеялся:

— Самый трудный момент был уже после полета, когда я шел от самолета по ковровой дорожке с докладом. У меня развязался шнурок на ботинке, и мне казалось, что я вот-вот упаду.

Позднее в документальном фильме я заметил, как болтались его шнурки.

А Шолохова я снимал для нашего телевидения. Мы гуляли по городу, он шутил:

— А карточки мне пришлете?

— Обязательно.

— Ой, обманете,— он хитро улыбнулся.

К сожалению, он оказался прав. Через много лет случайно нашел негативы, напечатал снимки и послал Шолохову. Написал ему, что теперь меня уже не будет мучить совесть, и попросил прислать книгу с автографом. Через неделю получил такое письмо:

«Дорогой т. Лыткин!

Фотографии получил. Спасибо. Продержал ты их 14 лет, да еще пишешь, что «теперь тебя не будет мучить совесть», но я хочу, чтобы и меня помучила совесть, а потому книгу с автографом пришлю тоже через 14 лет, в 1988 г., не раньше...

17.06.74. С приветом М. Шолохов».

Как жаль, что эту книгу я так теперь и не получу...

...Живя в Лондоне, имел я случай убедиться в зубоскальстве английской прессы.

Мы брали уроки английского языка у хмурой жительницы Лондона, очень похожей на героиню рассказа Чехова «Дочь Альбиона». Домашнее задание, чтение, грамматика, разговор, снова домашнее зада-

ние, чтение, грамматика и разговор. Однажды в разделе «разговор» я рассказал, что у меня улетел в окно попугай. Что тут особенного? И вдруг самая распространенная лондонская вечерняя газета на всю страницу помещает огромную фотографию какого-то попугая под жирным заголовком: «Красный попугай выбрал свободу!» Далее сообщалось, что у представителя Совэкспортфильма такого-то, проживающего там-то, улетел попугай.

Весь следующий день звонили из различных редакций и спрашивали о попугае. От этого можно было сойти с ума! Из одной газеты приехали фоторепортеры. Телефон трещал непрерывно.

Через несколько дней я встречался с руководителями крупной фирмы «Бритиш Лайон». Был деловой разговор, а я все время ждал вопросов о попугае. Наконец сам выразил возмущение газетной трепотней. А мне говорят:

— Вы еще не знаете Англию. Из советских представителей вы сейчас самый популярный человек. К вам хорошо относятся, потому что вы любите птиц, а страница рекламы в этой газете стоит 700 фунтов.

Вскоре я начал получать письма от англичан примерно одинакового содержания. Вот типичное, на семейном бланке: «Мы узнали, что у вас улетел попугай. Мы имеем пять попугаев, из них два говорящих, и будем рады подарить вам любого. С уважением...»

Заканчивая заметки о Лондоне, не могу удержаться, чтобы не упомянуть об одном немаловажном атрибуте лондонской жизни: об уличном движении. Дело в том, что главное правило движения там — уступчивость. Бывало, например, так. В первое время я по привычке иногда держался правой стороны, особенно если улица была пустая. Но вот появляется встречная машина. Опомнившись, занимаю левую сторону. Англичанин улыбается — понимает, что встретил иностранца. И всякий раз, когда я ошибался или попадал с машиной в затруднительное положение, мне с готовностью помогали.

...Одна уличная сценка, если ее снять синхронно на звук, была бы прекрасной рекламой советского автомобиля. На улице пробка, столкнулись машины.

Впереди нашей «Победы» — машина с разбитым багажником, позади «Победы» — машина с разбитым радиатором и капотом. На «Победе» ни одной царапины. Рослый полицейский в каске объявляет толпе:

— Русская машина — самая крепкая машина в мире!

Возвратившись из Англии, я несколько лет работал заместителем председателя Совэкспортфильма. И снова путешествия в разные страны — уже в качестве «вице-президента» объединения, как меня там именовали.

Канны, 1963 год, начало мая. Международный кинофестиваль. На набережной Круазет, около гостиницы «Карлтон», густая толпа туристов. Одни прибыли на собственных шикарных яхтах, другие на машинах, третьи — кто на чем. Здесь кинозвезды со всего света, короли джаза и незаметные кинематографические дельцы — прокатчики.

Однажды я рано проснулся. Тишина, на набережной пусто. Из окна «Карлтона» вижу, как молодые люди во фраках, гордо улыбаясь, моют машины последних марок. Вот молодцы, подумалось мне, погуляв в ночных клубах, они вышли поработать вместо утренней зарядки. На следующее утро я увидел тех же молодцов во фраках с бабочками, но они мыли другие машины. В чем дело? Оказалось, что это простые мойщики. Их одевают, заставляют улыбаться для рекламы, для шика знаменитой гостиницы. А в то время, когда они разыгрывают роли бодрых аристократов, настоящие хозяева машин крепко спят в номерах.

Не буду повторять того, что сообщалось в нашей прессе о самом фестивале. Те, кто полагает, что там, на ярмарке фильмов, организовано какое-то общение между творческими работниками, ошибается. Кинозвезды появляются там только для рекламы, а главную роль играют представители прокатных фирм, те, кто продает и покупает фильмы. Для них главное — доход.

В связи с этим хочу рассказать одну историю. Она, возможно, многих шокирует, но это правда.

В 1962 году мне довелось побывать на кинофестивале в Венеции. Накануне отъезда из Москвы случайно узнал, что наша прокатная организация только что решила купить итальянский фильм «Разбойник». В Венеции меня встретил наш представитель Иван Панов, тот самый, с которым мы были в одной фронтовой киногруппе.

— Вот дела! — закричал он.— Расстались мы в деревне Колбасино, под Ржевом, а встретились в Венеции!

Член жюри фестиваля, наш режиссер, говорит:

— Дело плохо. Надежды на премию нашему фильму «Иваново детство» нет. Из одиннадцати членов только трое проявляют симпатию.

Днем загораю на пляже и слышу, как переводчик, итальянский коммунист, работающий с нашим членом жюри, говорит со вздохом:

— Эх, если бы у нас были хоть какие-нибудь контакты с фирмой «Чине Риц». Ведь они хозяева фестиваля.

Быстро отхожу в сторону и читаю в записной книжке: «Разбойник» — фирма «Чине Риц».

— Ваня,— говорю Панову, — срочно организуй встречу с представителем фирмы «Чине Риц»!

Представитель «Чине Риц» предложил встретиться на следующий день рано утром в баре.

Утренняя встреча увенчалась успехом. Договор был тут же «оформлен» на салфетках: мы покупаем фильм «Разбойник» за 20 миллионов лир, а они за ту же цену покупают наш конкурсный фильм.

— Как насчет премии? — спросил я.

— Будет. А мы сегодня же уезжаем в Рим, чтобы не мозолить тут глаза.

Фестиваль заканчивается. Жюри заседает на маленьком острове, куда не допускают даже прессу. Наконец появился наш член жюри и шепотом сообщил: «Первая премия — «Золотой лев»!

Фирме «Чине Риц», владеющей теперь нашим фильмом, тоже нужна была эта премия,— как реклама, для успеха в прокате. Впрочем, фильм, конечно, заслуживал такой награды.

В те годы довелось побывать в Чили. Это был мой самый длинный путь по воздуху.

Прокатом наших фильмов в Чили занималась прогрессивная фирма во главе с энергичной мадам Эстер. Ей помогал большой друг нашей страны поэт Пабло Неруда. В те дни он находился около города Вальпараисо на берегу Тихого океана. Мы поехали туда на машине.

Тихий океан ревел. Огромные зеленые волны, разбиваясь о скалы, обдавали брызгами каменистую набережную. Дул холодный ветер, и я вспомнил, что здесь зима.

В поселке Исле Негри (Черный Остров) машина остановилась около домика Пабло Неруды. Нас встретил хозяин. Знакомимся, входим в дом. Большая комната похожа на музей корабельных древностей. На стенах множество деревянных фигур, когда-то украшавших носовые части парусных судов. Как жаль, что не было со мной кинокамеры!..

Мы обедали в рыбном ресторане в Вальпараисо. Неруду многие узнавали и тепло приветствовали. Он спросил меня:

— Вы видели фильм Крамера «На последнем берегу»?

— Да.

— Что вы думаете о том, чтобы выдвинуть Крамера на Ленинскую премию мира?

Неруда был членом комитета по Ленинским премиям. В фильме Крамера показано, что произойдет на земле после атомной войны. Только на австралийском берегу еще остались живые люди, но и они обречены. На них движется радиоактивное облако. Они молятся богу. На американской подводной лодке идет спор, кто виноват: русские или американцы. Инженер объясняет: никто. Виноват общий страх. Но вот радист вдруг слышит какие-то непонятные сигналы. Лодка пеленгует их и добирается до Сан-Франциско. В защитной одежде команда выходит на берег. Город мертв. Источником сигналов оказалась запутавшаяся в занавеске пустая бутылка из-под кока-колы. Она качается от ветра и нажимает на ключ радиопередатчика. В конце фильма плакат: «Еще не поздно...»

Скрепя сердце я сказал, что фильм «На последнем берегу» не был широко показан на наших экранах, и награждение режиссера было бы многим не понятно. Если западный зритель пресыщен всяческими ужа-

сами и его ничем уже не удивишь, то у нас такой фильм, возможно, вызвал бы удручающую реакцию.

Неруда грустно согласился. Горько это вспоминать.

Кто мог тогда знать, какая судьба ждет эту прекрасную страну, вытянувшуюся между Кордильерами Анд и Тихим океаном, где жара поднимается к северу, а юг упирается во льды Антарктики.

СКАНДИНАВИЯ

...Начало февраля 1952 года. Я назначен представителем «Совэкспортфильма» в Осло, столице Норвегии.

Тихий город покрыт мягким, чистым снегом и кажется провинциальным. На улицах флаги с пятью цветными кольцами: идет шестая Белая олимпиада. Наша страна в зимних олимпийских играх еще не участвует.

Первое, что бросается в глаза на улицах Осло,— высокий рост и спортивная осанка прохожих, и мужчин, и женщин. Видны результаты занятий спортом. Упитанных дам в этой стране я просто не встречал.

Норвегия стала независимым государством в 1905 году, когда была разорвана уния со Швецией. Маленькая страна дала миру много известных имен: Григ, Ибсен, Бьернсен, Кнут Гамсун, Нансен, Амундсен, Тур Хейердал...

Любовь к лыжам — национальная особенность норвежцев. Но в сохранении здоровья нации большое значение имела борьба с пьянством. Спиртные напитки продавались только в специальных магазинах. Увидя незнакомца, продавец сначала смотрел в особую картотеку, проверяя, нет ли этого покупателя в числе зарегистрированных алкоголиков. Ни в субботу, ни в воскресенье в ресторанах крепкие напитки не подавались.

Вот сцена: в автобус входят пассажиры. Один что-то громко сказал, ему не ответили; он засмеялся, сел и успокоился. Шофер заметил это и вышел из своей стеклянной кабины. В автобусе обычная тишина. Но

полицейский за окном строго кивает веселому пассажиру. Тот покорно выходит. Дверцы закрываются, и мы едем дальше.

Идут на прогулку ребятишки из детского сада. Они идут гуськом, каждый держится за веревку. Длинная цепочка долго тянется поперек улицы. Машины стоят. Старшие школьники регулируют уличное движение. Делают они это старательно, с видимым удовольствием. У трамвайных рельсов совсем маленькие норвежцы, в желтых непромокаемых комбинезончиках, похожие на крошечных рыбаков, за обе щеки уплетают снег. Взрослые улыбаются, вероятно вспоминая и свое детство.

Трамвай похож на морскую яхту. Удобные мягкие сиденья, большие чистые стекла, в нем уютно и всегда свободно. Говорили, что еще недавно в трамвае можно было увидеть и самого короля.

Приказания полицейских выполняются беспрекословно. Это воспитывается с детства. В один прекрасный день ребятам в школе говорят: «Сейчас урока не будет. К вам придет полицейский». Полицейский начинает так:

«Я расскажу о том, для чего нужна полиция. Ночью вы все спите. Спят ваши мамы и папы, а мы не спим. Мы охраняем вас от воров и бандитов...» и т. д.

Каждое воскресенье Осло становится безлюдным. Жители столицы от мала до велика устремляются в горы кататься на лыжах. Поезда метро переполнены, лыжи укрепляются с наружной стороны вагонов. Едут до Холменколлена или дальше, до Фрогнерсеттера. Там проложена своя лыжня для всех категорий лыжников, от начинающих до мастеров. Постоянно дежурят санитары на собачьих нартах. В Холменколлене сооружен трамплин для летающих лыжников. На международных соревнованиях здесь собирается до ста тысяч зрителей.

Средняя температура января в Осло всего минус пять градусов — влияние Гольфстрима. По солнечным склонам гор лыжники мчатся в купальных костюмах. Вот почему в толпе зимой можно видеть загорелые лица.

В центре города знаменитый Фрогнер-парк. Он интересен скульптурами Густава Вигеланда, создавшего

из гранита и бронзы более ста пятидесяти фигур, изображающих разные сцены из жизни человека.

Сильное впечатление производит восьмидесятиметровая колонна, как бы сплетенная из ста двадцати фигур мужчин, женщин и детей. Сделана она из монолитного куска гранита весом в двести пятьдесят тонн. Скульптор трудился над этим произведением тринадцать лет. И хотя оно создано еще задолго до войны, я не мог отделаться от ощущения, что вижу тех несчастных, которые были уничтожены нацистами...

...Знакомясь с делами, я увидел, что в Норвегии созданы две совершенно разные системы проката фильмов: коммерческая (платные кинотеатры) и общественная (клубы, школы, организации, пароходы, домашние киноустановки). Фильмы, которые заведомо не пойдут в платных кинотеатрах, широко показываются в системе общественного проката.

Все городские кинотеатры принадлежали не частным лицам, а муниципалитетам, или, как их здесь называли, городским коммунам. Директором всенорвежского управления кинотеатров был известный деятель социал-демократической партии Кристофер Омут, а главой прокатной фирмы — госпожа Сонберг, или по-норвежски, фрю Сонберг. Когда мы с ней познакомились, она рассказала, что начала работать в кино много лет назад в Дании в качестве сценариста и ассистента режиссера. Участвовала в создании многих фильмов с участием Пата и Паташона. На ее столе я вижу бронзовые фигурки этих когда-то очень у нас популярных комиков.

Секретарем и переводчиком в нашем представительстве работал Трюгве Нюгор. Русскому языку он выучился на севере своей страны. Он с гордостью вспоминал, как еще в годы гражданской войны в России помогал отцу организовывать доставку угля в блокированный Петроград.

Но писать правильно по-русски Нюгор не мог. Если мне требовалось перевести что-нибудь серьезное, я оплачивал работу посольских переводчиков. Из объединения спрашивают, почему не используется штатный переводчик. В ответ я посылаю несколько переводов газетных рецензий, которые Нюгор делает обычно за несколько минут:

«Фрихетен», 9/П-55 г. Кинотеатр «Сентрум»
«Стреча в Хондурас»

Очин мало — если общее что-нибудь — в этом мужского кинофильма которые не раньше известно от бесконечные американские кинофильмы в этот жанр. Исключительно прославление насилие под легко прозрачный идеальный ряженый.

А.Б.С.

Кинотеатр «Сага»

«Мадам Ду Барры»

Нахальный до невероятности, удовольственный, но довольно циничный, является этот режим французско-итальянской продукции Кростман Жакос. И так как эти люди в состоянии играть дамами и господами, козелами, прелюбодеями и блядями, дворничими, ужами и политиками — вот время золотое.

Мартини Карол как будто созданный для того чтобы играть блестящего королевского любовника, мадам Ду Барры. Хорошо рисованное лицо и хорошо оформленное — и большой порции интеллигенция в прибавке».

А. Б. С.

После мне рассказывали в объединении, как эти переводы передавались из отдела в отдел под непрерывный хохот.

Иностранные фильмы демонстрировались с норвежскими субтитрами. Даже на шведских фильмах, язык которых понятен здесь всем, делались субтитры. Таково требование монопольной субтитражной фирмы.

Однажды в газетах появилась огромная реклама нового антисоветского фильма. Даже в трамваях были расклеены афиши.

Премьера объявлена на понедельник в самом крупном кинотеатре «Колизей». Сегодня четверг. Еду к Омуту. Он принимает меня в своем огромном кабинете. Коренастый, с доброй улыбкой, Омут похож на старого рыбака. Стараюсь возможно мягче уговорить его не выпускать этот фильм на экран.

— Я передаю также и просьбу нашего посла.

— Что же вы раньше мне об этом не сказали? Ведь уже объявлена премьера!

— Но я ведь не знаю, что у вас там! — показываю на картотеку на его столе.

— Передайте послу — я постараюсь.

Наступил понедельник. Фильм показан не был. Норвежцы не хотели портить отношений с нашей страной.

Однажды мы ужинали с Омутом и его супругой. Она, выражая симпатии русским, между прочим сказала:

— У нас, норвежцев, есть обычай указывать в своем завещании, какую музыку должны играть на наших похоронах. Я выбрала себе Чайковского.

Омут сказал, улыбнувшись:

— А я заказал мелодию из фильма Чаплина «Огни рампы».

Решив, что все это шутки, я перевел разговор на другие, более веселые темы.

А через некоторое время Омут скоропостижно скончался. На прощальной церемонии в крематории присутствовали руководители норвежского правительства. В наступившей тишине, когда огромный холм венков, закрывавший гроб, стал медленно опускаться, зазвучал орган, и я услышал печальную чаплинскую мелодию из фильма «Огни рампы»...

Улица, где жил Омут, названа его именем. Такое очень редко бывает в Норвегии. Установлена и ежегодная премия за лучший норвежский фильм: «Статуэтка Омута».

Во время войны немцы создали на территории Норвегии концлагеря, где в ужасных условиях содержались наши военнопленные.

Мужественные норвежцы всячески старались им помочь. Рискуя жизнью, они спасали их от голодной смерти.

Здесь чтят подвиг советского народа в войне против гитлеровской Германии. На севере страны, в Киркенесе, воздвигнут памятник советским воинам-освободителям. В столице также установлен монумент с надписью: «НОРВЕГИЯ БЛАГОДАРИТ ВАС».

Норвежские кинематографисты совместно с югославскими создали хороший фильм «Кровавая дорога» — о военнопленных. Он шел и на наших экранах.

И все-таки антисоветская пропаганда делает свое дело.

Однажды наши женщины о чем-то разговорились на улице. Группа школьников долго прислушивалась к незнакомой речи и наконец кто-то из девочек спросил:

— Какой вы национальности?

— Мы русские,— ответила одна из сотрудниц торгпредства.— А почему вы так внимательно на нас смотрите?

— А почему вы не красные?..

Вот почему показ наших фильмов за рубежом имеет огромное значение, особенно в тех странах, где нет в продаже наших газет, журналов и книг, нет даже граммофонных пластинок, где советские фильмы являются единственным источником правдивой информации о нашей стране.

Осенью 1964 года меня назначают представителем Совэкспортфильма в Швеции.

Еду по железной дороге. Ночью, в Бресте, на границе меняют скаты под вагонами, дальше по Европе будет более узкая колея. Выхожу на перрон. Наш вагон поднят домкратами. Пожилой рабочий сидит, отдыхает. Мы закурили.

— Давно меняешь колеса, папаша?

— Да уж лет сорок.

— И при немцах менял?

— Менял, куда денешься.

Спрашиваю полусерьезно:

— Как же вы их тут пропустили?

— Пропустили их так: в субботу вечером прошел наш поезд с зерном туда и еще должен быть поезд оттуда. Время идет, а поезда от них нет. Дежурный звонит, почему, мол, нет такого-то номера? Завтра узнаете почему,— отвечают. На наших путях стоял состав вагонов-холодильников из Германии. Ровно в четыре часа утра из этих холодильников выскочили немецкие автоматчики, заняли станцию и мост. Начальника станции и парторга убили.

— А крепость?

— Крепость, она в стороне, крепость потом долго держалась.

Тем временем скаты под вагонами уже были заменены, и наш поезд пошел по мосту через реку Буг на польскую территорию.

...Разделенный каналами Стокгольм называют северной Венецией. Многие улицы в нем напоминают Ленинград. Машины мчатся густыми рядами, среди такси попадаются наши «Волги». Здесь работало представительство по продаже наших тракторов и автомобилей, и после того как шведы перешли на правостороннее движение, наши «Волги» оказались более удобными для вождения.

Работая в Норвегии, мне приходилось не раз проезжать через Швецию. Вначале казалось, что шведы высокомерны и самолюбивы. Теперь, после того как я прожил в Швеции довольно долго, убедился, что это совсем не так. Я узнал честных, трудолюбивых и очень дисциплинированных людей.

Швед обычно бывает польщен, если его собеседнику-иностранцу известно, что его соотечественники придумали много очень полезных вещей: спички, примус, сепаратор, телефонный аппарат, шарикоподшипники, нержавеющую сталь, шведскую стенку и даже шведский стол. Надо сказать, что и в нашей стране до тридцатых годов телефоны в основном были шведскими.

Как известно, в 1709 году Петр Первый разбил войска Карла XII под Полтавой. Оказывается, на месте той битвы и до сих пор живут потомки пленных шведов. В 1965 году большая их группа приехала в Стокгольм. Здесь это вызвало сенсацию. Некоторые из гостей даже сохранили свой язык и обычаи. Их всячески обхаживали, предлагали остаться. Но они не приняли буржуазного уклада жизни и предпочли возвратиться в родной колхоз под Полтаву.

Конечно, успех помнится лучше, чем поражение. В городе Упсала сохранился старый дворец. В одном из его залов висит большая картина, изображающая разгром русских войск под Нарвой. Храбрые шведы геройски размахивают саблями, а жалкие бородатые русские солдаты снопами валяются в канавах.

Представительство Совэкспортфильма разместилось на пятом этаже старого жилого дома. Там же была и моя квартира.

Отопление печное. Каждый месяц мне доставляют дрова. Страдающий одышкой рабочий таскает огромные мешки с поленьями. Однажды в дверях представительства раздался звонок. Вошли два любезных джентльмена в цилиндрах и фраках. Гости оказались трубочистами. Быстро сделав свое дело, они удалились.

Для меня огромное удовольствие вечерами топить печи. Трещат березовые поленья, освещая тихие комнаты. Вспоминается детство, встают картины путешествий, войны...

Моего помощника и переводчика Вольгера Юнсена знали и любили многие наши кинематографисты. Мы с ним были знакомы уже более десяти лет. Это очень искренний и трудолюбивый человек.

Он говорил по-русски, как москвич, и очень любил нашу страну. Как-то он рассказал о таком случае, происшедшем в московской гостинице. Лифтер, угождая иностранцам, к скромно одетому Юнсену отнессся пренебрежительно. Юнсен возмутился и стал громко упрекать лифтера в низкопоклонстве. Его оборвали:

— Не суйся не в свое дело!

— Но вы же советские люди, как вам не стыдно!

Подошел суровый администратор:

— Пройдемте со мной!

В кабинете, увидев его шведский паспорт, стали смущенно извиняться. Хорошо проучил.

Юнсену я привил вкус к прокату наших фильмов. А то, что их смотрят, значит, что наше киноискусство в определенной мере нейтрализует антисоветскую пропаганду. Ведь миф об «американском образе жизни» был создан через коммерческий прокат голливудских фильмов. Не говоря уже о том, сколько прокатчики на них заработали!

В одном из лучших кинотеатров Стокгольма состоялась премьера фильма «Война и мир». Среди зрителей был и внук писателя Никита Львович Толстой. Через несколько дней мы с режиссером Сергеем Бондарчуком и актрисой Ириной Скобцевой были при-

глашены к шведским Толстым, братьям Никите и Павлу. Где-то в лесу около города Упсалы стоит маленький деревянный домик. В прихожей на маленьком столике видим фотографию Л. Н. Толстого с надписью: «Шведскому деду от русского деда». «Шведским дедом» был очень известный в те времена врач, толстовец, приезжавший в Россию в конце прошлого века, чтобы помогать Льву Николаевичу устраивать столовые для голодающих крестьян. Врач приезжал с дочерью, на которой потом и женился сын писателя Лев Львович.

Вдоль стен стояли шкафы с русскими книгами и старыми журналами. Нам показали снимок из журнала «Нива» за 1910 год: около стола группа детей. Внизу подпись: «Внуки Льва Толстого», и мы легко узнаем наших приветливых хозяев. Оба чем-то похожи на деда и совсем не похожи друг на друга. Они показывают нам письма бабушки Софьи Андреевны. Там много сказок и рисунков, она была хорошей художницей.

После февральской революции их отец Лев Львович оказался в Японии, где сидел в тюрьме за карточные долги. Тем временем Софья Андреевна отправила невестку и внуков на их родину, в Швецию. Никита теперь работает в какой-то сельскохозяйственной организации, на его визитных карточках изображена графская корона. Он не раз бывал в Советском Союзе и встречал там старых приятелей, которые утверждали, что он еще сохранил «петербургский акцент».

...В Стокгольм прибыл Михаил Шолохов получать Нобелевскую премию.

Шведское телевидение каждый год перед награждением премиями показывает документальные фильмы, посвященные новым лауреатам. Накануне вручения сидим у телевизора и смотрим фильм о Шолохове. Вначале диктор рассказал о творчестве писателя. Под старинную казацкую песню появились на берегу Дона всадники в бурках. Затем — дом писателя в станице Вешенской. Трогательно выглядела маленькая старая школа. Вся стена в классе заве-

шана детскими пальтишками. Шел урок английского языка. А вот интервью со старухой казачкой. Блестя металлическими зубами, она говорит:

— Это я и есть Аксинья! Это все про нашу жизнь, и все — чистая правда!

Сам Шолохов очень интересно рассказал о том, как начинал писать.

Вручение Нобелевских премий обставляется очень торжественно. В зале король с семьей, весь высший свет. Президент Шведской академии сообщает биографию и заслуги каждого. После каждого награждения долго играет оркестр.

Еще накануне лауреатов знакомят с предстоящим сложным ритуалом. Их ведут на сцену, показывают, где садиться, когда вставать, кому кланяться и как подходить к королю. Все должны быть во фраках.

Награжденные один за другим должны медленно сойти со сцены, поклониться сидящим в первом ряду дамам и направиться к королю за поздравлениями.

Журналисты подметили, что Шолохов не поклонился королю. Объяснили они это так: «Казаки никогда не кланялись даже своему царю».

Я узнал о том, что в годы гражданской войны, блокады и разрухи в Швеции, по предложению Ленина, были заказаны паровозы, очень нужные молодой Советской Республике. Шведы сделали пятьсот паровозов. С большим риском доставлялись они через Финляндию, через Балтийское море. Я понял, что это интересная тема для фильма.

Изучая эту историю, я познакомился со шведским гражданином Владимиром Семичевым, автором более сорока сценариев. На наших экранах шел фильм по его сценарию «Она танцевала одно лето».

Семичева ребенком увезли из Петрограда в Швецию. Он один из редакторов интересного трехтомного издания «Россия в иллюстрациях». Книги на прекрасной бумаге вышли из печати в 1945 году. История России, Октябрьская революция, мирное строительство, Отечественная война; географическое разнообразие, природные богатства страны, жизнь союзных

республик, культура, искусство, репродукции картин русских художников — все это представлено с большой симпатией к нашей стране. Для меня было приятной неожиданностью увидеть в этих книгах и свои снимки: «Охота на тигров», «Морские котики на острове Беринга» и многие другие. Они попали туда через Фотохронику ТАСС.

Рассказываю Семичеву о том, как в первые годы революции в Швеции по заданию Ленина делались паровозы, и вижу, как заблестели его глаза.

— Дарю вам эту тему, если вы договоритесь со шведской фирмой о постановке художественного фильма совместно с нашими кинематографистами по вашему сценарию.

Через неделю Семичев приносит мне либретто будущего фильма и копию телеграммы в Москву, которую послала крупнейшая фирма «Свенск фильминдустри», предлагая совместную постановку будущего фильма. Позднее и сам Семичев включился в работу съемочной группы.

В результате был создан советско-шведский фильм «Человек с другой стороны». Из Москвы на съемку приезжали актеры Вячеслав Тихонов, Михаил Глузский и Валентин Гафт. Со шведской стороны снималась Биби Андерсен.

Вольгер Юнсен сочувственно относился к моему желанию самому заняться съемками, тем более что он был в курсе одной давно волнующей меня темы. Задолго до приезда в Швецию я видел фотографию, где снят В. И. Ленин, идущий по улице Стокгольма с группой шведских социал-демократов и своих товарищей, возвращавшихся из эмиграции в 1917 году. Я решил выяснить, жив ли кто-нибудь из тех, кто изображен на фотографии. Оказалось, в Стокгольме живет Отто Гримлюнд, имя которого не раз встречается в примечаниях к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

С волнением осматриваю квартиру Отто Гримлюнда. Старые русские газеты, журналы, плакаты лежали кипами на столе, полках и подоконниках. Хозяин с гордостью показывает фотографию Владимира Ильича, первый официальный портрет Председателя Совнаркома с собственноручной подписью на немецком языке: «Любимому другу и товарищу

Отто Гримлюнду, 15 апр. 1920 года. В. Ульянов (Ленин)».

Это была фотография Ленина, которую я видел еще в нашей сельской школе.

В 1917 году Гримлюнд встречал Ленина в шведском портовом городе Треллеборге. Первое, что его поразило, когда он увидел выходящую с парома группу русских эмигрантов,— как бедно и плохо все они одеты. Связки книг в руках — единственный их багаж. Эта группа и была изображена на известной фотографии. Фоторепортер газеты «Дагенс нюхетер» Мальмстрем рассказывал мне, что это его отец, известный в свое время фотограф, увековечил для потомства В. И. Ленина и его спутников, идущих по улице Стокгольма в 1917 году. Отец Мальмстрема в те годы сам готовил фотоэмульсию, сам поливал ею стеклянные пластинки. Оригинальный негатив был передан сыном в Музей Ленина, в Москву.

Мне удалось организовать и снять беседу Отто Гримлюнда и Вольгера Юнсена о Ленине. Отто Гримлюнд говорил по-шведски, а вел беседу и переводил на русский Вольгер Юнсен. Привожу полностью магнитофонную запись, сохраняя стиль переводчика.

Вольгер Юнсен. Мы только что видели портрет Ленина, который он вам подарил. Расскажите, когда и где вы получили этот портрет?

Отто Гримлюнд. Мы сидели с немецким делегатом Альбертом, его настоящая фамилия — Эберлайн, и разговаривали с Лениным о его портрете. Он посмотрел на нас и улыбнулся. Он был не из тех, кому нравилось раздавать свои портреты и автографы. Эберлайн меня поддержал, и через определенное время мы получили два портрета. И не только портреты, он тогда сделал надписи на портретах, каждому лично. Эберлайн был убит Гитлером, и я думаю, что этот портрет, который остался у меня,— уже единственный из тех. Это для меня, безусловно, большая ценность.

В. Ю. Вы встретились с Лениным весной 1917 года в Швеции?

О. Г. Я был в южной Швеции, в городе Треллеборге, и там встретил Ленина. Мы ехали в поезде из Мальмэ в Стокгольм. Это была незабываемая ночь. Мы были в одном купе. В этом поезде я узнал Ленина и как политика, и как человека. Ленин как политик был готов всегда ставить вопросы... Пока он не принял собственного мнения о чем-нибудь, он всегда спрашивал. Я отвечал как мог на его вопросы о шведском рабочем движении, о левых социалистах, о молодежном движении. После этого была моя очередь ставить вопросы, как он смотрит на политическое положение в Петрограде.

В. Ю. Когда вы общались в Стокгольме, какое у вас сложилось впечатление о Ленине как о человеке?

О. Г. Правда, это впечатление было получено мною еще в поезде ночью. Ну, конечно, в течение дня это укреплялось и подтверждалось. Мы целый день были вместе. Самым главным для него было в этот день получить политическую декларацию с нашей стороны. Его жена и друзья считали, что ему необходимо купить себе одежду, использовать случай, что они в Стокгольме. Он не был таким, как современные дипломаты, он не обращал внимания на одежду, но мы уговорили его купить новый костюм. Мы пошли вместе в ПУБ, в магазин, принадлежавший кооперативному союзу. Мы пошли туда и купили тот костюм, который в настоящее время находится в Музее Ленина. Когда мы предложили ему купить еще кое-что, он пошутил: «Я еду в Россию не для того, чтобы открыть магазин мужской одежды, я еду делать революции».

В. Ю. После этого вы были несколько раз в Москве. Как нам известно, вы встречались с Лениным в Москве.

О. Г. Я обычно жил в Кремле, когда приезжал в Москву. Помню, как-то мы решили с товарищами выйти вечером в город посмотреть Москву. На лестнице мы встретили Ленина, он спешил к нам с бумагами в руках. Он быстро поднимался наверх, хотел с нами поговорить, а

мы сказали, что идем гулять. Мы все пошли на компромисс: сначала погуляем, а потом будем пить чай. Мы увидели тихую, ночную Москву. Тогда на Западе много рассказывали сказок о Москве, о том, что там происходит. Мы возвратились на Красную площадь, и перед тем как войти в Кремль, Ленин неожиданно сказал:

«А пропуска-то у меня и нет! Вдруг не пустят?»

Мы засмеялись, мы знали, что его пустят. И конечно, пустили. После этого мы пили чай и просидели почти всю ночь, пока он не сказал: «А что мои строгие товарищи из ЦК скажут, узнав, что я так долго у вас сижу и разговариваю?» Он засмеялся и ушел.

В дни, когда наша страна отмечала столетие со дня рождения В. И. Ленина, магнитофонная запись этой беседы передавалась по Всесоюзному радио. Позднее я передал эту запись в Центральный музей В. И. Ленина.

В канун юбилейной даты моя заявка на документальный фильм о пребывании Ленина в Швеции была принята. С моим старым спутником по путешествиям В. Микошей мы начали съемки.

В Стокгольме были найдены новые интересные материалы о Ленине. В Королевской библиотеке хранятся книги за многие годы, в которые посетители записывались сами. Там и были найдены автографы Ленина, тогда он называл себя конспиративным именем «Фрей».

Редкие исторические кадры кинохроники мы получили от шведского телевидения. Надо сказать, что у них прекрасно организованная, богатая фильмотека. Весь исторический фильмофонд скопирован на шестнадцатимиллиметровую пленку. Составлена подробная картотека с указанием необходимых сведений об изображении. Удивительно, что всем этим хозяйством ведает один человек. Он помогает в выборе материала, сам принимает и выдает заказы.

Мы проследили весь путь Ленина через Швецию от южного порта Треллеборг до Хапаранды, что на границе с Финляндией.

Фильм «Поезд в революцию» имел большой

успех. На Лейпцигском международном кинофестивале он получил первый приз — «Золотого голубя».

МАЛАЯ РОДИНА

Закончить эти записки мне хотелось бы еще одним путешествием — на этот раз на родину, к истокам.

В 1956 году я побывал в селе Прилуки, где родился. О том, как я родился, рассказала мне в письме моя тетка Вера. Ей было тогда пять лет:

> — «Ой, мама! — обращается твоя мать к свекрови,— я, кажется, рожу!» Почему-то в то утро в доме никого не было. Сама Ульяна Степановна должна была подоить еще трех коров. Некому было проводить твою мать в родильный дом, и она сама направилась в город. Идти надо было пять верст. Чтобы сократить путь, мама пошла полем. Ребенок падает на землю. Все юбки стали велики. Мать завернула мальчика в одну из юбок и продолжала идти. На окраине встречается городовой.
>
> — Господин городовой, помогите!
>
> Городовой взял ребенка на руки и нес до родильного дома, но там не хотели принимать роженицу: почему одна? Почему без родственников? Кто такая? Городовой и помог ей устроиться в родильный дом.

Мой отец и дед были печниками.

Необыкновенная была семья у деда. Вот кем были его дети:

1. Николай — начальник отделения в департаменте Государственного казначейства, получивший личное дворянство.
2. Александра — сестра милосердия, была на войне с Японией, работала в Иране, Индии и в Сибири в гражданскую войну. Вышла на пенсию в Ленинграде.
3. Алексей — печник.
4. Александр (мой отец) — печник.

5. Софья — работала на почте в Вологде.
6. Анна — учительница, окончила Бестужевские курсы в Петербурге.
7. Михаил — агроном.
8. Вера — колхозница, мать-героиня. Имеет 6 детей, 17 внуков и двух правнуков. Живет и теперь в доме деда.

Никого из Лыткиных теперь в селе уже нет. Последний вместе с женой умер от пьянства.

Еще в студенческие годы я видел в Москве, в Историческом музее, огромную картину, где во весь рост был изображен боярин Никита Лыткин. Не так давно я написал об этом боярине старой тетке Анне и попросил рассказать о наших предках.

«...Брат Николай,— пишет она,— выводил наш род от какого-то духовного лица, сосланного в Вологду еще в XVII—XVIII веке. Таким образом, мы могли оказаться и потомками твоего боярина. Ведь Вологда издавна была местом ссылки. Недаром в одной деревне около наших Прилук есть такие фамилии, как Шуйские, Голицыны, Ромадины, старинных боярских родов, всех я уже не помню.

А вообще фамилия Лыткины довольно распространенная. В первый раз я столкнулась с этим еще в Петербурге в 13-м году. Как-то в квартире Николая перелистывала телефонный справочник и обнаружила там с десяток Лыткиных в числе абонентов.

...Что же касается наших предков, я имею некоторые сведения только о своем прадеде Иване. Жил он в конце XVIII века и в начале XIX. Был он тоже каменщик, хороший мастер и работал в нашем монастыре. Его сын, мой дед Алексей, родился в 1808 году, умер в 1896. Я смутно помню его похороны, мне всего было 3 года. Судя по рассказам отца, дед был грамотный, очень много читал, характер у него был веселый. У него было три сына: Константин — твой дед, Михаил и Иван и три дочери. То, что мальчики были грамотны — это понятно, они учились в монастырской школе, но где учились тетки — не знаю, женской школы тогда не было, а они все умели и любили чи-

тать... Было много семей зажиточней нашей, живших почти по-городскому, а все-таки отец первый в селе начал выписывать газеты и журналы. Недаром он был многие годы членом волостного суда...

...Все Лыткины были каменщиками, как тогда называли всех строительных рабочих, кроме плотников,— печников, штукатуров, маляров.

Что тебе рассказать про старые Прилуки? Раньше наше село называлось село Коровничье... Название Прилуки идет, должно быть, от монастыря. Он был основан в XII или XIII веке. По преданию, сюда пришли откуда-то с юга два брата Димитрий и Игнатий и построили маленькую часовенку. В мое время она еще существовала. К XV—XVI векам уже была настоящая крепость, обнесенная стенами...

...До постройки железной дороги на Архангельск в 1896 г. наши Прилуки были довольно бойким торговым центром. Через них проходил архангельский тракт. В центре села стояла часовня монастырская, вокруг нее на площади были расположены торговые лавки, постоялые дворы, дома ямщиков...

...Наше село было довольно культурным благодаря тому, что при монастыре существовала начальная школа для мальчиков, открытая задолго до земских. Наиболее способных направляли учиться дальше. Вот так и попал старший брат Николай сначала в духовное училище, потом в семинарию, а дальше за отличные успехи в Духовную Академию в Петербург. Обучение и содержание везде было бесплатное, и отец, конечно, не возражал. Но в монахи брат не пошел, а поступил в министерство финансов, где и прослужил до 1916 года. Закончил он службу в должности начальника отделения в Департаменте Государственного казначейства, а умер в 1918 году после тяжелой болезни...»

Вспоминается мне и дед, и дом его, где горница была забита массой журналов, а «Нива» была за все годы и со всеми приложениями. Еще до школы я начал читать и не вылезал из дедовского дома целыми

днями. Запомнилось, как однажды увидел на старых открытках слова: «Его высокородию», так адресовался старый печник к своему сыну.

«...Ты спрашиваешь о моей матери,— продолжает тетка.— Она архангельской губернии, родилась в большой крестьянской семье где-то на реке Ваге. Там у крестьян пахотной земли мало, и молодежи в деревне было делать нечего. Ребята уходили на лесозаготовки, на сплав, а девушки собирались большими артелями и пешком шли по большой дороге, двигаясь к югу (железной дороги от Вологды до Архангельска тогда еще не было). Так они добирались до Вологды и дальше до Ярославля. Так и мать моя попала в Прилуки, нанялась в домработницы к местным жителям и прожила у них шесть лет. Когда отец овдовел и остался один с пятью детьми, он решил жениться и посватался к ней. Ему было 42 года, а ей 20. Она согласилась, потому что он не пил, не курил, не ругался и был уважаемым человеком. У него было одно увлечение — старые книги. Он рассказывал, как в юности работал со своим отцом трубочистом в городе. Так, забравшись на какой-нибудь чердак, он прежде всего обследовал, нет ли там каких-нибудь старых книг. Их у нас было много. Мне особенно запомнились три истрепанных томика: роман Евг. Сю «Агасфер или Вечный Жид» (перевод с французского) изд. 1851 года. У отца была большая библиотека. Он и мне передал эту любовь к книге...»

Анна Константиновна окончила Вологодскую гимназию и продолжала занятия на Бестужевских курсах. Там она встретила Полю Добрякову. В вологодском доме Поли находились политические ссыльные, сама она была большевичка с 1910 года.

— Однажды, это было в 1914 году,— вспоминала Анна Константиновна,— на курсах читали стихи Анна Ахматова и Александр Блок. Поэт прочел стихи «Под насыпью, во рву некошеном» — о том, как девушка бросилась под поезд. Вагоны тогда делились на классы и были окрашены в разные цвета. Пассажиры первого клас-

са ехали в желтых, второго — в синих, а в зеленых — пассажиры третьего класса.

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели...

Ахматова в темном платье с красными цветами читала из сборника «Четки». Она устала, курсистки требовали еще стихов. Все заметили, как Блок властным жестом приказал ей продолжать. Она покорно согласилась, и курсистки решили, что она влюблена в Блока — вероятно, как многие из них.

Поля Добрякова знала дату возвращения В. И. Ленина из эмиграции. Обе подруги решили его встретить, но в тот день, 4 апреля, шел дождь, трамваи почему-то не ходили, и к Финляндскому вокзалу девушки не попали. Дней через пять они слушали Ленина на одном заводе на Васильевском острове. Пропусков или пригласительных билетов тогда не было. На контроле охранники из рабочих спрашивали каждого: «Кто вас рекомендовал?» Поля назвала фамилию известного революционера Адамовича. Их впустили. Ораторы того времени были мастерами эффектных фраз и поз и этим развлекали слушателей. Но вот к столу подошел и сел скромный человек и заговорил о текущем моменте. Выступление длилось минут тридцать. Анна Константиновна запомнила главную мысль — революция тогда одержит победу, когда власть перейдет в руки рабочих. Сказав «до свиданья», Ленин быстро ушел. Все поняли, что в тот же день он должен еще где-то выступать.

После революции Поля Добрякова была на партийной работе в Москве.

Летом я работал с отцом, а осенью и зимой ходил по грязи и снегу, в мороз и метель в городскую школу. Приучился мечтать, и это отвлекало от дороги, задумаешься и не заметишь, как прошагал пять верст. Ходил во вторую смену.

Как-то в школе был объявлен концерт. Перед началом появился директор и сообщил о кончине Ленина. Концерт отменили и слушали пластинки с речами Ильича. В те дни были сильные морозы, и далеко живущим ученикам разрешили ночевать в школе. Рано утром я пришел домой. Отец, уже одетый, собирался уходить на работу. «Ленин умер»,— сказал я. Отец снял шапку, сел за стол, молча покурил и ушел. На столе остался горячий самовар. Отец ставил самовар каждое утро, и если в доме не было ни чая, ни сахара, он пил простой кипяток.

В том же 1924 году в Вологде был открыт памятник Ленину. Это был один из первых в стране памятников вождю. Открытие состоялось 7 ноября после праздничной демонстрации. Через несколько дней, рассматривая уличную фотовитрину, я вдруг вижу себя на фоне памятника. Потом я жалел, зачем не догадался тогда достать эту фотографию. Но вот в книге «Дорогие сердцу места» писателя-краеведа В. М. Малкова узнаю, что такая фотография хранится в Вологодском государственном архиве. Пишу туда, получаю снимок и вижу себя через пятьдесят пять лет.

В юности моим идеалом, человеком, которому я старался во всем подражать, был брат отца Михаил Константинович. Он хорошо рисовал, выпиливал лобзиком красивые вещи, коллекционировал птичьи яйца, удачно ловил рыбу и играл на мандолине.

Был период, когда Есенин действовал на меня, как наркотик, и мне уже казалось, что «слишком раннюю утрату и усталость испытать мне в жизни привелось». Именно Михаил тогда высмеял мое настроение, заставил продолжать учебу. Сам он окончил Вологодский молочный институт, работал директором совхоза на Урале, участвовал в войне.

Первым председателем колхоза в Прилуках был мой двоюродный дядя Михаил Михайлович Лыткин. Колхоз назывался «Прибой». Дела шли плохо. «Прибило, совсем прибило»,— вздыхали бабы. Название колхоза не понимали, ведь до ближайшего Белого моря было очень далеко. Оказалось, колхоз был назван председателем в честь любимого писателя Новикова-Прибоя. Неизвестно, знал ли об этом сам писа-

тель. Потом название изменили, стали заниматься овощами, в пригороде это было выгодно, и дела поправились.

Во время войны колхозом стал руководить возвратившийся после ранения Николай Синицын, мой двоюродный брат с материнской стороны.

Вот еще кусочек письма Анны Константиновны о старых Прилуках:

> «...я хорошо помню Дмитриев день. Он праздновался 3 июня в честь основателя монастыря Дмитрия Прилуцкого. Это был очень веселый праздник. Начинался он торжественным крестным ходом из Вологды. Собирались попы из всех вологодских церквей с иконами, с хоругвями и шли пешком до Прилук. За ними толпы богомольцев. После службы в монастыре опять с пением обходили вокруг стен монастырских и под колокольный звон удалялись обратно в город. А в Прилуках начиналось празднество уже дня за два до праздника: приезжали разные торговцы, устраивали палатки, завозили товары. На площади перед спуском к реке устраивали карусель — главное ребячье удовольствие, разные качели, цирковые балаганы и т. п. Гостей из Вологды привозил специальный пароход. Во время праздника происходил «смотр невест». Каждая девушка, как правило, шила себе новое летнее платье. И вот после обедни нарядные девушки выходили и прогуливались чинно, рядами по аллеям монастырского сада и центральным улицам села, а матери женихов придирчиво разглядывали и оценивали невест. Твоя мама была там не из последних. Она была очень красива и одеться тоже умела...»

Моя мать Валентина Николаевна Синицына выросла в деревне Выпрягово рядом с Прилуками. Говорили, что там по дороге на Кубенское озеро около приходской церкви Николы когда-то был такой крутой спуск, что лошадей надо было или выпрягать или они выпрягались сами. В школу мать не ходила, читать и писать выучилась сама. Ее дядя, печник Иван Аполлонович Синицын, был в свое время известным революционером, сочинял песни, дома почти не жил,— сидел по тюрьмам и в ссылке. В 1930 году я пови-

дался с ним в пансионате для старых большевиков на Калужской площади в Москве.

В Вологде жил мой двоюродный дядя Ваня Лыткин, страстный радиолюбитель. Иногда после школы я оставался ночевать в их доме. Мальчишками мы бегали вместе, потом он стал плохо ходить и наконец слег и уже не вставал. Однажды, в начале 1929 года, мы слушали радиопередачу «Рабочий полдень». Маяковский читал стихи. Передача повторялась через час. Чтобы еще раз его послушать, я почти бегом добежал к себе домой в село и, конечно, успел. Маяковский опять читал спокойно, как бы разговаривая, без поэтических завываний и причитаний. Стихи были о фабрике-кухне, о положении женщины: «Хозяйка домашняя Борщина, лицо преждевременно сморщено», «Скольким идеалам смерть на кухне и под одеялом». В повторной передаче он читал и другие стихи, магнитофонов тогда не было.

Итак, я дома, на родине. Дверь маленькой избы, где я остановился, открывается, входит мужик: «Здорово, Николай!» Пока я разглядываю его, пытаясь вспомнить, кто это, он достает из кармана бутылку и ставит на стол. Через полчаса приходит новый гость и тоже с водкой. Это друзья детства, те немногие, кого пощадила война...

Мне нередко приходилось приезжать в Вологду за годы моих странствий, и всякий раз мне делалось грустно.

Все улицы переименованы, некоторые названы именами писателей, никогда не бывавших в Вологде, может быть, и не вспоминавших о ней. Архангельская улица показывала дорогу на север, в Архангельск, и это имело смысл. Торговля продуктами налажена плохо. По этому поводу рассказывается известный анекдот об иностранце, который все ходит по улицам и спрашивает, где находится магазин «Принцип». Все недоумевают, а он объясняет: «Я ищу этот магазин, потому что мне говорят, что в принципе все достать можно».

Вологда растет и ширится. Если раньше от нашего дома до города было пять верст, то теперь его граница подошла уже к нашей школе. На этом ме-

сте стоит щиток с надписью ВОЛОГДА, с другой стороны (для тех, кто едет из города в аэропорт) — СЧАСТЛИВОГО ПУТИ. За нашими домами, там, где теперь аэродром, было большое поле и лес, где рубили дрова на зиму, собирали грибы и ягоды: голубицу, бруснику, клюкву и морошку; особенно вкусна была янтарно-желтая морошка, пролежавшая зиму под снегом.

Прошло время, когда редко-редко слышалось цоканье копыт по булыжной мостовой. Теперь непрерывно мчатся автобусы и грузовики. Через реку по двум уже железнодорожным мостам без конца громыхают тяжеловесные составы поездов, а там, где были огороды, лязгают буферами товарные вагоны. Над самыми крышами один за другим с воем садятся и взлетают реактивные самолеты. Тополя наши срезаны, они мешали авиации. «Возле Вологды днем и ночью гуд»,— сказала поэтесса Ольга Фокина. Это о Прилуках.

А что же монастырь? Он стал филиалом областного музея. Главы собора раньше были в виде «ваз». Эта форма присуща многим северным монастырям и церквам. Теперь же их сделали в виде «шлемов»,— вероятно, так было проще производить ремонт, и тем самым нарушили стилевое единство всего ансамбля. То, что в детстве мне казалось какой-то цветной сказкой, стало похоже на руины. Стены и башни потеряли свои цвета. В церквах разрушены стены, выломаны окна, полы. Много разрушений видел я во время войны, но то была война! А тут украдено веками накопленное золото, серебро, драгоценные камни, иконы, утварь, старинные книги...

Помню, что и после революции монастырь был открыт, шла служба и все было на месте. Даже нам, мальчишкам, разрешалось звонить на пасхальной неделе. В 1928 году в трапезной палате уже закрытого монастыря был открыт сельский клуб. Прекрасно помню, что все убранство церквей, иконы, фрески, различная утварь — все было еще на месте. Потом в монастыре хозяйничали различные организации и посторонних туда не пускали.

Филиал музея останется памятником варварству, бесполезным молитвам, страданиям и слезам.

Недалеко от монастыря, на обрывистом берегу ре-

ки Вологды, стоит запущенная приходская церковь Николы. Когда-то там крестили, венчали и отпевали. Там лежат мои предки, отец, мать...

Как не удивиться строчкам Николая Рубцова:

...Когда повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

Много повидал я чудес и красот, но искренне говорю, что нет для меня ничего дороже и милей моей малой родины. Но все-таки раньше было лучше.